

Псковское региональное отделение
Русского географического общества
Псковский государственный университет

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ФАКТОРЫ, ТРЕНДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией А. Г. Манакова

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским
советом Псковского государственного университета*

Псков
Псковский государственный университет
2022

УДК 913:911.3
ББК 26.890
Э91

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Псковского государственного университета

Рецензенты:

Калуцков В. Н., д-р геогр. наук (г. Москва, Россия),
Герасименко Т. И., д-р геогр. наук (г. Оренбург, Россия).

Авторский коллектив:

Н. В. Данилкина, И. В. Ермолин, И. А. Иванов,
Р. Н. Кроток, А. Г. Манаков, А. С. Соколов,
П. Э. Суворков, Н. К. Теренина, А. Г. Хохрин

Э91 **Этнокультурная трансформация постсоветского пространства : факторы, тренды, перспективы** : монография / под ред. А. Г. Манакова. — Псков : Псковский государственный университет, 2022. — 344 с.

ISBN 978-5-00200-075-3

В коллективной монографии, подготовленной в рамках научного проекта при финансовой поддержке РФФИ № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы», представлены основные результаты исследований, проведённых в 2020–2022 гг. участниками проекта.

УДК 913:911.3
ББК 26.890

ISBN 978-5-00200-075-3

© Коллектив авторов, 2022
© Псковский государственный университет, 2022

Предисловие

Представляемая вниманию читателя коллективная монография содержит основные результаты исследований, выполненных в рамках научного проекта, получившего финансовую поддержку Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) на 2020–2022 гг.

Заявленная *цель проекта* — оценка перспектив трансформации этнокультурного пространства постсоветских стран с опорой на выявленные факторы и тренды их этнического и демографического развития.

Пять основных *задач проекта*:

1) делимитация этнокультурного пространства постсоветского мира, т. е. разграничение основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства с последующим анализом его трансформации на региональном уровне;

2) определение трендов трансформации этнокультурного пространства постсоветских государств в различные временные интервалы;

3) оценка влияния на изменение этнической и конфессиональной структуры населения постсоветского пространства геополитического, социально-экономического, демографического и др. факторов;

4) качественная оценка перспектив трансформации этнокультурного пространства постсоветских государств в зависимости от разных геополитических сценариев развития России и сопредельных стран;

5) прогноз этнодемографических процессов в постсоветских государствах на ближнюю и дальнюю перспективу по нескольким вероятным сценариям демографического развития России и соседних стран.

Монография делится на пять крупных разделов, примерно соответствующих основным задачам проекта. Но есть и темы, не обозначенные в задачах, которым уделено достаточно пристальное внимание. Важнейшим слоем (или компонентом вертикальной структуры) этнокультурного пространства является

языковой (или лингвистический). И потому один из разделов монографии (третий) посвящён рассмотрению вопросов использования русского языка на постсоветском пространстве.

Крупные разделы монографии включают по три или четыре подраздела, в каждом из которых представлены результаты самостоятельных исследований.

Первый раздел посвящён выделению основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства в пределах всего постсоветского мира. Здесь же рассмотрена зависимость между длительностью пребывания территорий в составе единого государства и распространённостью русского языка в разных уголках постсоветского пространства.

Во втором разделе проанализирована динамика этнокультурного пространства постсоветского мира на региональном уровне, а также выявлены основные тренды этнокультурной трансформации на постсоветском пространстве.

Четвёртый раздел посвящён отдельному макрорегиону постсоветского пространства — Центральной Азии (или Казахстану и Средней Азии в советский период), который стал полигоном для отработки нескольких методик изучения этнокультурного пространства применительно к территориям стран ближнего зарубежья. Кроме того, рассмотрены перспективы этнокультурной трансформации макрорегиона в зависимости от выбранной странами Центральной Азии геополитической стратегии развития.

В пятом разделе монографии на фоне анализа динамики этнических групп с 1959 г. представлены результаты этнодемографического прогноза в ряде стран ближнего зарубежья (Эстонии, Латвии, Литве и Республике Беларусь) до 60-х гг. XXI в. Особенность прогноза связана с тем, что особое внимание в нём обращено на собственно этнические процессы, и вне учёта остаётся наиболее зависимый от социально-экономической и геополитической ситуации миграционный фактор. По Украине, последняя перепись населения в которой состоялась в 2001 г., вместо прогноза на среднесрочную перспективу дана оценка этнодемографической и лингвистической ситуации на 2021 г.

ВВЕДЕНИЕ

Распад Советского Союза привёл к радикальной этнической трансформации на территории всех молодых государств. В первую очередь, это касается стран ближнего зарубежья, где происходит достаточно быстрый рост удельного веса титульных народов на фоне стремительного сокращения численности и доли русского населения. В настоящее время русское население, проживающее в бывших советских республиках, часто рассматривается как ресурс для пополнения демографического потенциала России¹. Но это же население, по выражению В. А. Тишкова, выступает в качестве «демографической основы существования русского языка»² в странах ближнего зарубежья. Вместе с тем, русский язык часто рассматривается как инструмент «мягкой силы» России³, особенно в контексте евразийской интеграции⁴. Однако «сжимающееся русскоязычие» ведёт к ограничению возможностей использования данного инструмента интеграции на постсоветском пространстве⁵.

---

¹*Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Храмова М. Н.* Формирование миграционного потенциала соотечественников в странах Центральной Азии // *Народонаселение*. 2015. № 4 (70). С. 58–67.

²*Тишков В. А.* Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // *Вестник РАН*. 2008. Т. 78. № 5. С. 417.

³*Молодов О. Б.* Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // *Дискурс-Пи*. 2017. № 1 (26). С. 93–100.

⁴*Стрельцова Я. Р.* Потенциал русского языка как средство интеграции на евразийском пространстве // *Информационные войны*. 2014. № 2 (30). С. 81–87; *Худоренко Е. А.* Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 163–182.

⁵*Савин И. С., Космарская Н. П.* Судьба русского языка в Казахстане: возможности и барьеры использования российской «мягкой силы» // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2020. № 5. С. 119–130; *Шульга Е. П.* Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии // *Вопросы политологии*. 2018. Т. 8. № 6 (34). С. 54–60.

В зарубежной науке изучение изменения этнической структуры населения чаще всего связывается с миграциями населения вследствие политических потрясений, изменений государственных границ и создания новых государств.

К примеру, в последнее время много таких исследований проводится на территории бывшей Югославии⁶, распад которой привёл к радикальной перестройке этнической структуры населения новообразованных государств. С этой же точки зрения проявляется интерес иностранных исследователей и к постсоветскому пространству⁷.

Глубина постсоветской этнической трансформации сильно разнится не только на государственном, но и на региональном уровне. В период после распада Советского Союза серьёзные изменения претерпевает и этническое пространство России. В связи с этим не менее актуальным является изучение регионального аспекта обозначенной выше проблемы.

---

⁶*Milosavljević S., Medojević J.* Contemporary changes in the ethnic structure of the population in the Autonomous Province of Kosovo and Metohija // *Bulletin of Natural Sciences Research*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 23–27; *Novotný L., Pregi L.* Changes in ethnic structure of population in the light of recent trends of migration and natural reproduction // *Geographica Pannonica*. 2015. Vol. 19. No. 4. P. 194–211; *Raduški N.* Ethnic homogenization of Serbia in the period 1991–2002 // *Zbornik Radova: Geografski Institut "Jovan Cvijić"*. 2011. Vol. 61. No. 2. P. 37–51; *Raduški N.* Ethnic Migrations in Vojvodina in the Second Half of the 20th Century // *Migracijske i Etničke Teme*. 2002. Vol. 18. No. 4. P. 339–348; *Гнято Р.* Региональный аспект изменений в этнической структуре населения Республики Сербской после 1991 года // *Псковский регионологический журнал*. 2022. Т. 18. № 2. С. 21–42. DOI: 10.37490/S221979310019448-5.

⁷*Fierman W.* Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100; *Heleniak T.* The End of an Empire: Migration and the Changing Nationality Composition of the Soviet Successor States // *Diasporas and Ethnic Migrant: German, Israel, and Post-Soviet Successor States in Comparative Perspective* / Ed. Rainer Ohliger and Rainer Munz. 2003. London: Frank Case Publications. P. 131–145; *Marcu S.* Geopolitics of border and immigration in Post-soviet Russia // *Anales de Geografia de la Universidad Complutense*. 2011. Vol. 31. No. 1. P. 83–106.

Для оценки трансформации этнической структуры населения как собственно «русских», так и национальных регионов России чаще всего используются такой показатель, как изменение доли русского населения, например, в исследовании В. С. Белозёрова и А. А. Черкасова⁸. Также на динамику доли русских в регионах России и других стран постсоветского пространства, но с использованием ещё и показателей, отражающих динамику других народов, опираются при изучении этнической трансформации такие авторы, как А. Г. Дружинин⁹, А. Т. Кушубеков¹⁰, А. В. Обыграйкин и Ю. А. Симагин¹¹, С. Я. Суций¹², Д. В. Жи-

---

⁸*Belozerov V. S., Cherkasov A. A. Regional features of shaping the ethnic structure in the Russian population // Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 3. С. 97–108; Черкасов А. А. ГИС-мониторинг трансформации этнической структуры населения городской и сельской местности в России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2018. Т. 24. № 1. С. 99–108.*

⁹*Дружинин А. Г. Северокавказская составляющая трансформации этнической структуры регионов России (аналитика и комментарии к итогам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2 (7). С. 9–20; Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа): монография; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 2020. 268 с.*

¹⁰*Кушубеков А. Т. Основные тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов Кыргызстана в советский и постсоветский периоды // Наука и новые технологии. 2008. № 7–8. С. 75–78.*

¹¹*Обыграйкин А. В., Симагин Ю. А. Изменение этнического состава и численности населения регионов России в начале XXI века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2012. № 2 (10). С. 94–101.*

¹²*Суций С. Я. Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 22–37; Суций С. Я. Русские в Прибалтике — геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 21–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02; Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.*

тин¹³, В. Н. Стрелецкий¹⁴ и многие др. При этом два последних из обозначенных авторов добавили к своему анализу ещё и такой показатель, как степень концентрации титульных народов в пределах «своих» национально-государственных образований. Так, оба автора отмечают заметно усилившуюся в конце XX — начале XXI вв. в России тенденцию стягивания титульных народов в «свои» республики.

Ту же тенденцию отмечают С. Г. Сафронов¹⁵ и З. А. Трифонова¹⁶, исследования которых частично или полностью посвящены изучению динамики титульных народов национальных субъектов Российской Федерации. В своей работе З. А. Трифонова предложила долю титульного народа в населении национально-территориальных образований обозначать как «коэффициент этнической однородности», а удельный вес титульного народа, проживающего в национально-территориальном образовании, от общей численности народа, проживающего в стране, называть «коэффициентом этнической концентрации»¹⁷.

Другой подход к изучению трансформации этнической структуры населения регионов России с 1959 по 2010 гг. использовал А. Ю. Орлов¹⁸, предложивший сравнение рассчитанного

---

¹³Житин Д. В. Изменение в расселении русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI в. // Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 3. С. 67–82.

¹⁴Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX — начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-Российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72; *Streletskiy V. Ethnic Settlement Shifts in Russia in 1989–2017: Main Trends and Cultural-Geographical Consequences // Practical Geography and XXI Century Challenges. International Geographical Union Thematic Conference dedicated to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2018. P. 532.*

¹⁵Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.

¹⁶Трифопова З. А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.

¹⁷Там же, с. 62.

¹⁸Орлов А. Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования.

им за разные годы индекса этнической мозаичности (ИЭМ) — показателя, введённого в научный оборот ещё в середине 1970-х гг. Б. М. Эккелем¹⁹. В начале 1980-х гг. данный показатель применил В. В. Покшишевский при изучении этнической смешанности населения столиц республик СССР²⁰. Индекс этнической мозаичности имеет то преимущество, что позволяет количественно отразить степень полиэтничности любой территории. Но за этим преимуществом скрывается и значимый недостаток, связанный с тем, что сама по себе величина ИЭМ, и особенно её динамический аналог, нуждаются в дополнительных комментариях, оперирующих удельным весом разных этнических групп в населении региона²¹.

Этот недостаток можно избежать, если от сложных (многокомпонентных) ЭКЗ перейти к анализу двухкомпонентных ЭКЗ, на которые можно разложить ЭКЗ любой сложности.

В качестве одного из инструментов изучения двухкомпонентных ЭКЗ одним из участников проекта предложен «индекс этнической контактности» (ИЭК), который отражает вероятность встречи представителей двух национальностей на конкретной территории²². Для расчёта ИЭК перемножаются доли двух национальностей в пределах определённой административной единицы, затем результат умножается на два. В этнодемографии аналогичным образом рассчитывают вероятность заключения этнически смешанных браков. Величина ИЭК в двухкомпонентных этноконтактных зонах не может превышать 0,5.

2013. № 2 (40). С. 120–124.

¹⁹Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

²⁰Покшишевский В. В. Методы изучения этнической смешанности городского населения // Советская этнография. 1983. № 1. С. 16–23.

²¹Manakov A. G. Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses // Geography and Natural Resources. 2019. No. 2. P. 13–21.

²²Геренина Н. К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионалогический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–116. DOI: 10.37490/S221979310018427-2.

Несомненным преимуществом использования показателя ИЭК вместо индекса Эккеля при изучении двухкомпонентных этноконтактных зон является возможность отображать на карте качественным фоном этнический компонент с более высокой долей. К тому же, картографирование изменения ИЭК за определённый временной интервал может сопровождаться отображением положительной или отрицательной динамики этнических компонентов ЭКЗ.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ²³

А. Г. Манаков, И. А. Иванов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Произошедший почти три десятилетия назад распад Советского Союза послужил толчком к началу радикальной трансформации этнической структуры населения новообразованных государств. Изучение этой трансформации с позиции географической науки нуждается в разработке собственного инструментария. Для решения данной научной задачи наиболее приемлемыми являются концепции, разработанные в отечественной культурной географии, а именно, концепции *геокультурного пространства*, *этноконтактных зон* и *геоэтнокультурных систем*. Первым шагом в изучении происходящей этнической трансформации является выделение основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства государств, образовавшихся в результате распада СССР.

Наиболее полный обзор разных взглядов и подходов к пониманию геокультурного пространства, сложившихся в отече-

---

²³Раздел подготовлен на основе публикаций: *Манаков А. Г.* Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран // Географический вестник = Geographical bulletin. 2021. № 2 (57). С. 22–35. DOI: 10.17072/2079-7877-2021-2-22-35; *Манаков А. Г., Данилкина Н. В.* Русское языковое пространство как отражение процессов этнокультурного преобразования территорий в составе единого государства // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S086960712006004X; *Manakov A. G., Danilkina N. V.* Formation of the State Territory of the Former USSR and Circulation of Russian Language Nowadays // Regional Research of Russia, 2021, Vol. 11, No. 2, pp. 215–222. DOI: 10.1134/S207997052102009X.

ственной географии, представлен в работах Д. А. Дирина²⁴. Одной из важнейших характеристик геокультурного пространства является его многослойность. В числе основных элементов вертикальной структуры геокультурного пространства выступают его этнический, лингвистический и конфессиональный слои, которые можно объединить под обобщающим названием «этнокультурное пространство»²⁵. При этом заметно различаются подходы к выделению компонентов горизонтальной структуры каждого из слоёв этнокультурного пространства.

Отечественные культур-географы чаще всего выделяют три основных элемента территориальной структуры этнического пространства России. Например, согласно В. Н. Стрелецкому, это: 1) «русское мегаядро», включающее как «русские» области и края, так и часть национальных автономий; 2) контактные (или этноконтактные) зоны на окраине мегаядра; 3) «иноэтнические регионы» за пределами «русского мегаядра»²⁶. С. Г. Сафронов предлагает такой вариант структуризации этнического пространства России: 1) русское мегаядро; 2) национальные регионы; 3) переходные этноконтактные зоны²⁷.

В качестве критерия принадлежности регионов России к геокультурному мегаядру страны оба отмеченных автора предлагают абсолютное преобладание (более 80 %) русских в общей численности населения региона, что примерно соответ-

---

²⁴ *Дирин Д. А.* Геокультурное пространство: понятие, структура, основные свойства и факторы дифференциации // География и природопользование Сибири. 2015. № 19. С. 45–56; *Дирин Д. А.* Концепт «геокультурное пространство» в общественной географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 146–160.

²⁵ *Манаков А. Г.* Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.

²⁶ *Стрелецкий В. Н.* Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // Вестник исторической географии, № 1. Смоленск: Изд. СГУ, 1999. С. 31–53.

²⁷ *Сафронов С. Г.* Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-9.

ствуется средней доле русского населения по стране. Но при этом В. Н. Стрелецкий обратил внимание на то, что примерно в трёх десятках регионов этот показатель по итогам переписей населения 1989 и 2002 гг. превышал 90 %²⁸ (к 2010 г. число таких регионов выросло до 40). Многочисленность регионов в этой категории позволяет внутри «русского мегаядра» выделить Русское этническое ядро, являющееся фактически моноэтнической территорией.

Этноконтактные зоны (ЭКЗ) как важный компонент геокультурного пространства России рассмотрены в работах Т. И. Герасименко и Б. Б. Родомана²⁹. Включение в территориальную структуру этнического пространства страны такого элемента, как ЭКЗ, заставляет задать некоторые количественные критерии, позволяющие не только выделить ЭКЗ, но и осуществить их разделение в зависимости от степени выраженности. Для этого нами ранее было предложено использовать такой показатель, как индекс этнической мозаичности (ИЭМ) Б. М. Эккеля³⁰, который рассчитывается по формуле: $ИЭМ = 1 - \sum (N_i)^2$, где N_i — доля представителей i -ой национальности ($i=1,2,\dots$) в регионе исследования.

В результате серии эмпирических исследований нами было предложено выделение ЭКЗ двух категорий — «неярко выраженных» (в случае, если ИЭМ варьирует от 0,2 до 0,4) и «ярко выраженных» (если ИЭМ превышает 0,4). Обычно при ИЭМ=0,2 доля представителей преобладающей национальности на конкретной территории близка к 90 %. Если ИЭМ=0,4, то эта

---

²⁸Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX — начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-Российский форум. 2011. №1(2). С. 51–72.

²⁹Герасименко Т. И., Родоман Б. Б. Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 51–59; Герасименко Т. И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. №2. С. 152–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161.

³⁰Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

доля близка к 75 %. С учётом приведённых количественных соответствий, в пределы Русского этнического ядра можно включить территории, где ИЭМ ниже 0,2, а территории с ИЭМ от 0,2 до 0,4 можно отнести к контактной зоне Русского мегаядра. Если ИЭМ превышает 0,4, то уже можно говорить о контактных зонах вне пределов Русского мегаядра³¹.

В пределах конфессионального слоя этнокультурного пространства, опираясь на терминологию С. Г. Сафронова³², можно выделить такие элементы, как крупные конфессиональные плиты (в соответствии с тремя мировыми религиями — христианством, исламом и буддизмом) и контактные зоны, образующиеся в местах наложения основных конфессиональных плит. Причём можно говорить как о территориальных ядрах мировых религий, так и о ядрах «региональных филиалов» крупных конфессиональных плит. В качестве критерия выделения ядер конфессиональных плит автор предложил использовать такой показатель, как превышение половины населения, исповедующего конкретную религию. По нашему мнению, количественные критерии выделения ядер конфессиональных плит должны различаться в зависимости от их «мощности», и вполне могут быть ниже представленной выше величины. В этнокультурном пространстве конфессиональный слой играет важную роль, при этом его участие в формировании культурной специфики может быть обозначено с помощью качественной характеристики, которая концентрирует внимание на традиционной религии конкретных народов.

Лингвистический слой в этнокультурном пространстве может быть представлен долей носителей определённых языков, что далеко не всегда соответствует собственно национальности,

---

³¹Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.

³²Сафронов С. Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 443–460; Сафронов С. Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // Региональные исследования. 2013. № 4 (42). С. 87–100.

определяемой путём этнической самоидентификации. В нашем случае речь идёт об использовании русского языка за пределами России, а точнее, о доле населения, считающего русский язык родным или же использующего его в повседневной жизни. Так как такая статистика имеется лишь по нескольким странам постсоветского пространства, возникла необходимость в авторской оценке этого показателя. Так, за исключением Украины и Республики Беларусь, в постсоветских государствах была рассчитана суммарная доля этнических групп, предположительно использующих в повседневной жизни русский язык.

Собственная методика по выделению элементов территориальной структуры этнокультурного пространства была разработана в рамках концепции геоэтнокультурных систем (ГЭКС), основные положения которой изложены в монографии С. Я. Суцкого и А. Г. Дружинина «Очерки географии русской культуры»³³. В качестве основных структурных элементов ГЭКС выступают: *ядро*, *этноконтактная зона*, *социокультурное поле* (т. е. поле воздействия одной ГЭКС на другую), *этнокультурное поле* (т. е. зона культурного влияния этносов, расселённых дисперсно вне границ своих ГЭКС). Всего авторами монографии было подготовлено две картосхемы, охватывающие ГЭКС в пределах всего бывшего Советского Союза: 1) структурные элементы Русской ГЭКС (рис. 1), 2) национальные ГЭКС в российском геопространстве.

---

³³Суцкий С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

Рис. 1. Структурные элементы Русской геотнোকультурной системы в позднесоветское время (составлен по ³⁴)

Границы на 1989 г.: **1** — государств, **2** — союзных республик; **3** — структурных элементов Русской ГЭКС; **4** — столицы государств; **5** — столицы союзных республик; **6** — прочие города; структурные элементы Русской ГЭКС: **7** — ядро ГЭКС; **8** — регионы ГЭКС (периферия и полупериферия): **I** — Север России, **II** — Юг России, **III** — Поволжье, **IV** — Урал, **V** — Сибирь (супер-регион), **VI** — Дальний Восток; **9** — «переходные» зоны между регионами; **10** — территории, выступающие одновременно как переходные и внутренние этноконтактные зоны (этноконтактные зоны: **A** — Южнороссийская (Северо-Кавказская), **B** — Урало-Поволжская, **B** — Южноазиатская, в т. ч. **B₁** — казахская подзона, **B₂** — южносибирская подзона; **C** — Северовосточное «внутреннее» этноконтактное поле; **11** — социоэтнокультурные поля: **D** — Закавказское, **Г** — Среднеазиатское, **З** — Западноукраинское; типы этноконтактных зон: **12** — внутренние (отсутствие других ГЭКС, но значительная (более 20 %) доля иноэтнического населения), **13** — определяющая доминанта русской компоненты, **14** — доминанта русской компоненты (национальные ГЭКС достаточно компактны (исключение — Якутия), неразвиты), **15** — доминанта русской компоненты (национальные ГЭКС развиты, сходны по конфессии), **16** — равновесие великорусской и местной составляющих, **17** — преобладание местной компоненты, **18** — определяющая доминанта местной культуры.

³⁴Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. С. 98, 100.

Количественный критерий выделения структурных элементов Русской ГЭКС — это доля русских в общей численности населения регионов России и союзных республик по итогам переписи 1989 г. Так, в большинстве областей ядра Русской ГЭКС доля русских превышает 95 %, в регионах (периферии и полупериферии) ГЭКС и «переходных» зонах между ними — 80 %, во внутренних этноконтактных зонах — 70 %, этноконтактных зонах с доминантой русской компоненты — 50 %. Соответственно, остальные территории относятся к этноконтактным зонам с доминированием местной компоненты или же к социоэтнокультурному полю Русской ГЭКС (здесь доля русских составляет менее 5 %). В последних случаях уже используются дополнительные индикаторы, в т. ч. доля титульных народов, их соотношение с русскими. Но при этом количественные критерии не выдерживаются в полной мере, и тогда добавляются качественные характеристики, такие как доминирование русской или местной культуры, степень развитости национальных ГЭКС, преобладающие конфессии.

КОМПОНЕНТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Данный раздел посвящён методике выделения основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран. В качестве информационной базы раздела выступает статистика по национальному составу населения по итогам раунда переписей и учётов населения стран постсоветского пространства в период 2009/2011 гг., результаты которого отражены на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR³⁵.

В 2009 г. перепись населения была проведена в Республике Беларусь, Азербайджане, Казахстане и Кыргызстане, в 2010 г. — в Российской Федерации и Таджикистане, в 2011 г. — в Эстонии, Латвии, Литве, Абхазии и Армении. Кроме того, в разделе монографии задействована статистика по использованию русского языка разными народами в республиках и регионах России по итогам переписи населения 2010 г.³⁶. Использовались данные, полученные в результате учётов населения в том же году в Эстонии, Казахстане и Кыргызстане. В случае проведения переписей или учётов населения вне этого периода (например, в 2014 г. в Молдове и Грузии), давалась оценка национального состава населения на 2010 г. Также на этот год была дана оценка этнической структуры населения областей Украины, с опорой на выявленные тренды в период с 1989 по 2001 гг.

---

³⁵Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 20.07.2022).

³⁶Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. С. 240–305. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-09.pdf (дата обращения: 04.08.2020).

Так как наиболее часто в качестве количественного критерия для выделения компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства используется удельный вес русских в общей численности населения, рассмотрим постсоветские государства именно с этой точки зрения. Ниже представлена доля русских в населении регионов постсоветских стран (субъектов Российской Федерации, столиц государств, административных единиц первого порядка, исторических областей, непризнанных или частично признанных республик и т. п.) по состоянию на рубеж первого и второго десятилетий XXI в. (рис. 2).

Рис. 2. Доля русских и компоненты территориальной структуры Русской ГЭКС на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. Современные границы: 1 — государств, 2 — регионов; 3 — столицы государств; 4 — прочие города; доля русских: 5 — 95 % и более, 6 — от 90 до 95 %, 7 — от 75 до 90 %, 8 — от 50 до 75 %, 9 — от 25 до 50 %, 10 — от 10 до 25 %, 11 — от 5 до 10 %, 12 — менее 5 %.

Используя в качестве иллюстрации данную карту, нами предлагается ввести более чёткие количественные критерии для

выделения компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских государств, которые в значительной степени согласуются с рассмотренными выше концепциями *геокультурного пространства*, *этноконтактных зон* и *геоэтнокультурных систем*. При этом ключевой в данном случае принимается концепция *геоэтнокультурных систем*, а точнее, представлен взгляд с позиции Русской геоэтнокультурной системы (табл. 1).

Таблица 1

Компоненты территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы и их количественные маркеры

Компоненты территориальной структуры Русской ГЭКС			Доля русских	Величина ИЭМ
1. Мегаядро Русской ГЭКС	1.1. Этническое ядро	1.1.1. Наиболее однородная часть этнического ядра	95 % и более	Менее 0,1
		1.1.2. Относительно однородная часть этнического ядра	90–95 %	0,1–0,2
	1.2. Контактная зона мегаядра	Внутренняя слабо выраженная этноконтактная зона	75–90 %	0,2–0,4
2. Внутренняя периферия Русской ГЭКС		Внешние ярко выраженные этноконтактные зоны	50–75 %	0,4–0,6
3. Внешняя периферия Русской ГЭКС		Внешние наиболее ярко выраженные этноконтактные зоны	25–50 %	Более 0,6
4. Социокультурное поле Русской ГЭКС		4.1. Сильное влияние Русской ГЭКС	10–25 %	
		4.2. Слабое влияние Русской ГЭКС	5–10 %	
		4.3. Минимальное влияние Русской ГЭКС	Менее 5 %	

Так, для выделения Русского этнического ядра предлагается использовать такой критерий, как доля русских, превышаю-

щая 90 % населения региона (ИЭМ менее 0,2). Но внутри этнического ядра Русской ГЭКС достаточно много регионов, где доля русских превышает 95 % (ИЭМ менее 0,1). Соответственно, это наиболее однородная часть Русского этнического ядра, которую в полной мере можно считать моноэтнической территорией. Внешнюю границу мегаядра Русской ГЭКС предлагается проводить по доле русских 75 % (ИЭМ близок к 0,4). Регионы с долей русских от 75 до 90 % отнесены к контактной зоне Русского мегаядра, которая соответствует слабо выраженным этноконтактным зонам (ИЭМ от 0,2 до 0,4).

Периферия Русской ГЭКС разделена на два компонента (внутреннюю и внешнюю), граница между которыми проходит по очень значимому рубежу, соответствующему доле русских в 50 % населения. Обе периферии относятся к ярко выраженным этноконтактным зонам (ИЭМ свыше 0,4). Нижний предел внешней периферии Русской ГЭКС определён в 25 % русских (зеркальное отражение обозначенного выше рубежа в 75 %). Все территории, где доля русских составляет ниже четверти населения, отнесены к социокультурному полю Русской ГЭКС. Последнее может быть разделено по степени влияния Русской ГЭКС: сильному (доля русских свыше 10 %), слабому (от 5 до 10 %) и минимальному (менее 5 %). Данные количественные индикаторы являются зеркальным отражением показателей в 90 и 95 % от всего населения, но характеризуют при этом уже этнически однородные ядра национальных ГЭКС.

Так как на постсоветском пространстве Русская ГЭКС существует со множеством национальных ГЭКС, в рамках концепции геоэтнокультурных систем была также разработана схема, показывающая структурные элементы национальных ГЭКС (ядра, этноконтактные зоны, социоэтнокультурные поля), компактность и степень развитости ГЭКС. Причём авторы концепции сконцентрировали внимание на последней оценке, имеющей качественный характер. На наш взгляд, в значительной мере об «уровне развитости» национальных ГЭКС может свидетельствовать степень выраженности этнических ядер национальных ГЭКС, которую можно определить с помощью количе-

ственных индикаторов. Так, к этнически однородным ядрам национальных ГЭКС можно отнести территории, где доля титульных народов превышает 90 %, к ярко выраженным ядрам — к долям титульных этносов от 75 до 90 %, к этническим ядрам средней выраженности — от 50 до 75 %, к слабо выраженным этническим ядрам — от 25 до 50 % (данные индикаторы сопряжены с маркерами компонентов территориальной структуры Русской ГЭКС)³⁷. Особую категорию могут составлять национальные автономии Российской Федерации, где удельный вес титульных этносов составляет менее 25 % населения (рис. 3).

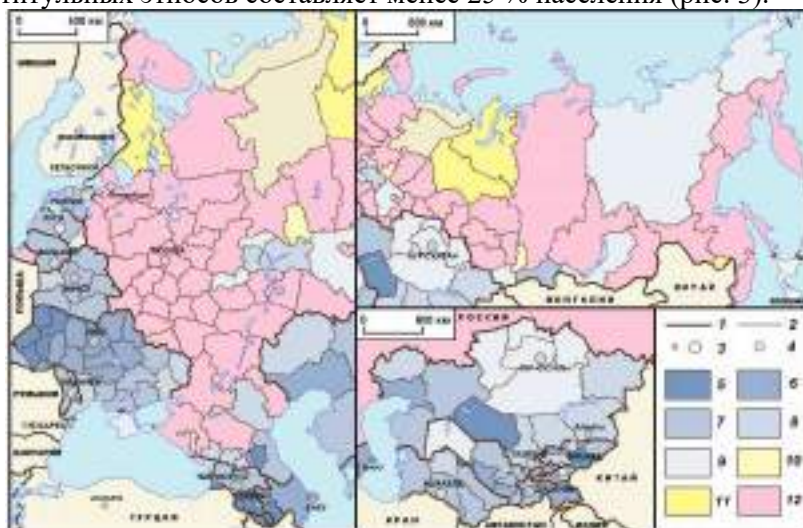

Рис. 3. Доля титульных народов республик и других национальных образований на рубеже 1-го и 2-го десятилетий XXI в. Современные границы: **1** — государств, **2** — регионов; **3** — столицы государств; **4** — прочие города; доля титульных народов: **5** — 95 % и более, **6** — от 90 до 95 %, **7** — от 75 до 90 %, **8** — от 50 до 75 %, **9** — от 25 до 50 %, **10** — от 10 до 25 %, **11** — менее 10 %; **12** — российские регионы, не имеющие статуса национальных автономий.

³⁷ Манаков А. Г., Хохрин А. Г. Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 55–70. DOI: 0.37490/S221979310008580-1.

Нами предложена методика делимитации этнокультурного пространства постсоветских государств, учитывающая одновременно удельный вес русского населения, а также титульных народов республик и национальных автономий. Тем самым, методика позволяет выделить ключевые компоненты территориальной структуры Русской ГЭКС (охватывающие мегаядро и внутреннюю периферию) и национальных ГЭКС (этнические ядра разной степени выраженности).

Спецификой данной методики является замена за пределами России показателя доли русского населения на удельный вес носителей русского языка, точнее, на долю населения, считающего русский язык родным (в Республике Беларусь и Украине), или же использующего русский язык в повседневной жизни (оценка суммарной доли преимущественно русскоязычных этнических групп). Проведённое нами ранее эмпирическое исследование показало, что именно этот показатель в большей степени применим для выделения основных компонентов этнокультурного пространства в странах ближнего зарубежья, позволяя более объективно подойти к оценке влияния на их территорию Русской ГЭКС³⁸.

Таблица 2

Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран (согласно концепции ГЭКС)

Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства	Компоненты территориальной структуры Русской ГЭКС	Доля русских
1. Этническое ядро Русской ГЭКС	1.1. Наиболее однородная часть этнического ядра	95 % и более
	1.2. Относительно однородная часть этнического ядра	90–95 %
2. Контактная зона мегаядра Русской ГЭКС		75–90 %
3. Внутренняя периферия Русской ГЭКС		50–75 %

³⁸ *Манаков А. Г.* Географический анализ динамики русского населения в республиках Прибалтики, Белоруссии, Украине и Молдавии во второй половине XX в. // Псковский регионологический журнал. 2019. № 2 (38). С. 3–14.

Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства	Компоненты территориальной структуры национальных ГЭКС	Доля представителей титульного этноса	Степень влияния Русской ГЭКС	Доля носителей русского языка
4. Национальная автономия с явным доминированием Русской ГЭКС		Менее 25 %	Явное доминирование	Более 75 %
5. Слабо выраженное этническое ядро национальной ГЭКС с сильным наложением других ГЭКС	Слабо выраженное этническое ядро	25–50 %	5.1. Доминирование	50–75 %
			5.2. От минимального до сильного влияния	Менее 50 %
6. Средне выраженное этническое ядро национальной ГЭКС с наложением других ГЭКС	Этническое ядро средней выраженности	50–75 %	6.1. Сильное влияние	25–50 %
			6.2. От минимального до значительного влияния	Менее 25 %
7. Ярко выраженное этническое ядро национальной ГЭКС с небольшим наложением других ГЭКС	Ярко выраженное этническое ядро	75–90 %	7.1. Значительное влияние	10–25 %
			7.2. Минимальное или слабое влияние	Менее 10 %
8. Этнически однородное ядро национальной ГЭКС	8.1. Относительно однородная часть этнического ядра	90–95 %	Слабое или минимальное влияние	Менее 10 %
	8.2. Наиболее однородная часть этнического ядра	95 % и более	Минимальное влияние	Менее 5 %

Количественные критерии выделения компонентов этнокультурного пространства постсоветских государств представлены в таблице 2, а территориальная выраженность данных компонентов на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. в пределах всего постсоветского пространства — на рисунке 4.

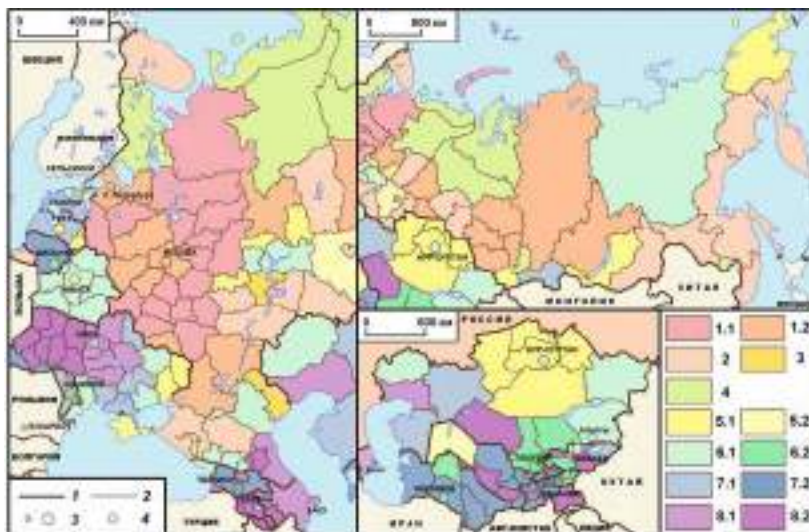

Рис. 4. Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран

Современные границы: 1 — государств, 2 — регионов; 3 — столицы государств; 4 — прочие города; 1.1–8.2 — компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских государств (обозначения см. в табл. 2).

Ниже представлена краткая характеристика основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран с перечнем регионов (и городов), попадающих в выделенные категории.

1. Этническое ядро Русской ГЭКС, где доля русских превышает 90 %, охватывает значительную часть Европейской России и Среднюю Сибирь. В зависимости от степени моноэтничности территории, включает два подтипа.

1.1. Наиболее однородная часть этнического ядра (с долей русских свыше 95 %, т. е. фактически моноэтническая территория). Это историческое ядро России, исконно русские земли, с рубежа XV–XVI вв. участвующие в формировании Русского централизованного государства. На протяжении столетий эти территории выступали в качестве демографического донора Русской ГЭКС, что позволило расширить территорию ГЭКС до огромных размеров. Но ныне многие из них испытывают депопуляцию, не компенсируемую внешним миграционным притоком.

1.2. Относительно однородная часть этнического ядра (с долей русских от 90 до 95 %) по территориальному и функциональному признакам может быть разделана на две группы регионов. Во-первых, это регионы, представляющие многовековой социокультурный центр Русской ГЭКС: Москва с прилегающими областями Центральной России и С.-Петербург с Ленинградской областью. Это новационная часть исторического ядра, наиболее ориентированная на культурную модернизацию. В социально-экономическом плане это наиболее развитая часть русского ядра, привлекательная для мигрантов (в т. ч. иноязычных) из разных уголков России и всего постсоветского пространства.

Во-вторых, это ядра нескольких русских макрорегионов: южнорусское ядро, включающее ряд областей Юга России (Белгородская, Волгоградская, Ростовская), уральское ядро (Свердловская и Курганская области), переходная к Центру Кировская область, среднесибирское ядро, включающее Красноярский край и целый ряд областей Южной Сибири.

2. Контактная зона мегаядра Русской ГЭКС (с долей русских от 75 до 90 %) включает преимущественно окраинные регионы конца доимперской и начала имперской эпох России (рубеж XVII–XVIII вв., за исключением Приморья): Мурманскую область, области Среднего Поволжья, Ставропольский и Краснодарский края, приграничные области юга Урала и Западной Сибири, края и области Дальнего Востока. Исключение составляет расположенный в глубине страны Пермский

край, который, тем не менее, находится в зоне контакта с коренными народами Севера России.

3. *Внутренняя периферия Русской ГЭКС* (с долей русских от 50 до 75 %) включает только два «русских» региона — Астраханскую область (где 16,3 % составляют казахи) и Ульяновскую область (при 12,2 % татар). Фактически же к этой категории регионов можно было бы причислить многие национальные автономии России (все автономные округа, Республику Коми, Удмуртию, Мордовию, Бурятию, Республику Алтай и Крым), если бы не учитывался второй важный фактор в типологии регионов — доля титульного населения национально-территориальных образований.

4. *Национальные автономии с явным доминированием Русской ГЭКС*, где доля титульных этносов составляет менее 25 %, включают: республики Карелию, Коми и Хакасию, Еврейскую автономную область, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа. Важно отметить, что ныне титульные народы этих национальных автономий исповедуют в основном православную религию.

5. *Слабо выраженные этнические ядра национальной ГЭКС с сильным наложением других ГЭКС* делятся на два подтипа.

5.1. *Доминирование Русской ГЭКС* (при доле носителей русского языка свыше 50 %) характеризует этнокультурное развитие преимущественно православных финно-угорских республик Поволжья (Удмуртии, Марий Эл и Мордовии), Республики Крым, Чукотского автономного округа, Адыгеи, Бурятии и Республики Алтай. За пределами России эта категория регионов включает: уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, г. Ригу и регион Латгале в Латвии, г. Минск, Приднестровье, Луганскую и Донецкую народные республики, пять областей Северного Казахстана (земли Среднего Жуза с наиболее значительным стажем в составе России, превышающим два века).

5.2. *От минимального до сильного влияния Русской ГЭКС* испытывают две национальные автономии на постсоветском пространстве: минимальное влияние — Республика Кара-

калпакстан в Узбекистане (при 38,8 % узбеков, 38 % каракалпачков и 0,7 % русских), сильное влияние — Республика Башкортостан в России (при 36 % русских, 29,5 % башкир и 25,4 % татар).

6. Средне выраженные этнические ядра национальных ГЭКС с наложением других ГЭКС (при доле титульных народов от 50 до 75 %) делятся на две категории.

6.1. Сильное влияние Русской ГЭКС (с долей носителей русского языка свыше 25 %) испытывает несколько российских республик Северного Кавказа (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Калмыкия) и Поволжья (Татарстан и Чувашия), а также Республика Якутия-Саха. В большинстве этих республик титульные народы не исповедуют православие (за исключением Чувашии, Северной Осетии и Якутии, но в последней высока доля приверженцев традиционных верований). За пределами России в эту категорию попадают: г. Таллин, все области Республики Беларусь, Харьковская, Запорожская и Одесская области Украины, Республика Абхазия, Западно-Казахстанская, Восточно-Казахстанская и Алматинская области, города Нур-Султан и Алматы в Казахстане, Бишкек и Чуйская область в Кыргызстане.

6.2. От минимального до значительного влияния Русской ГЭКС (с долей русскоязычных менее 25 %) испытывают такие регионы и города ближнего зарубежья, как Южно-Казахстанская и Жамбылская (бывшая Джамбульская) области Казахстана, западные области Кыргызстана, столица Узбекистана, столица Туркменистана и Ташаузская область на севере республики, столицы Литвы и Молдовы.

7. Ярко выраженные этнические ядра национальных ГЭКС с небольшим наложением других ГЭКС (с долей титульного населения от 75 до 90 %) также делятся на два подтипа.

7.1. Значительное влияние Русской ГЭКС (при доле русскоязычных свыше 10 %) испытывают такие регионы, как Республика Тыва в России (стаж её пребывания в составе страны на 2010 г. составлял всего лишь 66 лет), Актюбинская и Мангистауская (Мангышлакская) области в Казахстане, Иссык-Кульская область в Кыргызстане. В эту же категорию попадает

большая часть территории Эстонии, Латвии и Молдовы, столица Украины, а также ряд её областей (Сумская, Днепропетровская, Николаевская и Херсонская), входившие в состав России свыше двух веков.

7.2. Минимальное или слабое влияние Русской ГЭКС испытывают большая часть территории Литвы, Закарпатская и Черновицкая области Украины, большая часть Грузии (кроме Аджарии), Туркменистана, Узбекистана, западная часть Таджикистана. В большинстве случаев эти территории пребывали в составе Российского государства от одного до двух веков, исключение составляют Закарпатская и Черновицкая области Украины, которые входили в состав СССР менее полувека.

8. Этнически однородные ядра национальных ГЭКС также разделены на две категории, в первую очередь, в зависимости от доли титульных народов.

8.1. Относительно однородные части этнических ядер национальных ГЭКС (с долей титульного этноса от 90 до 95 %) со слабым или минимальным влиянием Русской ГЭКС включают Республику Дагестан в России, а также в странах ближнего зарубежья — Азербайджан, Южную Осетию, центральные области Украины, Атыраускую (бывшую Гурьевскую) область Казахстана.

8.2. Наиболее однородные части этнических ядер национальных ГЭКС включают регионы с долей титульных народов не менее 95 %. Если не считать российских республик Чечня и Ингушетия, то эти территории характеризуются **минимальным влиянием Русской ГЭКС**. Это такие территории (в скобках представлена длительность пребывания в общем с Россией государстве): западные области Украины (от полувека до двух веков), Армения (более полутора веков), Аджария в Грузии и Кызылординская область в Казахстане (немногим более одного века), Горный Бадахшан и г. Душанбе в Таджикистане, Нарынская и Таласская области Кыргызстана, Хорезмская, Бухарская и Кашкадарьинская области Узбекистана (одно столетие или менее).

Выводы. Региональный обзор основных компонентов этнокультурного пространства постсоветских стран позволяет увидеть две закономерности, которые связаны с попаданием тех или иных регионов и городов в разные категории. Во-первых, чётко прослеживается закономерность, связанная со временем вхождения и длительностью пребывания территорий в составе единого государства (Российского государства, а затем СССР). Во-вторых, это влияние на степень втянутости в Русскую ГЭКС основной религии титульных этносов национально-территориальных образований. Но касается это преимущественно титульных народов национальных автономий России, где фактором близости к русской культуре является не только русский язык, но и принадлежность к православной религии, что ускоряет также и собственно этническую ассимиляцию (например, в Карелии и Республике Коми).

Таким образом, если не акцентировать внимание на этнодемографических и политико-культурных процессах в постсоветский период, главным фактором, ответственным за степень втянутости в Русскую ГЭКС различных частей этнокультурного пространства постсоветских стран, можно считать давность вхождения этих территорий в состав Российского государства (или СССР) и, соответственно, длительность пребывания в нём. Дополнительным фактором является также приверженность титульных народов национально-территориальных образований православной религии, хотя влияние данного фактора ныне ограничено территорией России.

А. Г. Манакон, Н. В. Данилкина

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ЯЗЫКОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РУССКОЙ ГЕОЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ

Наиболее очевидным трендом этнической трансформации постсоветского пространства в настоящее время является стремительное сокращение численности и доли русского населения в бывших советских республиках. Пользуясь терминологией, разработанной в отечественной культурной географии, можно сказать, что в постсоветское время происходит «сжатие» русского геопространства. То есть происходит процесс, обратный тому, который характеризовал развитие пространства русской культуры на протяжении нескольких столетий, когда, вслед за расширением границ Российского государства, происходило этнокультурное освоение русским этносом новых территорий. При этом её интенсивность сильно варьировала в зависимости от времени включения новых территорий в состав государства, их этнического и конфессионального ландшафта.

Поэтому присутствие русской культуры, как и её основных носителей, т. е. русского этноса, так и её других атрибутов (русского языка, православной религии и др.), стало крайне различным в разных частях государства. Такая же ситуация характеризовала и русское геопространство перед распадом Советского Союза. Значительные различия в присутствии русской культуры в разных уголках постсоветского пространства сохраняются и сейчас. Одним из важнейших факторов этих различий является давность вхождения территорий в состав единого государства, или же, с учётом его распада три десятилетия назад, длительности существования в его составе.

Данный раздел монографии опирается на понятийный аппарат, используемый в отечественной культурной географии. В первую очередь, это терминология, разработанная в рамках концепции *геокультурного пространства*. Сразу же нужно от-

метить, что в рамках позитивистского подхода в культурной географии геокультурное пространство (ГКП) рассматривается как совокупность геокультурных систем, что связывает его с разработанными отдельно концепциями *геоэтнокультурных систем* (ГЭКС)³⁹ и *социокультурных систем* (СКС)⁴⁰. К числу важнейших характеристик геокультурного пространства относятся: многослойность, иерархичность, континуальность и дискретность, а также динамизм⁴¹. Исходя из цели нашего исследования, обратим особое внимание на многослойность и динамизм геокультурного пространства.

Многослойность является отражением сложной вертикальной структуры геокультурного пространства. Можно выделить не менее десятка слоёв геокультурного пространства, но несколько из них могут быть объединены под общим названием «этнокультурное пространство». Это такие слои, как этнический, языковой, этнографический, топонимический, конфессиональный и др.⁴². Ключевым из них является этнический слой. К примеру, с ним тесно взаимодействует конфессиональный слой, т. к. обычно каждый народ делает выбор в пользу какой-то одной религии, которая становится «традиционной» для него. Также тесно взаимосвязаны между собой другие слои этнокультурного пространства.

В предыдущем разделе монографии рассмотрены основные компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран, где одновременно учитыва-

---

³⁹Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

⁴⁰Николаенко Д. В. Пространственно-временная динамика процессов социокультурного освоения территорий. Диссертация на соиск. уч. степени доктора геогр. наук. Харьков, 1999. 343 с.

⁴¹Дурин Д. А. Концепт «геокультурное пространство» в общественной географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 146–160.

⁴²Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века: монография. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.

ется удельный вес русского населения и титульных народов молодых государств и национальных автономий России. Но в рамках данного исследования мы будем рассматривать не собственно этнический слой, а его языковую проекцию, а именно, будем оперировать не удельным весом русского населения, а долей людей, считающих русский язык родным (в Российской Федерации, Республике Беларусь и Украине), или же использующих его в повседневном общении (в других постсоветских государствах).

Динамизм геокультурного пространства проявляется в постоянном развитии, изменении во времени. Геодинамике русской культуры отведено значительное место в монографии С. Я. Суцего и А. Г. Дружинина «Очерки географии русской культуры»⁴³, где представлена разработанная ими концепция геоэтнокультурных систем (ГЭКС). Авторы понимают под ГЭКС «целостную, относительно устойчивую пространственно-временную социоприродную реальность, географическую результирующую этногенеза и культурогенеза»⁴⁴. При этом ГЭКС рассматривается как инвариант геокультурной системы, и в этом проявляется прямая связь концепции ГЭКС с концепцией геокультурного пространства. В пределах Русской ГЭКС авторы концепции выделяют такие структурные компоненты, как *ядро*, *регионы*, *этноконтактную зону* и *социокультурное поле*. Одним из основных факторов, определяющих пространственно-временную динамику русской культуры, авторы обозначают изменение ареала расселения её носителей⁴⁵. Ими же предложено выделить восемь основных этапов геодинамики русской культуры, начиная с дохристианского и заканчивая постимперским.

Несколько иной взгляд на динамизм геокультурного пространства представлен в концепции социокультурных систем (СКС), разработанной Д. В. Николаенко⁴⁶. Автор определяет СКС как тип социокультурного образования, доминирующий в

---

⁴³Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

⁴⁴Там же, с. 20.

⁴⁵Там же, с. 42.

социокультурной эволюции и характеризующийся большими размерами территорий и значительной численностью своего населения, имеющий оригинальные стандарты организации пространства, общества, государства и обладающий многими уникальными свойствами. В качестве одной из восьми СКС автор обозначает Российскую СКС. Среди структурных элементов СКС особо выделяется *хоумленд* как наиболее глубоко переработанная в социокультурном отношении территория. Ее окружают *внутренняя и внешняя буферные зоны*, служащие для защиты хоумленда от экспансии соседних СКС. Соответственно, динамизм геокультурного пространства, например, российского, связан также и с необходимостью социокультурной (и этнокультурной) переработки внутренних территорий страны (хоумленда), что является условием существования государства на протяжении длительного времени. С учётом того, что границы Российского государства расширялись на протяжении нескольких столетий, увеличивался и хоумленд, т. е. территория, требующая социокультурной переработки.

В нашем исследовании, которое направлено на изучение современных проявлений многовековой динамики русского геопространства и при этом оперирует понятиями в рамках концепций геокультурного пространства и геоэтнокультурных систем, введён такой показатель, как «степень трансформированности языкового пространства под воздействием Русской геоэтнокультурной системы» (или же, применительно к традиционному русским регионам, «степень языковой освоенности территории русским этносом»). Методика расчёта этого показателя представлена ниже.

Информационная база и методика исследования. В качестве информационной базы исследования выступает этническая статистика по итогам раунда переписей и учётов населения в странах постсоветского пространства в период 2009/2011 гг., результаты которых отражены на сайте [Population statistics of](http://www.population-statistics.com)

⁴⁶ *Николаенко Д. В.* Пространственно-временная динамика процессов социокультурного освоения территорий. Диссертация на соиск. уч. степени доктора геогр. наук. Харьков, 1999. 343 с.

Eastern Europe & former USSR⁴⁷. В случае проведения переписей или учётов населения вне этого периода, давалась оценка этнической структуры населения регионов стран на 2010 г. При этом в Российской Федерации⁴⁸, Республике Беларусь и Украине использовался такой показатель, как удельный вес населения, в качестве родного языка называющего русский язык. В остальных государствах была дана оценка удельного веса русскоязычного населения, т. е. суммарной доли этнических групп (русских, белорусов, украинцев и др.), обычно использующих русский язык в повседневном общении. Такой подход, но применительно к России, использовал, например, С. Г. Сафронов⁴⁹, учитывавший суммарную долю русских, украинцев и белорусов при выделении на территории страны «Русского мегаядра».

В настоящее время русский язык рассматривается как фактор, организующий русское культурное пространство в странах СНГ и Балтии⁵⁰. При этом за русским языком признается право выступать в качестве одного из важнейших средств интеграции на евразийском пространстве⁵¹. На важность применения не только этногеографического, но и лингвогеографического подхода при изучении геоэтнокультурных реалий обращают

---

⁴⁷Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.-mashke.org/> (дата обращения: 20.07.2022).

⁴⁸Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации. С. 240–305. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-09.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

⁴⁹Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.

⁵⁰Васильева Т. В., Саакян Л. Н., Ускова О. А. Русский язык как фактор, организующий русское культурное пространство в странах СНГ // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 2. С. 103–109; Золян С. Т. Русский язык и культурно-цивилизационное пространство СНГ // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 2. С. 23–29; Тишков В. А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 5. С. 415–422.

⁵¹Стрельцова Я. Р. Потенциал русского языка как средство интеграции на евразийском пространстве // Информационные войны. 2014. № 2 (30). С. 81–87.

внимание В. Н. Стрелецкий⁵² и авторы концепции геоттно-культурных систем⁵³. На наш взгляд, именно удельный вес населения, считающего родным русский язык или же использующего его в повседневном общении (в случае отсутствия в переписях населения данных о родном языке), является более предпочтительным при изучении территориальной структуры Русской ГЭКС (рис. 5).

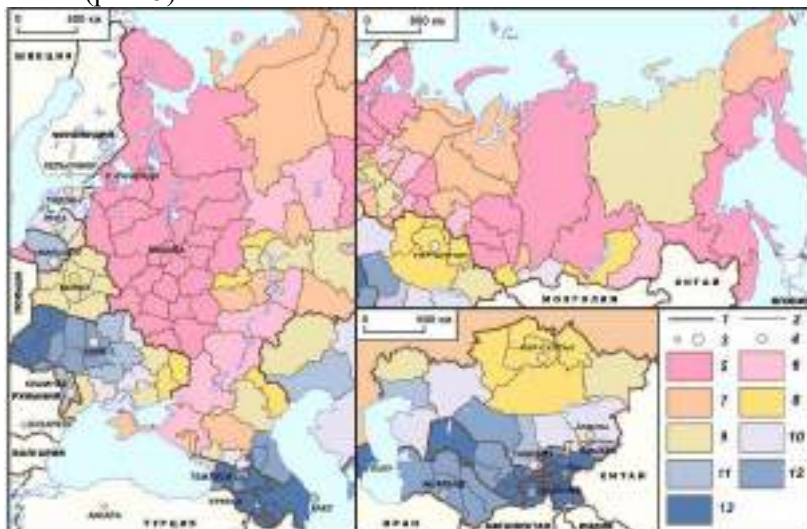

Рис. 5. Доля населения, считающего русский язык родным языком или же использующего его в повседневном общении, на рубеже первого и второго десятилетий XXI в.

Современные границы: **1** — государств, **2** — регионов; **3** — столицы государств; **4** — прочие города; доля населения, считающего русский язык родным языком: **5** — 95 % и более, **6** — от 90 до 95 %, **7** — от 75 до 90 %, **8** — от 50 до 75 %, **9** — от 25 до 50 %, **10** — от 10 до 25 %, **11** — от 5 до 10 %, **12** — от 2 до 5 %, **13** — менее 2 %.

⁵²Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX — начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-Российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72.

⁵³Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

Первый этап исследования включал следующие процедуры. Сначала были определены годы вхождения регионов (по их центрам или же их большим частям) в состав Российского государства (или СССР), исходя из чего определена длительность их пребывания в составе государства. При этом за точку отсчёта был взят 2010 г. для России и 1991 г. — для других стран постсоветского пространства. Далее регионы всех постсоветских стран были разделены на группы по 50-летним интервалам длительности пребывания в составе единого государства (рис. 6). Первоначально было выделено 12 таких групп.

Рис. 6. Длительность пребывания территорий в составе единого государства

Современные границы: *1* — государств, *2* — регионов; *3* — столицы государств; *4* — прочие города; длительность пребывания регионов (по своему центру или же основной части) в составе единого государства (Московского Великого княжества, Русского государства, Российского государства, Российской империи, СССР, Российской Федерации): *5* — 550 лет и более, *6* — от 500 до 550 лет, *7* — от 450 до 500 лет, *8* — от 400 до 450 лет, *9* — от 350 до 400 лет, *10* — от 300 до 350 лет, *11* — от 250 до 300 лет, *12* — от 200 до 250 лет, *13* — от 150 до 200 лет, *14* — от 100 до 150 лет, *15* — менее 100 лет.

На втором этапе исследования для каждой из выделенных групп регионов было подсчитано среднестатистическое значение удельного веса населения, считающего русский язык родным (в Российской Федерации, Республике Беларусь и Украине) или же использующего его в повседневном общении (в остальных государствах постсоветского пространства). При малом количестве регионов в группе при расчёте среднестатистического показателя учитывался их «вес» в общей численности населения. В случае большого количества регионов в группе и небольших различий в их численности населения данное «взвешивание» не проводилось. Результаты этой части второго этапа работы отражены на рис. 7.

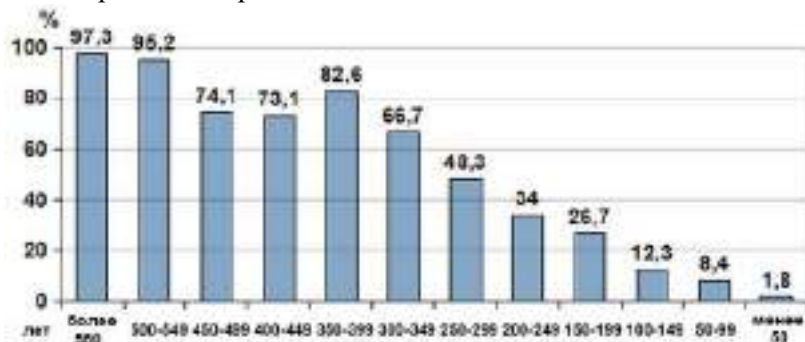

Рис. 7. Доля населения, считающего русский язык родным языком или использующего его в повседневном общении (по переписям населения раунда 2009/2011 гг. или оценкам на 2010 г. в постсоветских государствах), в группах регионов, выделенных по длительности пребывания в составе единого государства

Основываясь на близости средних показателей по региональным группам, они объединены в категории, чаще всего соответствующие 100-летним временным интервалам. Благодаря тому, что многие из укрупнённых групп регионов образуют на постсоветском пространстве единые территориальные массивы, они рассматриваются уже как «зоны, выделенные по длительности пребывания в едином государстве». Было выделено шесть

таких зон, которым в последующем была дана краткая характеристика.

На третьем этапе исследования для каждого региона были рассчитаны отклонения от средних по выделенным зонам показателей. Очень большие отрицательные отклонения (например, свыше 25 процентных пунктов для территорий с длительностью пребывания от 400 до 500 лет) рассматривались как свидетельства *очень низкой* степени трансформированности языкового пространства регионов под воздействием Русской ГЭКС (рис. 8).

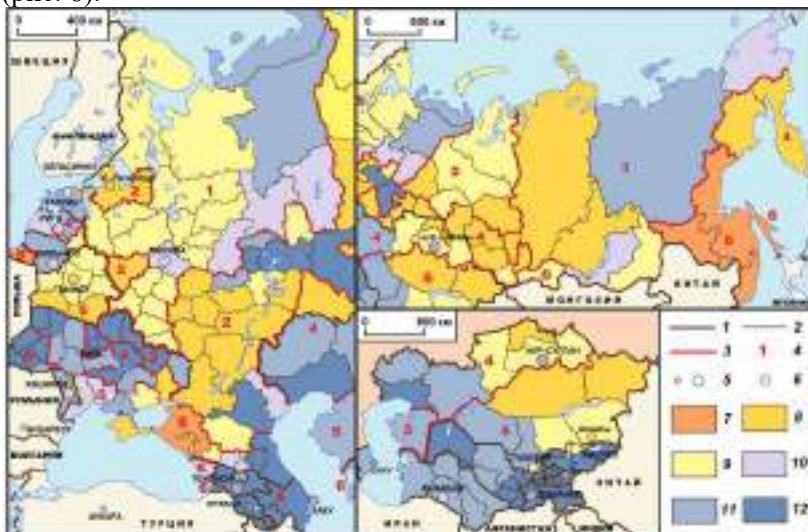

Рис. 8. Степень освоенности языкового пространства Русской ГЭКС или его трансформированности под воздействием последней по зонам, выделенным по длительности пребывания в составе единого государства

Современные границы: *1* — государств, *2* — регионов, *3* — зон, выделенных по длительности пребывания в составе единого государства; *4* — номера зон, выделенных по длительности пребывания в составе единого государства; *5* — столицы государств; *6* — прочие города; степень освоенности языкового пространства Русской ГЭКС или его трансформированности под воздействием последней в пределах выделенных зон: *7* — очень высокая, *8* — высокая, *9* — выше средней, *10* — ниже средней, *11* — низкая, *12* — очень низкая.

В случае, если отклонение было минимальным (например, не превышало 5 процентных пунктов для отмеченных выше территорий), то тогда можно было бы уже говорить о близкой к средней (*ниже средней* или *выше средней* в зависимости от знака отклонений) степени языковой освоенности регионов русским этносом. Промежуточные между обозначенными числами отклонения рассматривались как *высокая* или *низкая* степени освоенности.

Зонирование постсоветского пространства по длительности влияния Русской ГЭКС. Ниже представлен региональный состав шести зон, выделенных по признаку длительности пребывания территорий в составе единого государства (Московского Великого княжества, Русского государства, Российского государства, Российской империи, СССР, Российской Федерации), а также дана их краткая характеристика с разбивкой регионов на группы с разной степенью освоенности языкового пространства Русской геотнотультурной системы или его трансформированности под воздействием Русской ГЭКС. Чаще всего в предложенной классификации временные интервалы по длительности пребывания регионов в составе единого государства составляют сто лет, но есть и исключения, оговоренные особо.

1. Зона охватывает территории, вошедшие до 1510 г. в состав Московского государства. Длительность пребывания этих территорий в составе единого государства к моменту проведения переписи населения 2010 г. составляла **500 лет и более**. Доля населения, называющего родным русский язык, здесь превышает 95 %.

Низкой степенью языковой освоенности русским этносом характеризуется только территория современных Ненецкого автономного округа и Республики Коми, ниже средней — территория Пермского края, Кировской, Нижегородской и Московской областей, а также г. Москва. В большинстве случаев попадание регионов в эти две категории связано с сохранившимися там, хотя и в не очень большом количестве, коренными народами (ненцами, коми, коми-пермяками и рядом финно-угор-

ских и тюркских народов Поволжья). Исключение составляет столичный регион, который находится в режиме постоянной этнокультурной переработки достаточно многочисленных иноязычных миграционных потоков. Остальные территории данной зоны характеризуются минимальным превышением среднего уровня языковой освоенности русским этносом.

2. Зона включает территории, включённые в состав Русского государства в период с 1510 по 1610 гг. Длительность пребывания этих территорий в составе единого государства составляет **от 400 до 500 лет.**

В этот период произошло присоединение Поволжья, Западной Сибири с достаточно многочисленным местным населением, в основном проживающим в составе иных государственных образований (в первую очередь, ханствах Поволжья). На эти территории в последующем происходил значительный приток русского населения, но местное население не было ассимилировано полностью. Доля русских на этих территориях сейчас составляет в среднем около 74 %. Соответственно, свыше четверти населения здесь приходится на достаточно многочисленные в Российской Федерации народы: тюркоязычных татар, башкир, чувашей и целый ряд поволжско-финских народов.

Тем не менее, высоким уровнем языковой освоенности русским этносом характеризуется значительная часть Среднего и Нижнего Поволжья, восток Черноземья, С.-Петербург, а также территория современных Ленинградской, Свердловской и Томской областей. Именно на эти территории был направлен основной поток русских переселенцев, включая сельских колонистов, а затем и промышленных рабочих. К этому нужно добавить ассимиляцию белорусского населения на современной территории Смоленской области.

Очень низкой степенью трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС отличается территория трёх пограничных с Россией областей Украины (Черниговской, Сумской и Харьковской), а также четырёх национальных республик России — монголоязычной Калмыкии и трёх тюркоязычных (Чувашии, Татарстана и Башкортостана). К ним

примыкают ещё две республики, но уже финно-угорские (Мордовия и Марий Эл), где степень языковой трансформированности под воздействием Русской ГЭКС оценена как «низкая». В эту же категорию попадает территория Луганской народной республики.

В категории регионов с уровнем языковой освоенности русским этносом ниже средних значений оказалась Астраханская область, где поддерживается на высоком уровне доля представителей казахского этноса. Остальные регионы (Тюменская область с двумя автономными округами, Республика Удмуртия, Ульяновская область и Ставропольский край) попали в категорию регионов с уровнем языковой освоенности русским этносом выше средних значений.

3. Зона включает территории, включённые в состав Российского государства в течение полувека — с 1610 по 1660 гг. Это был период, когда к России была присоединена Средняя и Восточная Сибирь. Длительность пребывания этих территорий в составе единого государства составляет **от 350 до 400 лет.**

Данная зона характеризуется достаточно высокой долей населения, считающего родным русский язык — свыше 80 %, и тем самым она выпадает из общего тренда выделенных в исследовании крупных групп регионов. Именно потому эти территории, несмотря на небольшой временной интервал их включения в состав России, рассмотрены в качестве отдельной категории. Тем более, что это крайне обширные территории, охватывающие значительную часть азиатской части России. Специфика освоения Средней и Восточной Сибири связана с относительно малочисленным местным населением, не входящем ранее в государственные образования. Фактически шло постепенное заселение русскими южной части этих территорий, по своим агротехническим условиям мало отличавшимся от европейской части России.

Территория данной зоны по степени трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС чётко распадается на две части — западную и восточную. Запад-

ная её часть, охватывающая Среднюю Сибирь, относится к территориям с высоким уровнем языковой освоенности русским этносом, а восточная её часть, включающая территорию Якутии, Бурятии и Чукотского полуострова — относительно низкой степени освоенности (особенно в Якутии). Несколько более освоенной русским этносом в этом плане является территория современного Забайкальского края.

4. Зона охватывает территории, вошедшие в состав Российского государства с 1660 до 1760 гг. Этот временной интервал характеризует окончание доимперской и начало имперской эпохи России. Длительность пребывания этих территорий в составе единого государства составляет **от 250 до 350 лет.**

В России в эту зону входят Южный Урал, Южная Сибирь и Камчатка. Но большая часть регионов данной зоны находится за пределами Российской Федерации. Это Западный и Северный Казахстан, часть Прибалтики (бывшие Эстляндия и Лифляндия), частично центральная и юго-восточная Украина. Здесь чётко прослеживается резкое падение доли русских в зависимости от длительности пребывания в составе Российского государства. На территориях, вошедших в состав России в доимперскую эпоху, русскоязычное население ныне составляет в среднем свыше 66 %, в начальный период имперской эпохи — лишь немногим более 48 %. Явным рубежом здесь стало именно начало имперской эпохи, когда расширение государства перестало сопровождаться интенсивной ассимиляцией местного населения со стороны русских переселенцев.

В пределах этой зоны высокой степенью языковой освоенности русским этносом характеризуются только российские территории на Дальнем Востоке, юге Сибири и Урала, а за рубежом — Северо-Казахстанская область (другие области северной части Казахстана — освоенностью немного выше средних значений для данной зоны) и Донецкая народная республика. Большинство же зарубежных территорий (Прибалтика, Центральная Украина, запад Казахстана) имеют низкую или даже очень низкую степень трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС.

5. Зона включает территории, вошедшие в состав Российской империи в период её расцвета (во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в.). Длительность пребывания этих территорий в составе единого государства составляет **от 150 до 250 лет.**

Западный пояс этих территорий образуют приобретения России после раздела Речи Посполитой (Курляндия, Литва, Белоруссия, западно-центральная Украина), а также Южная Украина и Бессарабия. Южный пояс создают Северный Кавказ и почти все Закавказье, восточный пояс — регионы Дальнего Востока (Приамурье, Приморье). На этих землях сохраняется отмеченная в имперскую эпоху тенденция — чем меньше длительность пребывания территории в составе России, тем меньше доля русскоязычных сейчас. На территориях, вошедших в состав России до Отечественной войны 1812 г., доля русскоязычного населения ныне немного превышает треть населения, в следующие полвека после войны — лишь четверть населения.

В пределах данной зоны в первую очередь можно обозначить территории, где степень трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС имеет значение выше средних показателей. Это регион Латгале в Латвии, вся территория Республики Беларусь, Запорожская область Украины, Приднестровье, Крым, а также Ростовская область (очень высокая степень языковой освоенности русским этносом), республики Адыгея и Карачаево-Черкесия. Остальные территории зоны имеют низкую степень трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС, при этом минимальными значениями отличаются Луцкая и Ровенская области Украины, территории Грузии, Армении и Азербайджана, а также российские республики Ингушетия, Чечня и Дагестан.

6. Зона включает территории, вошедшие в состав единого государства на закате имперской эпохи (с середины XIX в.) и в советское время. Длительность пребывания этих территорий в составе единого государства — **менее 150 лет.**

В состав этой зоны входит большая часть Средней Азии, Западная Украина, Сахалин, Тува и Калининградская область.

В особую категорию здесь выделены Калининградская область и юг Сахалина с Курилами, являющиеся последними приобретениями России, т. к. в них было осуществлено полное выселение местного населения после их включения в состав страны. Эти территории отнесены к категории регионов с максимальным уровнем языковой освоенности русским этносом. На остальных же территориях, приобретённых государством в этот период, доля русскоязычных ныне крайне мала (менее 12,5 %) и опять же зависит от длительности «стажа» этих территорий в составе единого государства. Именно на этих территориях можно наблюдать минимальную долю русскоязычных в пределах всего постсоветского пространства. В первую очередь, это юг Центральной Азии и Западная Украина, где доля населения, считающего родным русский язык, составляет менее 2 %. В этом плане их конкурентами являются только современные государства Закавказья.

В России, кроме обозначенных выше двух областей, к территориям с положительными значениями степени трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС отнесена также республика Тыва. Среди зарубежных территорий данной зоны к этим же категориям относятся северо-восточная и восточная части Казахстана (включая его старую столицу — Алматы), северная часть Кыргызстана (со столицей) и столица Узбекистана. Остальные территории имеют низкую или очень низкую степень трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС.

Выводы. В целом исследование подтвердило общую закономерность, связанную с тем, что чем меньше длительность пребывания территории региона в составе единого государства, тем меньше в нём сейчас доля населения, считающего родным русский язык или использующего его для повседневного общения. Однако это является лишь общим трендом, фактически же в пределах каждой из крупных зон, выделенных по длительности пребывания в составе единого государства, имеются территории, в большей или меньшей степени подвергшиеся языковой трансформации под воздействием Русской ГЭКС. Эти различия

связаны с особенностями этнокультурной обстановки на данных территориях и историко-политическим контекстом их вхождения в состав единого государства.

Максимальную интенсивность языковой освоенности русским этносом в сжатые сроки испытали такие регионы России, как Ростовская область, края и области в южной части Дальнего Востока, а также Калининградская область. Прямо противоположную позицию по этому критерию занимает ряд национальных автономий России. Но нужно отметить, что в пределах страны далеко не все национальные автономии характеризуются низкой степенью трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС. К примеру, республики Карелия и Удмуртия в этом плане не отличаются от «русских» регионов. С другой стороны, можно назвать республики, которые, с учётом длительности их вхождения в состав России, испытали наименьшую степень трансформированности языкового пространства под воздействием Русской ГЭКС. Это Чувашия, Татарстан, Башкортостан, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия и Чечня.

За пределами России подавляющее большинство регионов ныне независимых государств подверглось минимальной языковой трансформации под воздействием Русской ГЭКС. Исключение составили все области и столица Республики Беларусь, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, регион Латгале в Латвии, Донецкая народная республика, области в северной и восточной частях Казахстана (включая г. Алматы), север Кыргызстана (со столицей) и столица Узбекистана. В связи с этим нужно отметить, что интенсивность языковой трансформации под воздействием Русской ГЭКС резко снизилась в имперский период истории России, и основной ареал проживания русскоязычного населения, за исключением названных выше регионов, ныне укладывается в современные границы страны, т. е. по сути в границы России доимперской эпохи.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ⁵⁴

А. Г. Манаков

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА УРОВНЕ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК И ИХ РЕГИОНОВ С 1939 ПО 1989 ГОДЫ

На постсоветском пространстве ныне происходят этнические и демографические процессы, которые диаметрально отличаются от того, что было в период существования единого государства. Тем не менее, целый ряд современных трендов этнической трансформации был заложен в позднесоветское время. В связи с этим весьма актуально изучение данных процессов в советское время. К тому же, это позволяет выяснить, когда наступил критический момент, повернувший вспять процессы этнокультурного освоения новых территорий, продолжавшиеся в течение нескольких столетий в ходе расширения границ Российского государства.

В данном разделе монографии представлены результаты оценки степени трансформации этнической структуры населе-

---

⁵⁴Раздел подготовлен на основе публикаций: *Манаков А. Г., Данилкина Н. В.* Основные тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве // Псковский регионологический журнал. 2021. № 1 (45). С. 21–36. DOI: 10.37490/S221979310013355-3; *Манаков А. Г.* Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // Известия РАН. Серия географическая. 2021. Том 85. № 5. С. 687–698. DOI: 10.31857/S2587556621050058; *Манаков А. Г.* Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 2. С. 43–64. DOI: 10.37490/S221979310019231-7; *Манаков А. Г.* Трансформация этнической структуры населения регионов Советского Союза между переписями 1939 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 4. С. 26–46. DOI: 10.37490/S221979310016678-8.

ния регионов Советского Союза с 1939 по 1989 гг. с помощью методики, учитывающей разнонаправленную динамику двух основных компонентов этнической структуры — русского населения и титульных народов республик и национальных автономий. В качестве информационной базы данного раздела монографии выступает статистика по национальному составу населения по итогам Всесоюзных переписей населения 1939, 1959 и 1989 г., представленная на сайте demoscope.ru⁵⁵.

Специфика трансформации этнической структуры населения в постсоветский период связана с почти повсеместным ростом доли титульных народов молодых государств при резком сокращении доли русских, что и нашло отражение в обозначении типов этнической трансформации. В советский период в этих же республиках в целом ряде регионов была противоположная ситуация, т. е. росла доля русского населения при уменьшении удельного веса титульных народов, поэтому выделялись иные типы этнической трансформации, характерные для конкретного исторического периода. Этому способствует «гибкость» разработанной нами методики, позволяющая учесть специфику любого межпереписного периода.

---

⁵⁵Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения областей союзных республик по национальности и полу. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=4; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=76.

Демографический фактор изменений в этнической структуре населения. В период между переписями 1939 и 1959 гг. население Советского Союза, несмотря на потери в Великой Отечественной войне, выросло со 170,6 до 208,8 млн чел., т. е. на 22,4 %. В числе основных факторов увеличения численности населения государства можно назвать расширение территории страны и высокий естественный прирост в ряде республик. Если в европейских республиках можно было наблюдать лишь отголоски демографического взрыва, то в республиках Средней Азии демографический взрыв только набирал силу. Значимым фактором в этих же республиках и в Казахстане был также миграционный прирост, причём не только как результат притока русского (или шире — русскоязычного) населения, но и за счёт депортации ряда народов из европейской части страны.

Наименьший прирост населения из союзных республик пришёлся на РСФСР (рис. 9), что объясняется не только катастрофическими потерями в Великой Отечественной войне, но и сохранением функции «демографического донора» для всего Советского Союза. Несколько более значительный прирост населения был в республиках Закавказья. Ещё выше был рост населения в республиках Средней Азии, но лидером по данному показателю стал Казахстан, испытавший большой миграционный приток из европейских республик СССР. Так, в предвоенные годы в Казахскую ССР были депортированы поляки из Литвы, западных частей Белоруссии и Украины, а также корейцы с Дальнего Востока. В годы Великой Отечественной войны в республику были переселены немцы с Поволжья и Украины, а затем ряд народов Предкавказья и Кавказа (калмыки, кабардинцы, чеченцы, ингуши, турки-месхетинцы), а также крымские татары. В послевоенное время на изменении этнической структуры населения Казахстана сказались освоение целинных земель. Попадание в пятёрку лидеров Белорусской и Украинской ССР объясняется расширением территории этих республик, в то время как в пределах их «старых» территорий численность населения изменилась незначительно (и даже уменьшилась в Белоруссии).

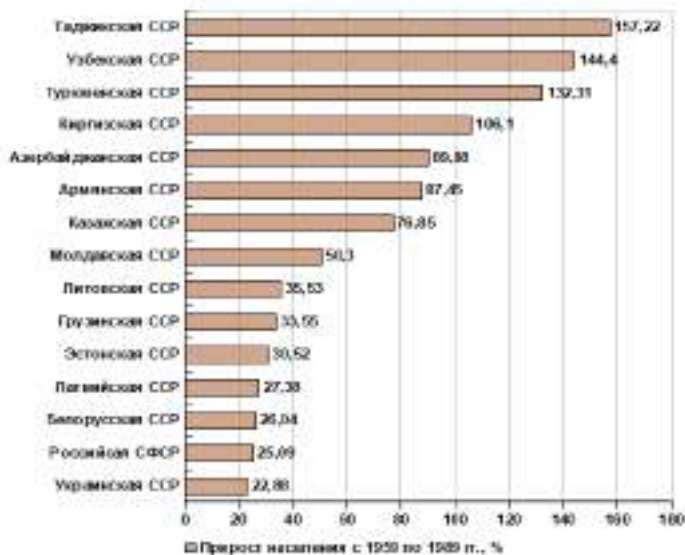
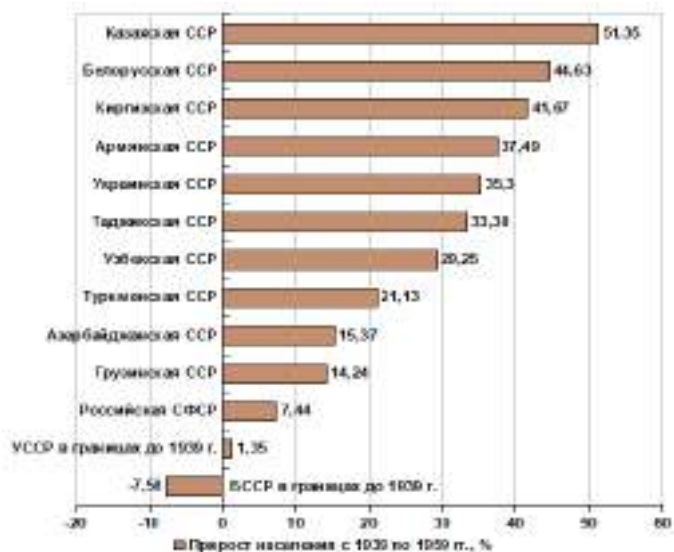

Рис. 9. Прирост численности населения советских республик между переписями 1939, 1959 и 1989 гг.

В период между переписями 1959 и 1989 гг. население на всей территории Советского Союза увеличилось на 37,3 % (со 208,8 до 286,7 млн чел.). В этот период в полной мере проявил себя демографический взрыв в республиках Средней Азии и Азербайджане, и эти республики заняли первые пять позиций по росту населения в стране. Однако потенциал демографического взрыва в них не был исчерпан в позднесоветское время, и стал ещё более значимым фактором трансформации этнической структуры населения в постсоветский период. К группе лидеров по росту населения примыкали Армения и Казахстан. При этом нужно отметить, что в Казахстане уже в этот период обозначилась миграционный отток русскоязычного населения.

Среднюю позицию по росту населения среди союзных республик заняли Молдавия, Литва и Грузия, где сохранялся достаточно высокий естественный прирост титульного населения. В Эстонии и Латвии прирост жителей в этот период обеспечивался преимущественно миграционным притоком русскоязычного населения. Тройку аутсайдеров по приросту населения составляли Белоруссия, Россия и Украина, которые пока ещё исполняли роль «демографических доноров» в стране, несмотря за значительное уменьшение естественного прироста. С другой стороны, существовала и некоторая демографическая подпитка этих республик со стороны республик со значительным приростом населения.

Динамика и соотношение доли титульных народов республик и русского населения. По доле титульного народа в населении республик последнюю позицию в течение всего интервала с 1939 по 1989 гг. занимала Казахская ССР. Причём, минимум был достигнут в 1959 г. — 30 %, и тогда доля русских превысила эту величину почти на 13 % (рис. 10). Но к 1989 г., по причине роста рождаемости и частичного оттока русскоязычного населения доля казахов подтянулась к 40 %, превысив на 2 % долю русского населения. Схожая динамика соотношения доли титульного и русского населения (т. е. с уменьшением доли титульного народа к 1959 г., а затем её роста) наблюдалась в Киргизской, Узбекской и Таджикской ССР.

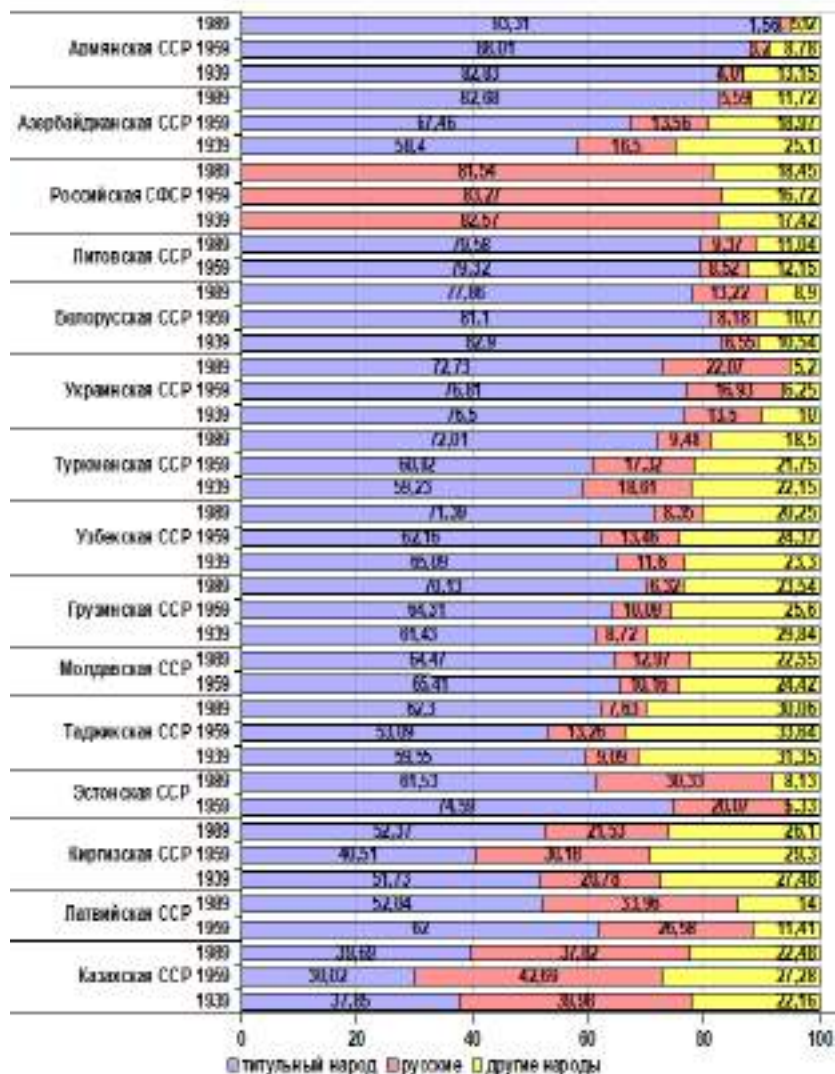

Рис. 10. Этническая структура населения советских республик по итогам переписей 1939, 1959 и 1989 гг.

Рост доли титульных народов республик в эти два периода характеризовал Армянскую, Азербайджанскую, Туркменскую и Грузинскую ССР. Сокращение доли титульного населения в период с 1959 до 1989 гг. испытали такие республики, как Белорусская, Украинская, Молдавская, Эстонская и Латвийская ССР. Единственной из республик, вошедшей в состав СССР после 1939 г. и при этом сумевшей не уменьшить доли титульного народа в период с 1959 по 1989 гг., стала Литовская ССР. В РСФСР доля русских незначительно выросла в период с 1939 по 1959 гг., но к 1989 г. сократилась, вновь выйдя на уровень 1939 г. (рис. 11).

Пятёрку лидеров по доле русского населения (за вычетом РСФСР) составляли в 1989 г. такие республики, как Казахская, Латвийская, Эстонская, Украинская и Киргизская ССР. Но эти республики характеризовала разная динамика доли русских в период с 1959 г. Если Эстония, Латвия и Украина испытывали приток русского населения (на Украине сказалась также и частичная смена этнического самосознания в пользу русских), то в Казахстане и Киргизии уже обозначилось уменьшение доли русских, как по причине более высокого естественного прироста титульных народов, так и за счёт выезда части русского населения. Нужно отметить, что с 1939 по 1959 гг. именно Киргизская ССР лидировала по росту доли русских, но в последующий период, до 1989 г., оказалась уже лидером по сокращению доли русского населения. В Казахской ССР миграционный приток русских прекратился уже в начале 1960-х гг., а с середины десятилетия обозначился отток русскоязычного населения. И только в ещё трёх республиках отмечался рост доли русских с 1959 г. — в Белорусской, Литовской и Молдавской ССР (рис. 12).

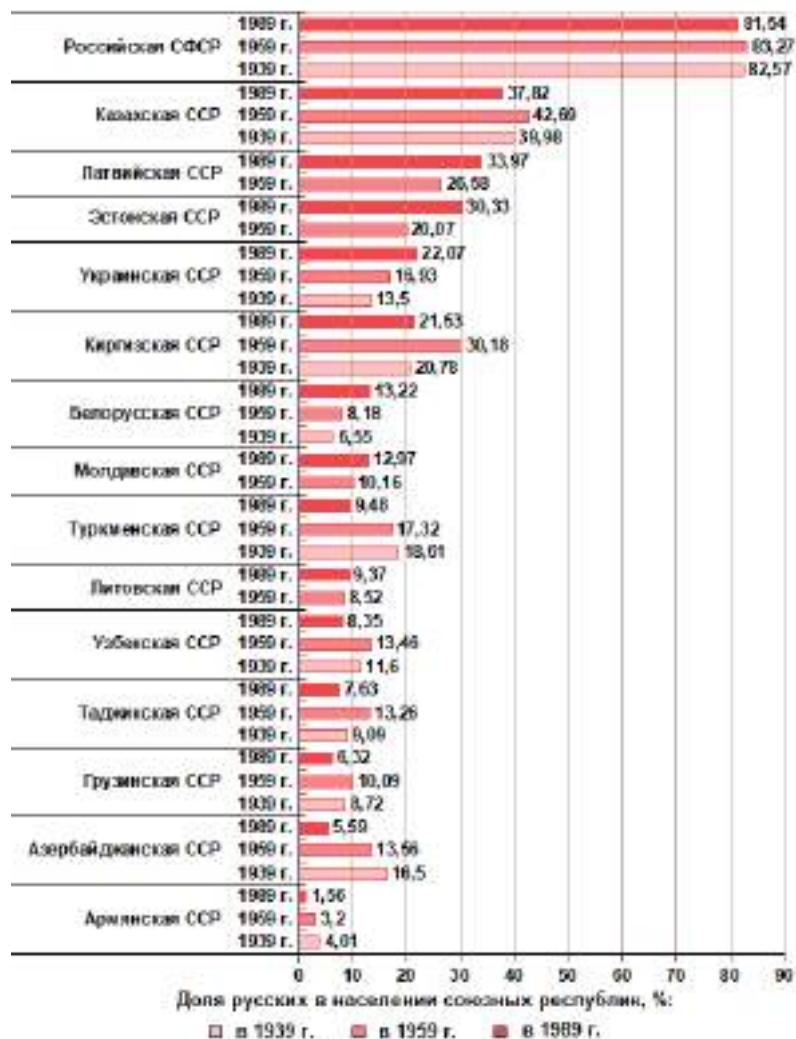

Рис. 11. Удельный вес русских в населении советских республик по итогам переписей 1939, 1959 и 1989 гг.

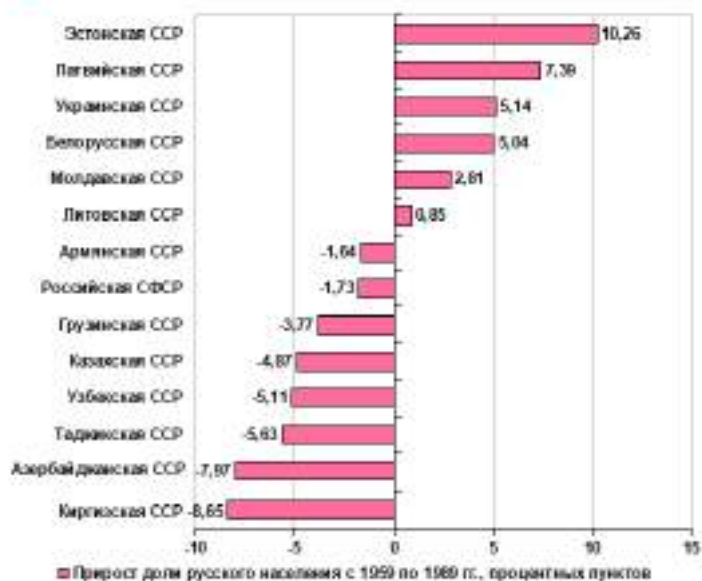

Рис. 12. Прирост доли русских в населении советских республик между переписями 1939, 1959 и 1989 гг.

В период с 1939 по 1959 гг. только в трёх союзных республиках отмечалось уменьшение удельного веса русских — в Азербайджанской, Туркменской и Армянской ССР, а между переписями 1959 и 1989 гг. таких республик стало больше половины. К обозначенной тройке республик добавились Грузинская, Казахская, Узбекская, Таджикская ССР, а также упомянутая выше Киргизская ССР. Таким образом, в позднесоветское время во всех республиках Закавказья и Средней Азии стала явно проявлять себя тенденция уменьшения доли русского населения.

С учётом того, что методика оценки трансформации этнической структуры населения опирается на соотношение динамики русского населения и титульных народов республик, можно ещё раз обратить внимание на изменение титульного населения советских республик в два исследуемых периода (рис. 13).

В период с 1939 по 1959 гг. доля титульного населения наиболее быстро росла в республиках Закавказья, в то время как в республиках Средней Азии она сокращалась, и достаточно высокими темпами. В период с 1959 по 1989 гг. ситуация кардинально изменилась, и республики Средней Азии и Казахстан заметно подтянулись к лидеру по росту доли титульного народа (Азербайджану), при этом в Грузии и Армении также сохранялась тенденция роста удельного веса титульного населения. С другой стороны, лидерами по сокращению доли титульных народов стали Эстония и Латвия, им чуть уступали в этом плане Украина и Белоруссия.

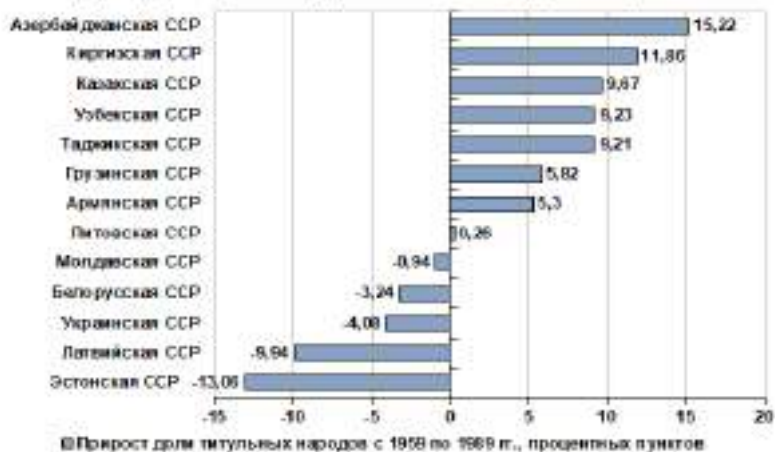
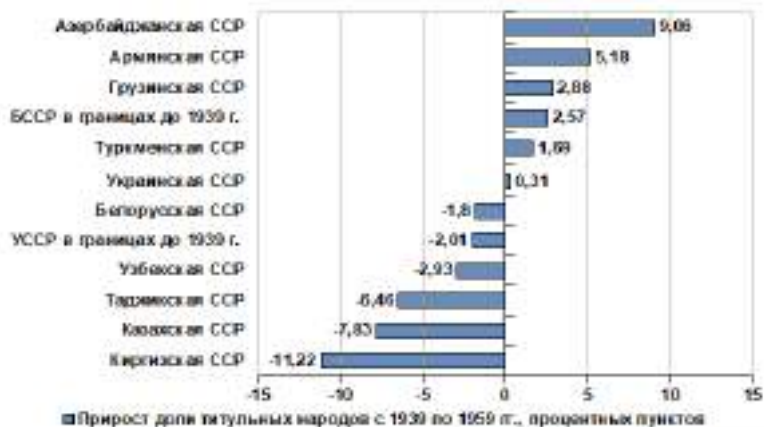

Рис. 13. Прирост доли титульных народов в населении советских республик между переписями 1939, 1959 и 1989 гг.

Оценка степени трансформации этнической структуры населения на региональном уровне с 1939 по 1959 гг. и с 1959 по 1989 гг. Так как авторская методика предполагает оценку трансформации этнической структуры населения на региональном уровне, то расчёты динамики доли русского и титульного населения республик, а также иных национальных автоно-

мий, были осуществлены на уровне регионов страны (небольших союзных республик, АССР, областей, краёв, автономных областей и автономных округов). Динамика доли русского населения на уровне регионов СССР представлена на рис. 14 (с 1939 по 1959 гг.) и рис. 15 (с 1959 по 1989 гг.). На рис. 16 отображена динамика численности населения регионов в период с 1959 по 1989 гг., что представляет существенный фактор, преломивший тенденцию роста доли русского населения в большинстве союзных республик.

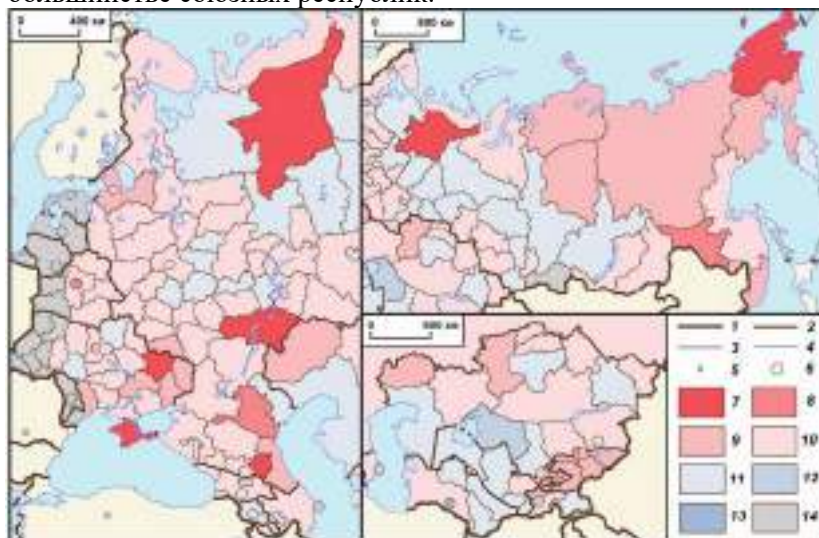

Рис. 14. Динамика доли русского населения с 1939 по 1959 гг. Границы на 1959 г.: 1 — государств, 2 — союзных республик, 3 — краёв, областей и национальных автономий (АССР, автономных областей, автономных округов), 4 — других регионов; 5 — столицы государств; 6 — столицы союзных республик; увеличение доли русского населения с 1939 по 1959 гг. (процентных пунктов): 7 — на 15 и более, 8 — от 10 до 15, 9 — от 5 до 10, 10 — до 5; уменьшение доли русского населения с 1939 по 1959 гг. (процентных пунктов): 11 — до 5; 12 — от 5 до 10; 13 — более 10; 14 — республики и регионы, на момент проведения переписи 1939 г. не входившие в состав СССР.

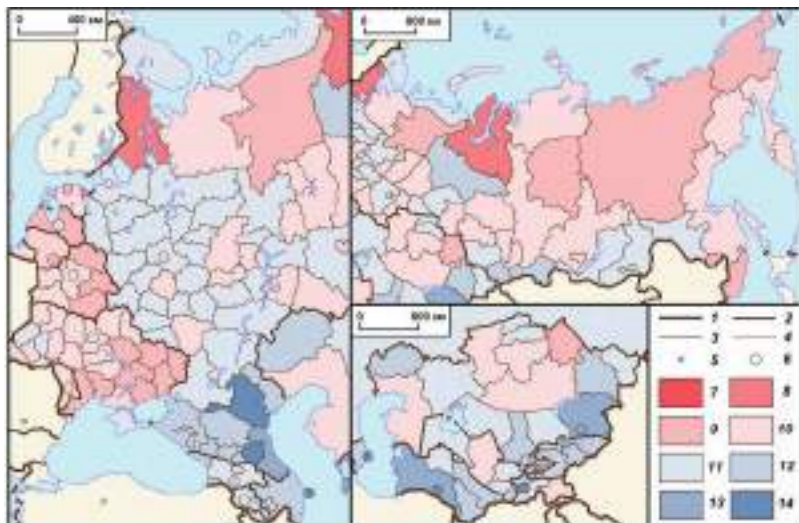

Рис. 15. Динамика доли русского населения с 1959 по 1989 гг. Границы на 1959 г.: 1 — государств, 2 — союзных республик, 3 — краёв, областей и национальных автономий (АССР, автономных областей, автономных округов), 4 — других регионов; 5 — столицы государств; 6 — столицы союзных республик; увеличение доли русского населения с 1939 по 1959 гг. (процентных пунктов): 7 — на 15 и более, 8 — от 10 до 15, 9 — от 5 до 10, 10 — до 5; уменьшение доли русского населения с 1959 по 1989 гг. (процентных пунктов): 11 — до 5; 12 — от 5 до 10; 13 — от 10 до 15, 14 — более 15.

В период с 1939 по 1959 гг. (см. рис. 14) доля русских в пределах РСФСР заметно выросла только в ряде окраинных или приграничных регионов: Чукотском автономном округе, Коми АССР, Саратовской области (что связано с депортацией поволжских немцев), Ленинградской области (депортация финнов-ингерманландцев), Чечено-Ингушской АССР, Калмыцкой АССР (в двух последних АССР это также связано с временной депортацией коренных народов). Заметно выросла доля русских в национальных автономиях на севере Сибири, и даже в ряде «русских» регионов Дальнего Востока. При этом в многих «русских» регионах Урала и Южной Сибири доля русских несколько уменьшилась, что можно объяснить миграциями в них населения из европейских союзных республик (особенно украинцев и

белорусов), включая эвакуацию в годы Великой Отечественной войны и депортации некоторых народов и части населения из присоединённых к СССР республик. В европейской части РСФСР, особенно к востоку от Москвы, также были регионы, которые испытали сокращение доли русского населения.

В то же время доля русских выросла в большинстве регионов союзных республик. Исключения составляли лишь единичные области республик, но важно отметить, что более заметное падение доли русских произошло в столицах целого ряда республик — в Тбилиси, Ереване, Баку, Ашхабаде и Душанбе. Небольшой рост доли русских наблюдался в Алма-Ате, Ташкенте, Фрунзе, Киеве, и более значительный — в Минске. Также можно отметить лишь три республики, где доля русских уменьшилась на большей части территории (без столиц) — это Армянская, Туркменская и Узбекская ССР.

В период с 1959 по 1989 г. (см. рис. 15) в целом картина уже не выглядела такой «розовой» — в европейской части РСФСР стали явно преобладать регионы с сокращающейся долей русских, положительная динамика доли русских сохранялась преимущественно в азиатской части России, а также на севере её европейской части — в Карельской и Коми АССР, и ещё в ряде областей. Также быстро росла доля русских в республиках Прибалтики, в Белорусской и Украинской ССР (исключение здесь составили столицы двух последних республик, а также Крым, Львовская и Тернопольская области Украины), менее значительно — в Молдавской ССР и в ряде северных областей Казахской ССР. Во всех остальных союзных республиках, а также в южной части Казахской ССР произошло сокращение доли русских. Та же картина характеризовала северокавказский регион РСФСР (особенно в этом плане выделялись Калмыцкая и Чечено-Ингушская АССР).

Важно заметить, что замена русского населения титульными народами стала происходить в этот период в структуре населения во всех столицах республик Закавказья и Средней Азии. То есть уже тогда была задана тенденция, в полной мере проявившая себя в постсоветский период. К интересным выводам

приводит сравнение карты с изменением доли русских в 1959–1989 гг. и карты с динамикой численности населения в этот же период (см. рис. 16).

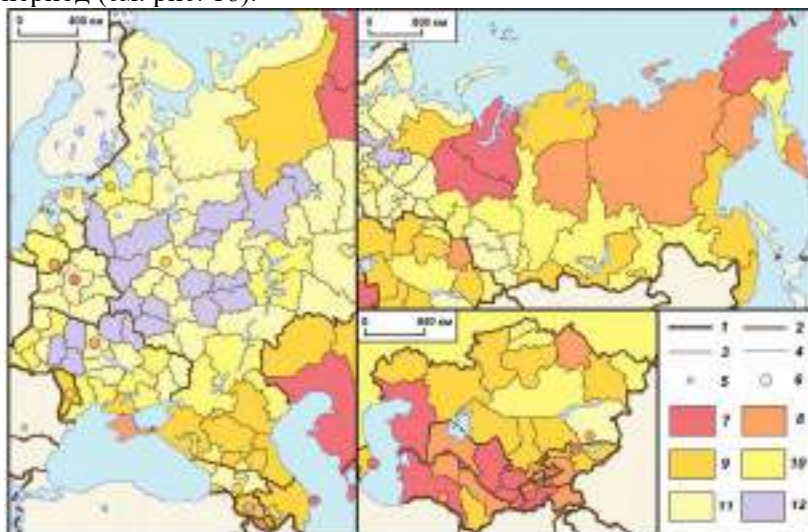

Рис. 16. Динамика численности населения с 1959 по 1989 гг.

Границы на 1959 г.: 1 — государств, 2 — союзных республик, 3 — краёв, областей и национальных автономий (АССР, автономных областей, автономных округов), 4 — других регионов; 5 — столицы государств; 6 — столицы союзных республик; рост численности населения: 7 — в 2,5 раза и более, 8 — от 2 до 2,5 раз, 9 — от 1,5 до 2 раз, 10 — от 1,25 до 1,5 раз, 11 — до 1,25 раз; 12 — уменьшение численности населения.

Благодаря данному сравнению можно выявить наиболее значимый фактор сокращения доли русских в целом ряде регионов европейской части России — это сокращение населения и, в качестве демографической компенсации, приём мигрантов из других регионов РСФСР и союзных республик. В этот период во многих российских регионах росла доля украинцев и белору-

сов⁵⁶, к которым к концу периода стали добавляться мигранты из других республик.

Динамичный рост населения севера Сибири и Дальнего Востока поддерживался в значительной степени благодаря притоку русского населения. Исключение составляет Ханты-Мансийский автономный округ, в освоении природных ресурсов которого принимали активное участие представители из разных уголков Советского Союза (такая же картина сохранилась и в постсоветский период). В национальных автономиях Северного Кавказа и Южной Сибири уже обозначился значительный демографический рост титульных народов, что привело уже тогда к уменьшению в них доли русского населения.

В республиках Закавказья и Средней Азии быстрый рост населения сопровождался уменьшением доли русских (исключение составили только Бухарская область Узбекской ССР, Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР и ряд северных областей Казахской ССР). Также можно обратить внимание на рост населения на юго-востоке Украинской ССР, сопровождавшийся (кроме Крыма) увеличением доли русских, что объясняется не только миграционным притоком последних, но и сменой частью местного населения этнической идентичности в пользу русских.

Опираясь на анализ результатов расчёта динамики доли русских и представителей титульных народов союзных республик и национальных автономий (табл. 3), была дана оценка степени трансформации этнической структуры населения регионов Советского Союза за 1939–1959 гг. (рис. 17) и 1959–1989 гг. (рис. 18).

---

⁵⁶ Манаков А. Г., Муравьев А. Д. Картографический анализ динамики численности белорусов и украинцев в России с 1959 по 2010 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 108–119.

Таблица 3

Оценка степени трансформации этнической структуры населения в периоды с 1939 по 1959 гг. и с 1959 по 1989 гг.

Степень (или тип) этнической трансформации	Увеличение доли титульного народа	Уменьшение доли русских
1. Радикальная трансформация	Большое (более 20 п. п.)	Относительно большое (более 10 п. п.)
2. Сильная трансформация	Относительно большое (от 15 до 20 п. п.)	Среднее (от 5 до 15 п. п.)
3. Значительная трансформация	Среднее (от 10 до 15 п. п.)	Малое (от 5 до 10 п. п.)
4. Небольшая трансформация	Малое (от 5 до 10 п. п.)	Минимальное (менее 5 п. п.)
5. Минимальная трансформация	Минимальное (менее 5 п. п.)	Минимальное (менее 5 п. п.)
6. Особый тип небольшой трансформации (с уменьшением доли русских и титульного народа)	Уменьшение доли титульного народа (до 15 п. п.)	Уменьшение доли русских (до 5 п. п.)
7. Особый тип значительной трансформации (с ростом доли русских и титульного народа)	Увеличение доли титульного народа (более 10 п. п.)	Увеличение доли русских (более 5 п. п.)
8. Особый тип минимальной трансформации (с ростом доли русских и титульного народа)	Увеличение доли титульного народа (до 10 п. п.)	Увеличение доли русских (до 5 п. п.)
	Уменьшение доли титульного народа	Увеличение доли русских
9. Минимальная трансформация с ростом доли русских	Минимальное (менее 5 п. п.)	Минимальное (менее 5 п. п.)
10. Небольшая трансформация с ростом доли русских	Малое (менее 10 п. п.)	Малое (от 5 до 10 п. п.)
11. Значительная трансформация с ростом доли русских	Среднее (от 10 до 15 п. п.)	Среднее (от 5 до 15 п. п.)
12. Сильная трансформация с ростом доли русских	Большое (более 15 п. п.)	Большое (более 15 п. п.)

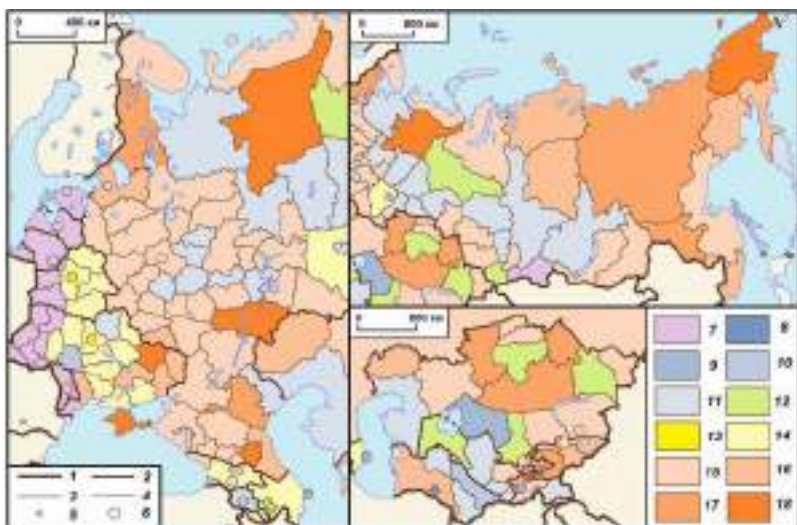

Рис. 17. Трансформация этнической структуры населения с 1939 по 1959 гг.

Границы на 1959 г.: *1* — государств, *2* — союзных республик, *3* — краёв, областей и национальных автономий (АССР, автономных областей, автономных округов), *4* — других регионов; *5* — столицы государств; *6* — столицы союзных республик; *7* — республики и регионы, на момент проведения переписи 1939 г. не входившие в состав СССР; степень трансформации этнической структуры населения (см. табл.) с уменьшением доли русских: *8* — сильная, *9* — значительная, *10* — небольшая, *11* — минимальная; *12* — особый тип небольшой трансформации (с уменьшением доли русских и титульного народа); *13* — особый тип значительной трансформации (с ростом доли русских и титульного народа); *14* — особый тип минимальной трансформации (с ростом доли русских и титульного народа); трансформация с ростом доли русских: *15* — минимальная, *16* — небольшая, *17* — значительная, *18* — сильная.

Именно динамика доли русского населения в большей степени предопределяла этническую трансформацию регионов страны в советский период. Но можно обратить внимание на регионы с особым типом трансформации. Всего выделено два подтипа таких регионов: 1) с уменьшением доли русских и титульного народа (т. е. с ростом доли иных национальностей); 2) с ростом доли русских и титульного народа (за счёт уменьшения доли других национальностей). Второй подтип делится ещё

и по степени этнической трансформации — значительной или минимальной. В период с 1939 по 1959 гг. в первый подтип таких регионов попали: Ханты-Мансийский автономный округ и Алтайская автономная область в РСФСР, Акмолинская, Семипалатинская и Южно-Казахстанская области в Казахской ССР, Каракалпакская АССР в Узбекской ССР, Нагорно-Карабахская автономная область в Азербайджанской ССР (см. рис. 17). Ко второму подтипу со значительной трансформацией этнической структуры отнесены столицы Белорусской и Украинской ССР.

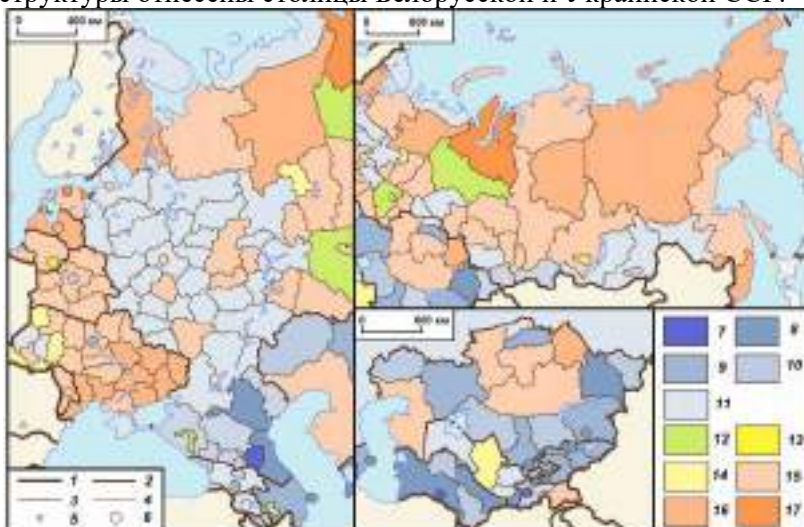

Рис. 18. Трансформация этнической структуры населения с 1959 по 1989 гг.

Границы на 1959 г.: *1* — государств, *2* — союзных республик, *3* — краёв, областей и национальных автономий (АССР, автономных областей, автономных округов), *4* — других регионов; *5* — столицы государств; *6* — столицы союзных республик; степень трансформации этнической структуры населения (см. табл.) с уменьшением доли русских: *7* — радикальная, *8* — сильная, *9* — значительная, *10* — небольшая, *11* — минимальная; *12* — особый тип небольшой трансформации (с уменьшением доли русских и титульного народа); *13* — особый тип значительной трансформации (с ростом доли русских и титульного народа); *14* — особый тип минимальной трансформации (с ростом доли русских и титульного народа); трансформация с ростом доли русских: *15* — минимальная, *16* — небольшая, *17* — значительная.

Между переписями 1959 и 1989 гг. к первому подтипу особого типа регионов страны были отнесены три национальных региона в РСФСР (Башкирская АССР, Адыгейская автономная область и Ханты-Мансийский автономный округ) и Нагорно-Карабахская автономная область в Азербайджанской ССР (см. рис. 18). Во второй подтип со значительной трансформацией попала столица Литвы, с минимальной трансформацией — Коми-Пермяцкий и Усть-Ордынский бурятский автономные округа в РСФСР и ещё несколько регионов в других союзных республиках (Бухарская область в Узбекской ССР и четыре области в западной части Украинской ССР).

В целом же картина трансформации этнической структуры населения регионов Советского Союза в период после 1959 г. заметно отличается от таковой в предшествующий период. В первую очередь, обращает на себя внимание трансформация с уменьшением удельного веса русского населения и ростом доли титульных народов в большинстве регионов республик Закавказья, Средней Азии и даже Казахстана. Длительный период «демографического донорства» регионов центральной части России привёл многие из них в состояние депопуляции. Это способствовало привлечению мигрантов извне, что привело к падению доли русского населения в большинстве из них. В то же время удельный рост русского населения продолжал расти в республиках Прибалтики, Белоруссии (кроме Минска), Молдавии и Украине (кроме Киева, Крыма, а также Львовской и Тернопольской областей).

Выводы. Основной тренд трансформации этнической структуры населения регионов Советского Союза в межпереписной период с 1939 по 1959 гг. определялся миграциями русского населения в районы нового освоения (на север Европейской России, север Сибири и Дальний Восток) и другие союзные республики — особенно на север Казахстана (освоение целины), в Киргизию, на индустриальный юго-восток Украины и в Крым.

В период между переписями 1959 и 1989 гг. миграционный потенциал русского населения стал иссякать. Тем не менее, продолжалось перемещение русских в регионы нового ре-

сурсного освоения, но в целом восточный вектор движения стал уступать западному — в республики Прибалтики, Молдавию, Белоруссию и Украину. В двух последних республиках преимущественно русскоязычная среда способствовала смене частью титульного населения идентичности в пользу русской. Значительно сократились миграции русских в Казахстан, а в ряде его областей (особенно южных) обозначился даже отток русского населения. Также в полной мере проявил себя новый тренд — выезд русских из республик Закавказья и Средней Азии.

Вторым, после миграций, важным фактором изменения этнической структуры населения регионов Советского Союза стала демографическая перестройка страны на макрорегиональном уровне. Если в период между 1939 и 1959 гг. естественный прирост титульных народов республик Закавказья и Средней Азии был небольшим, то с 1959 г. эти республики, в первую очередь, среднеазиатские, охватил демографический взрыв. Стала стремительно расти численность и доля титульных народов среднеазиатских республик. Титульное население республик из сельской местности стало стягиваться в крупные города, где изначально преобладало русскоязычное население, создавая предпосылки для полной замены этнокультурной доминанты в столицах, что и произошло в постсоветский период.

Вместе с тем, в России и во всех европейских республиках Советского Союза произошло значительное снижение естественного прироста. Особенно сильно от этого пострадали регионы центральной части России, долгое время выполнявшие роль «демографического донора» в границах всего государства. Хотя и сохранилась инерция перетока из них в окраинные районы севера и востока страны, а также в западные республики, но некоторые из них сами оказались в состоянии депопуляции, вынужденные «в компенсацию» принимать иноязычных мигрантов из разных уголков Советского Союза.

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Данный раздел монографии посвящён определению трендов этнической трансформации постсоветских стран в период между последней советской переписью населения 1989 г. и наиболее близкими к настоящему моменту переписями населения или оценкам национального состава. В качестве информационной базы анализа выступает статистика по этнической структуре населения по итогам его переписей и учётов, начиная с последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., результаты которой представлены на сайте demoscope.ru⁵⁷, и заканчивая последними переписями и учётами населения в постсоветских государствах, результаты которых отражены на сайте [Population statistics of Eastern Europe & former USSR](http://www.population-statistics.org)⁵⁸.

Наиболее близкая к данному моменту перепись населения состоялась в 2019 г. в Республике Беларусь. На начало того же года имеются данные по оценке этнической структуры населения в Эстонии, Латвии, Казахстане и Кыргызстане, на начало 2017 г. — в Узбекистане. В остальных случаях использовались результаты переписей населения: 2014 г. — в Молдове и Грузии, 2012 г. — в Туркменистане, 2011 г. — в Литве и Армении, 2010 г. — в Российской Федерации и Таджикистане, 2009 г. — в Азербайджане, 2001 г. — в Украине. При этом для расчёта динамики численности населения использовались данные по отдельным странам на середину 2020 г., полученные на сайте [Countrymeters.info](http://www.countrymeters.info)⁵⁹.

---

⁵⁷Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 24.07.2020).

⁵⁸Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 24.07.2020).

Динамика численности населения стран в постсоветский период. Для анализа этнических процессов необходимо обратить внимание на характер демографических изменений в бывших советских республиках. В целом на постсоветском пространстве численность населения с 1989 г. до середины 2020 г. увеличилась с 286,7 до 298,3 млн чел., т. е. на 4 %. При этом рост населения характеризовал только два макрорегиона постсоветского пространства. В первую очередь, это Центрально-Азиатский макрорегион, где население увеличилось с 49,4 до 72,9 млн чел., т. е. на 47,6 %. Во-вторых, это государства Закавказья, где население выросло с 15,8 до 17,6 млн чел., т. е. на 11,5 % (исключительно за счёт Азербайджана).

Во всех остальных постсоветских государствах произошло значительное уменьшение численности населения. В сумме количество жителей Российской Федерации, европейских стран СНГ и Балтии сократилось с 221,6 до 207,9 млн чел., т. е. на 6,2 %. Таким образом, общий рост населения в пределах постсоветского пространства обеспечивался исключительно за счёт высокого естественного прироста населения в мусульманских странах Центральной Азии и Закавказья (Азербайджане). В остальных странах общей чертой демографических процессов являлась естественная убыль населения в течение большей части постсоветского периода (в Молдове — с 1999 г.), а большие расхождения в общей динамике численности населения были связаны с заметно отличающимся миграционным балансом.

Лидерами по убыли населения в пределах всего постсоветского пространства стали три страны Балтии, Грузия и Украина. При этом за счёт значительного миграционного оттока наибольшие потери за постсоветский период понесли Латвия, Литва и Грузия, где численность населения сократилась более чем на четверть (рис. 19).

---

⁵⁹Countrymeters.info. [Электронный ресурс]: URL: <https://countrymeters.info/ru/> (дата обращения: 25.07.2020).

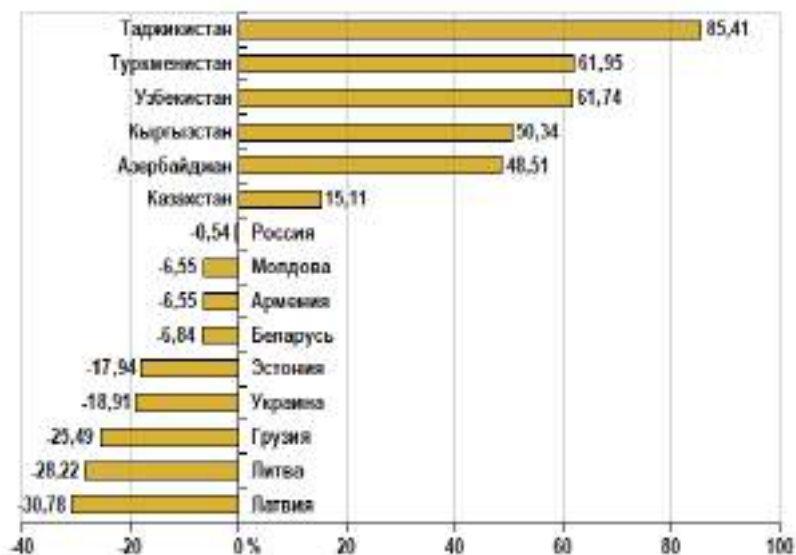

Рис. 19. Прирост численности населения постсоветских государств (в границах на момент распада СССР) с 1989 по 2020 гг., %

Убыль населения Молдовы, Армении и Республики Беларусь примерно соответствовали средним показателям для европейских стран постсоветского пространства. Минимальные демографические потери понесла Российская Федерация, во многом благодаря миграционному притоку населения фактически со всего постсоветского пространства.

Наибольшее падение численности населения в постсоветский период, согласно имеющимся данным, испытали непризнанные (и частично признанные) республики — Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье (в меньшей степени Нагорный Карабах) (рис. 20). Вооружённые конфликты привели к значительному оттоку населения.

Рис. 20. Убыль численности населения на территории непризнанных и частично признанных республик с 1989 по 2020 гг., %

Динамика индекса этнической мозаичности. Индекс этнической мозаичности (ИЭМ), предложенный Б. М. Эккелем⁶⁰, может быть рассчитан по формуле $ИЭМ=1-\sum (P_i)^2$, где P_i — доля i -ой национальности ($i=1,2,\dots$) в конкретном регионе.

Наибольший показатель этнической мозаичности населения в пределах постсоветского пространства сохраняют Латвия, Молдова, Казахстан и Эстония, наименьший демонстрируют Армения, Азербайджан и Республика Беларусь. Если же говорить о динамике индекса, то лидерами по его уменьшению в постсоветский период выступают центральноазиатские государства Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан. Также радикальное снижение ИЭМ испытал в странах Закавказья. Среди европейских стран СНГ в этом плане лидирует Республика Беларусь (рис. 21).

⁶⁰Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

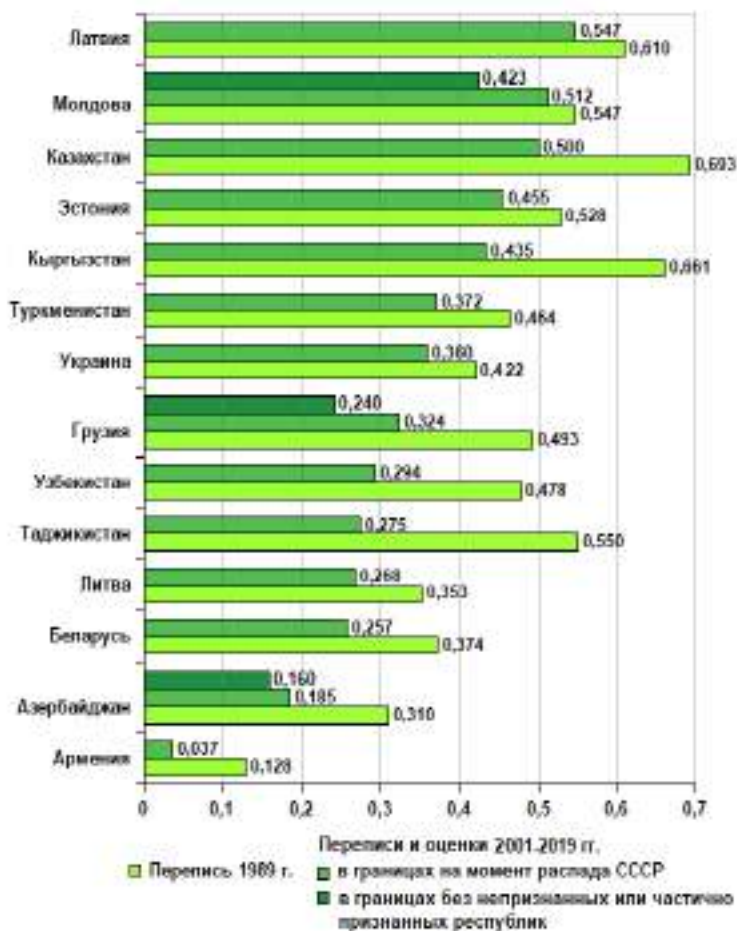

Рис. 21. Изменение величины индекса этнической мозаичности постсоветских стран

Значительное снижение ИЭМ произошло в частично признанных республиках Закавказья, а особенно резкое — в непризнанном Нагорном Карабахе. Для расчёта ИЭМ, представленного на рисунке 22, использовались результаты оценки этнического состава населения Абхазии за 2017 г., переписей населения

Южной Осетии 2015 г. и Нагорного Карабаха 2005 г. (через 11,5 лет после окончания первой активной фазы противостояния с Азербайджаном). В Приднестровской Молдавской Республике, согласно итогам переписи населения 2004 г., ИЭМ оставался на высоком уровне.

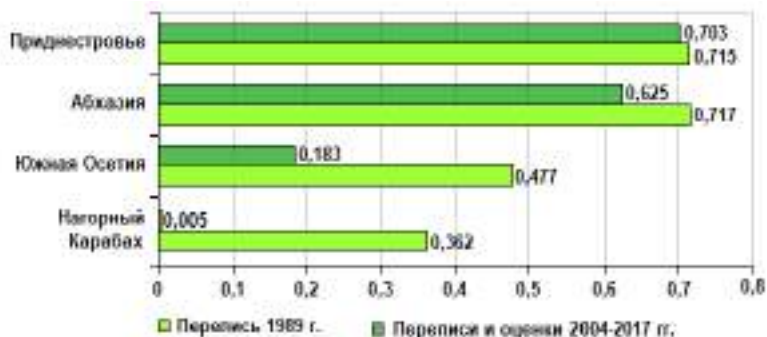

Рис. 22. Изменение величины индекса этнической мозаичности на территории непризнанных и частично признанных республик

Для дальнейшей интерпретации результатов, полученных путём расчёта индекса этнической мозаичности, следует выделить некоторые особенности методики. Б. М. Эккель предложил инструмент, помогающий «определить этническую пестроту населения через теоретическую вероятность интенсивности межнациональных контактов, которая имела бы место, если бы контакты обуславливались лишь процентным соотношением национальных групп в данном районе независимо от других факторов»⁶¹. Как пишет автор, «индекс мозаичности национального состава города или какой-либо территориальной единицы будет тем выше, чем больше в нём будет представлено групп национальностей, чем меньше будут эти группы и чем более равномерно по численности они распределены. Теоретическая вероятность вступления национальностей в межнациональные контакты также будет тем выше, чем больше имеется групп нацио-

⁶¹Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 34.

нальностей и чем они численно меньше»⁶². Но это — в теории. На практике же на величину индекса «оказывают влияние лишь достаточно крупные по численности национальности» и равномерность распределения общей численности населения между этносами⁶³. Действительно, чем больше количество таких соразмерных групп и их численность, тем выше теоретическая вероятность, что их представители будут общаться в каких-либо сферах (работа, учёба, быт и т. д.). Поэтому постоянное проживание на одной территории трёх крупных и примерно равных по численности этнических групп, например, в Приднестровье — молдаван, русских и украинцев — предполагает высокую теоретическую вероятность межэтнических контактов, что и отражает высокий ИЭМ.

Большое количество малочисленных этнических групп при наличии одной крупной группы не будет вносить заметного вклада в величину индекса этнической мозаичности. На моноэтнизацию стран и регионов ИЭМ реагирует снижением. При ИЭМ менее 0,2 доля наиболее многочисленной этнической группы обычно составляет свыше 90 %. Этот показатель был принят нами за количественный рубеж этноконтактной зоны для *условно моноэтнических территорий*, которая может рассматриваться не только в пространственном⁶⁴, но и во временном плане. В этой зоне располагается Армения — до и после распада СССР. В постсоветское время в неё сместился также Азербайджан. Приближаются к рубежу условной моноэтничности показатели ИЭМ Республики Беларусь, Литвы, Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Украины, Туркменистана (см. рис. 3).

Некоторых серьёзных искажений индекса этнической мозаичности можно избежать, если руководствоваться знанием ещё одной особенности, которая привносит в количественную методику качественный элемент. При расчётах индекса этнической мозаичности Б. М. Эккель исходил из предварительной

---

⁶² Там же, с. 34.

⁶³ Там же с. 35.

⁶⁴ *Манаков А. Г.* Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.

оценки: в момент исследования на данной территории межэтнические контакты предположительно должны иметь примерно одинаковую интенсивность. Разумеется, здесь не идёт речь об учёте всех микрогеографических особенностей расселения этнических групп и историко-культурных особенностей их взаимодействия, которыми приходится временно пренебречь. В своём анализе автор методики стремится выделить *элементарную территориальную ячейку интенсивных контактов*, что выражается в дроблении территорий на административно-территориальные единицы, осуществлении отдельных расчётов индекса по всем автономиям и иным национально-территориальным образованиям, а также крупным городам.

Выполнение задачи по выявлению динамики индекса этнической мозаичности на обширной территории всего постсоветского пространства не позволяет произвести максимальную детализацию этой территории. Одним из важных ограничений, в данном случае, является доступность, полнота и синхроничность статистических данных на всех участках. Тем не менее, регулярные статистические учёты этнического состава населения, которые проводились в ныне непризнанных и частично признанных республиках, дают возможность увидеть вклад последних в величину общестранового показателя ИЭМ на примере Азербайджана, Грузии и Молдовы (см. рис. 3).

В нашем межстрановом сравнении ИЭМ и его динамики не участвует Российская Федерация, субъекты которой более детально изучаются за рамками настоящей статьи. Согласно имеющимся исследованиям, в России в постсоветское время происходило нарастание моноэтничности не только национальных образований, но и большинства регионов⁶⁵.

---

⁶⁵ Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.; Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-9; Трифонова З. А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.

Таким образом, в целом динамика ИЭМ на территории постсоветского пространства указывает на нарастание моноэтничности как популярную тенденцию после 1989 г., но данный вывод не может распространяться на все без исключения регионы. Для более точной оценки и прогнозирования этнодемографических процессов необходим подробный анализ территорий, качественная и количественная аналитика воздействия различных факторов.

Изменение этнической структуры населения. На рисунке 5 страны постсоветского пространства расположены в порядке уменьшения доли титульного народа в национальном составе их населения (на момент проведения последней переписи). Тройку лидеров по доле титульного народа составляют Армения, Азербайджан и Республика Беларусь. Меньше всего эта доля в Латвии, Казахстане и Молдове. В большинстве случаев вторым компонентом в этнической структуре населения является русское население. Это не относится только к ряду государств Закавказья и Центральной Азии с крайне малой долей русских и значительной долей представителей других национальностей (особенно узбеков в странах юга Центрально-Азиатского макрорегиона).

Тем не менее, на рисунке 23 чётко прослеживается сразу три общих тренда этнических процессов в постсоветских странах: 1) рост доли титульных народов; 2) резкое сокращение доли русских; 3) уменьшение доли других нетитульных народов. Собственно эти три тренда и отвечают за динамику ИЭМ, рассмотренную выше. В государствах Центральной Азии и Азербайджана численность титульных народов росла быстрыми темпами благодаря их высокому естественному приросту. Но в этих же странах, как и в других государствах постсоветского пространства, рост доли титульного народа был также связан с миграционными процессами — в первую очередь, с оттоком нетитульного (в т. ч. русского) населения, что объясняется социально-экономической ситуацией и новыми политическими установками в процессе государственного строительства в бывших советских республиках.

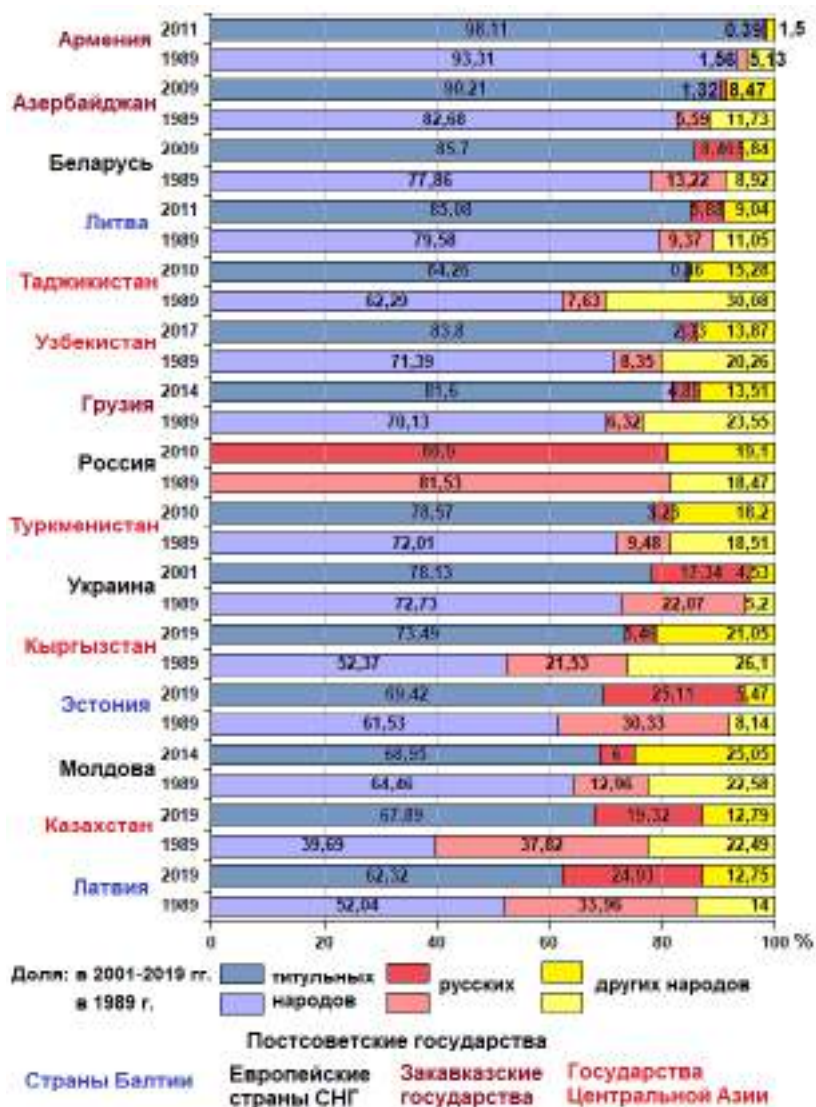

Рис. 23. Изменение этнической структуры населения государств постсоветского пространства (в границах на момент распада СССР)

Страны, где произошло наиболее значительное уменьшение доли русских за постсоветский период — это Казахстан (на 18,5 процентных пунктов), Кыргызстан (на 16 п. п.) и Латвия (на 9 п. п.). Если в большинстве государств сокращение доли русских было связано почти полностью с их миграционным оттоком, то в Республике Беларусь, Украине и Молдове сложилась иная ситуация: значительное уменьшение доли русских было вызвано сменой этнической идентичности части населения в пользу титульных народов республик⁶⁶.

В Российской Федерации выросла доля титульного населения национальных автономий⁶⁷, поэтому можно считать, что первый тренд также выдержан. Вместе с тем, статистически, Россия последовала второму общему тренду в трансформации этнической структуры населения бывших советских республик в постсоветский период, а именно — уменьшению в них удельного веса русского населения.

Необходимо обратить внимание на уменьшение доли других нетитульных народов, которое характерно для всех постсоветских стран, за исключением Молдовы. Лидером здесь является Таджикистан (за счёт двукратного уменьшения доли узбеков). На сокращение доли нетитульных народов повлияла их ассимиляция и миграционный отток. В исследованиях отмечается также смена этнического самосознания, что не может не отразиться на этнодемографической статистике⁶⁸. Нами была зафик-

---

⁶⁶Ефимов С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189; Касперович Г. И. Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111.

⁶⁷Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.

⁶⁸Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.

сирована смена этнической самоидентификации частью белорусов, украинцев и некоторых других народов (преимущественно русскоязычных) в Эстонии в пользу русского этноса⁶⁹.

Следует отметить и ряд явлений, которые еще не получили достаточного освещения в научных публикациях, но которые могут приводить к варьированию статистических показателей в той или иной стране. Среди них формальное отнесение лица к титульному населению (номинальная титулизация) и отказ указывать этническую принадлежность в документах учёта. На наш взгляд, для изучения подобных явлений и процессов требуется специальная методология.

Динамика коэффициента этнической концентрации.

Индекс этнической концентрации показывает удельный вес титульного народа, проживающего в своей национальной автономии, от общей численности народа, проживающего в пределах всей страны. Этот показатель можно применить и к государствам постсоветского пространства, а также к некоторым автономиям, ставшим в постсоветское время непризнанными (или частично признанными) республиками.

Явными лидерами по концентрации титульных народов в своих республиках в пределах постсоветского пространства стали страны Балтии, которым несколько уступают Грузия, Туркменистан и Украина (рис. 24). Антилидерами по уровню коэффициента являются Армения и Таджикистан.

---

⁶⁹Manakov A. G., Kliimask J. Russian-Estonian Border In The Context Of Post-Soviet Ethnic Transformations // Geography, Environment, Sustainability. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 16–20.

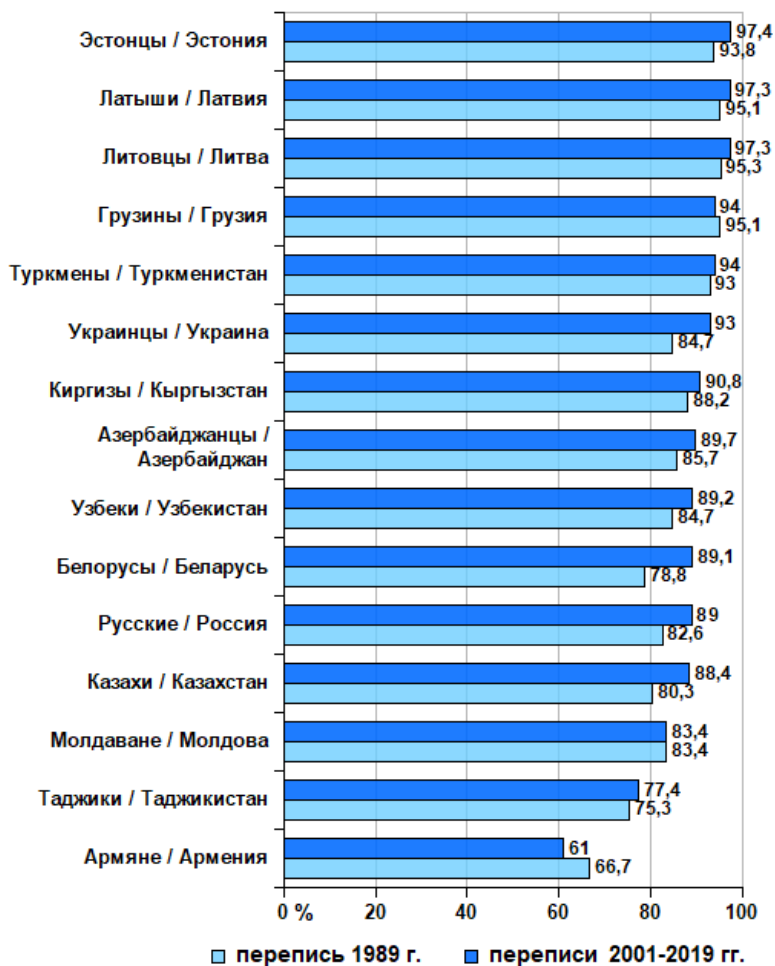

Рис. 24. Изменение индекса этнической концентрации титульных народов постсоветских государств (в границах на момент распада СССР)

Особый интерес вызывает динамика показателя. Анализ рисунка 24 позволяет сделать вывод о наличии тренда, характеризующего сосредоточение в постсоветское время титульных

народов на территории «своих» государств. Исключением являются Армения и Грузия; для Молдавии показатель остался неизменным. Значительно вырос индекс этнической концентрации армян в Нагорном Карабахе и осетин в Южной Осетии (рис. 25). В пределах Российской Федерации коэффициент демонстрировал преимущественно положительную динамику на уровне национальных автономий⁷⁰.

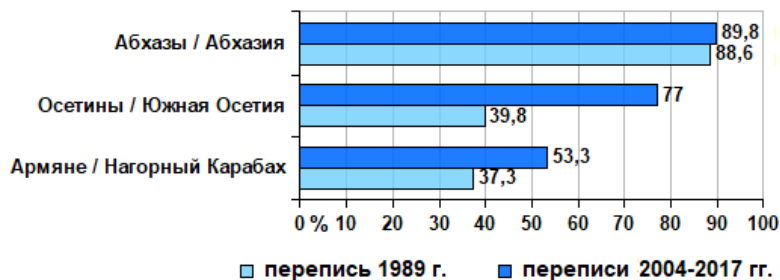

Рис. 25. Изменение коэффициента этнической концентрации титульных народов некоторых бывших национальных автономий в пределах границ бывших советских республик (Грузинской и Азербайджанской ССР)

Увеличение большинства страновых показателей свидетельствует о том, что за прошедшие тридцать лет произошло «стягивание» русских с постсоветского пространства в Россию, белорусов — в Республику Беларусь, украинцев — в Украину, казахов — в Казахстан и т. д. В Республике Беларусь и Украине на рост коэффициента также оказала влияние смена этнической самоидентификации части русских билингов в пользу титульных народов, о которой говорилось выше. Впрочем, аналогичный процесс происходил и в России, где часть белорусов и украинцев поменяли свою этническую самоидентификацию на «русский/ая»⁷¹. Не исключено, что в ряде случаев имело место отожд-

⁷⁰Трифорова З. А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.

⁷¹Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.;

дествление этнической идентичности с национальной, которая в современном дискурсе более связана со страной проживания, гражданством.

Не так давно в лексикон этнодемографических исследований вошло понятие *этнос-нация*. В образовании понятия угадывается аналогия с *государством-нацией* (nation-state), но оно является достаточно новым конструктом. Понятием *этнос-нация*, в частности, активно пользуется в своём исследовании этнодемографических процессов в государствах Балтийского региона С. А. Хрущёв⁷². Помимо того, что новый гибридный концепт в некоторых контекстах может заменять устоявшийся в постсоветской этнодемографии концепт *титульный народ*, оно выводит на поверхность скрытую двойственность последнего. Под «титульным народом» обычно понимается этнос, именем которого определяется название государства (например, литовцы в Литве, таджики в Таджикистане и т. д.). В этом случае имеет место омонимичность этнической принадлежности и гражданства, что может быть одним из факторов, благоприятствующих отождествлению этнической идентичности с национально-гражданской. В количественном плане эта двойственность наименования будет поддерживать, как правило, и без того высокую долю «титульного» народа в национальных государствах. С другой стороны, могут появиться и такие этнологические новшества как, например, «россияне» в России, также отсылающие к самоидентификации со страной. Не стоит относиться к подобным явлениям лишь как результату несовершенства процедур сбора данных. Они должны привлечь внимание исследователей к более глубокому изучению процессов социально-политических трансформаций и связанных с ними особенностей

Манаков А. Г., Муравьев А. Д. Картографический анализ динамики численности белорусов и украинцев в России с 1959 по 2010 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 108–119.

⁷²Хрущёв С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 91–102.

(ре)конструирования идентичности человека в современном и постсовременном мире.

Выводы. Результаты проведённого исследования позволяют выделить следующие взаимосвязанные, но не одинаковые по интенсивности тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве: 1) увеличение доли титульных народов на уровне государств и регионов; 2) нарастание концентрации («стягивание») титульных народов в пределах своих национально-территориальных образований; 3) сокращение удельного веса нетитульных народов, в частности, русских, которые в большинстве независимых государств являются вторым по численности народом (наиболее многочисленным национальным меньшинством).

В целом отмечается магистральная тенденция, которую можно обозначить как движение в направлении моноэтнизации населения постсоветских стран, хотя большая их часть ещё не достигла рубежа условной моноэтничности ($ИЭМ=0,2$). В зоне условно моноэтничных территорий находятся Армения и Азербайджан, причём последний преодолел указанный рубеж в постсоветский период. В ближайшей к ним группе (с $ИЭМ$ от 0,2 до 0,4) располагаются Республика Беларусь, Литва, Таджикистан, Узбекистан, Грузия, Украина, Туркменистан.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ С 1989 ПО 2010 ГОДЫ

Данный раздел монографии посвящён оценке степени трансформации этнического пространства постсоветских государств на региональном уровне с помощью методики, учитывающей разнонаправленную динамику двух основных компонентов этнической структуры населения молодых государств — русского населения и титульных народов республик.

В предыдущем разделе монографии были рассмотрены общие для всех государств ближнего зарубежья тренды этнической трансформации, среди которых, в первую очередь, нужно отметить: 1) сокращение численности и доли русского населения; 3) рост доли титульных народов; 1) повышение уровня этнической однородности молодых государств; 4) повышение степени концентрации титульных народов в пределах своих стран. Но на региональном уровне можно говорить только о двух первых трендах постсоветской этнической трансформации.

В качестве информационной основы анализа выступает этническая статистика на уровне регионов государств постсоветского пространства, начиная с итогов последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., представленных на сайте demoscope.ru⁷³, и заканчивая результатами раунда переписей и учётов населения в период 2009/2011 гг., отраженными на сайте [Population statistics of Eastern Europe & former USSR](http://population-statistics.org/)⁷⁴.

---

⁷³Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности.[Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=76.

⁷⁴Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat-mashke.org/> (дата обращения 20.07.2022).

В случае, если переписи или учёты населения проводились вне обозначенного периода (например, в 2014 г. в Грузии и Молдове), была дана оценка этнической структуры населения на 2010 г. Также на этот год была осуществлена оценка доли русских и украинцев по регионам Украины с опорой на тренды этнической трансформации в них между 1989 г. и 2001 г. (итогами последней на данный момент переписи населения, проводившейся на территории Украины).

Методика оценки степени этнической трансформации регионов стран постсоветского пространства основана на одновременном учёте динамики двух основных компонентов этнической структуры населения: титульных народов республик и русского населения. В ней учитывается то обстоятельство, что рост доли титульных этносов республик в постсоветское время немного опережал падение доли русского населения, что связано с сокращением удельного веса в населении бывших советских республик не только русского населения, но и других нетитульных народов.

С опорой на эту методику нами предложена классификация регионов, где административно-территориальные единицы постсоветских государств (или непризнанные и частично признанные республики, а также специально выделенные регионы в небольших странах) и субъекты Российской Федерации были сгруппированы в зависимости от динамики доли русских и титульных народов за период с 1989 по 2010 гг. (табл. 4).

Данная методика представляет собой инструмент анализа трансформации этнического пространства, разработанный в соответствии с концепцией геокультурного пространства (ГКП). В рамках концепции ГКП особое внимание уделяется изучению этнического пространства, в частности, его горизонтальной структуры. Новая методика позволяет дать оценку степени устойчивости, определить тренды и интенсивность трансформации компонентов территориальной структуры этнического пространства как результата геополитических, демографических и социально-экономических изменений, рассмотренных за значи-

тельные временные интервалы в пределах территорий, очерченных ныне общими границами постсоветских государств.

Таблица 4

Оценка степени этнической трансформации в период с 1989 по 2010 гг.

Степень (или тип) этнической трансформации	Увеличение доли титульного народа (в скобках — в процентных пунктах)	Уменьшение доли русских (в скобках — в процентных пунктах)
1. Наиболее радикальная трансформация	Наибольшее (более 30)	Большое (более 20)
2. Радикальная трансформация	Большое (от 20 до 30)	Относительно большое (от 10 до 20)
3. Сильная трансформация	Относительно большое (от 15 до 20)	Среднее (от 5 до 15)
4. Значительная трансформация	Среднее (от 10 до 15)	Малое (от 5 до 10)
5. Небольшая трансформация	Малое (от 5 до 10)	Минимальное (менее 5)
6. Минимальная трансформация	Минимальное (менее 5)	Минимальное (менее 5)
7. Особый тип трансформации (радикальная, но преимущественно не за счет оттока русского населения)	Большое (от 20 до 30)	Малое (менее 10)
	Уменьшение доли титульного народа (в скобках — в процентных пунктах)	Увеличение доли русских (в скобках — в процентных пунктах)
8. Минимальная трансформация с ростом доли русских	Минимальное (менее 5)	Минимальное (менее 5)
9. Небольшая трансформация с ростом доли русских	Малое (менее 10)	Малое (от 5 до 10)

Согласно итогам переписи населения 1989 г., в границах СССР проживало 286,7 млн чел., а в 2010 г. численность населения в пределах постсоветского пространства составляла (по нашим оценкам) 287 млн чел., т. е. за первые два постсоветских десятилетия почти не изменилась (табл. 5).

Таблица 5

Динамика численности населения, доли русских и титульных народов государств постсоветского пространства в период с 1989 по 2010 гг.

Государства постсоветского пространства (в границах на момент распада Советского Союза)	Всё население			Русское население			Титульные народы		
	Численность в 1989 г., млн чел.	Численность в 2010 г.*, млн чел.	Динамика с 1989 по 2010 г.*, %	Доля в 1989 г., %	Доля в 2010 г.*, %	Динамика доли с 1989 по 2010 г.*, п.п.	Доля в 1989 г., %	Доля в 2010 г.*, %	Динамика доли с 1989 по 2010 г.*, п.п.
Таджикистан	5,1	7,6	+48,5	7,6	0,5	-7,1	62,3	84,3	+22
Туркменистан	3,5	5,1	+45	9,5	3,2	-6,3	72	78,6	+6,6
Узбекистан	19,9	28,5	+43	8,3	3,1	-5,2	71,4	82,3	+10,9
Азербайджан	7,0	8,9	+27	5,6	1,3	-4,3	82,7	91,6	+8,9
Кыргызстан	4,3	5,4	+26	21,5	7,5	-14	52,4	71,3	+19,9
Казахстан	16,5	16,0	-2,7	37,8	24	-13,8	39,7	61,1	+21,4
Россия	147,4	142,9	-3,1	81,5	80,9	-0,6			
Беларусь	10,2	9,5	-6,4	13,2	8,4	-4,8	77,9	85,8	+7,9
Армения	3,3	3,0	-8,5	1,6	0,4	-1,2	93,3	98,1	+4,8
Украина	51,7	46,0	-11	22,1	13,3	-8,8	72,7	78,3	+5,6
Эстония	1,6	1,3	-14,4	30,3	25,6	-4,7	61,5	68,8	+7,3
Литва	3,7	3,1	-16	9,4	5,8	-3,6	79,6	84,2	+4,6
Молдова	4,3	3,5	-19	13,0	8,3	-4,7	64,5	66,2	+1,7
Латвия	2,7	2,1	-21	34,0	26,9	-7,1	52	62	+10
Грузия	5,4	4,0	-25,8	6,3	1,0	-5,3	70,1	85,7	+15,6
Итого	286,7	287	+0,1	50,6	43,6	-7			

*по итогам переписей населения или оценка на 2010 г.

Однако, произошло значительное перераспределение населения между макрорегионами постсоветского пространства. Наибольший демографический прирост пришёлся на страны

Центральной Азии, где население выросло на 26,7 % (с 49,4 до 62,6 млн чел.). Численность населения государств Закавказья увеличилась на 1,3 % (с 15,7 до 15,9 млн чел.), но исключительно за счёт Азербайджана. Во всех остальных макрорегионах произошло сокращение населения. В России численность населения уменьшилась на 3,1 %, в Европейских странах ближнего зарубежья — на 10,9 % (с 66,2 до 59 млн чел.), в странах Балтии — на 18,8 % (с 8 до 6,5 млн чел.).

В итоге суммарная доля Центрально-Азиатского и Закавказского макрорегионов в населении постсоветского пространства за первые два десятилетия после распада Советского Союза выросла с 22,7 до 27,4 %, а доля всех молодых государств в европейской части постсоветского пространства (без России) сократилась с 25,9 до 22,8 %. Также уменьшилась доля Российской Федерации — с 51,4 до 49,8 %.

На рисунке 26 можно проследить перераспределение населения постсоветского пространства на региональном уровне за 1990–2000-е гг. Обращает на себя внимание значительная убыль населения в северной (наиболее русскоязычной) части Казахстана (за исключением его новой столицы) и низкий прирост населения в северной части Кыргызстана. Почти вся территория европейских государств постсоветского пространства, а также Грузии и Армении, была охвачена депопуляцией, за исключением небольших «островков» относительного демографического благополучия, связанных с миграционным притоком населения. Такие «островки» образуют столицы Украины и Республики Беларусь, а в России, кроме столичных регионов, к ним относятся некоторые привлекательные для мигрантов области (Белгородская, Волгоградская, Калининградская, Томская, Тюменская и др.) и края (Ставропольский и Краснодарский). Но особо в России нужно отметить заметный рост населения в национальных республиках Северного Кавказа, Республике Алтай, Татарстане и Башкортостане.

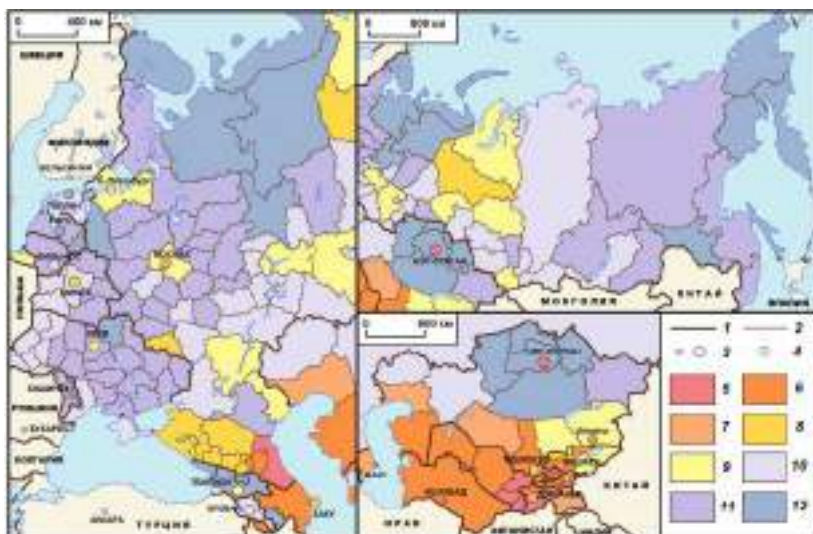

Рис. 26. Динамика численности населения с 1989 по 2010 гг. Современные границы: 1 — государств, 2 — регионов; 3 — столицы государств; 4 — прочие города; рост численности населения: 5 — на 50 % и более, 6 — от 30 до 50 %, 7 — от 20 до 30 %, 8 — от 10 до 20 %, 9 — до 10 %; уменьшение численности населения: 10 — до 10 %, 11 — от 10 до 20 %, 12 — на 20 % и более.

Рисунок 27 позволяет проследить динамику удельного веса титульных народов в пределах молодых государств, национальных автономий России, а также русского населения в российских областях и краях. В Российской Федерации в подавляющем большинстве национальных республик наблюдался рост доли титульных народов, исключение составили Карелия, Удмуртия и Чувашия. Лидерами по росту удельного веса титульных этносов являлись республики Чечня и Ингушетия, Тыва, Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, за которыми следовали оставшиеся северокавказские республики.

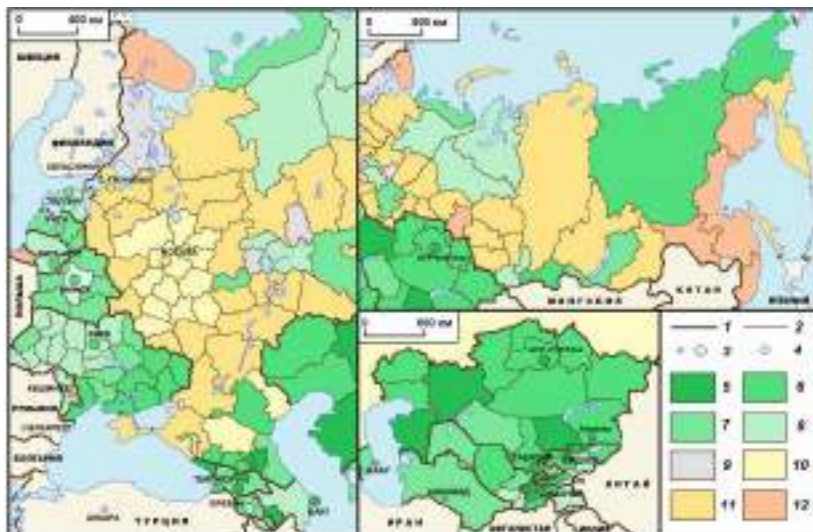

Рис. 27. Динамика доли титульного населения республик и национальных автономий с 1989 по 2010 гг.

Современные границы: *1* — государств, *2* — регионов; *3* — столицы государств; *4* — прочие города; увеличение доли титульного населения (в процентных пунктах): *5* — на 20 и более, *6* — от 10 до 20, *7* — от 5 до 10, *8* — до 5; *9* — уменьшение доли титульного населения; динамика доли русского населения: *10* — уменьшение доли, *11* — рост доли до 5 процентных пунктов, *12* — рост доли более, чем на 5 процентных пунктов.

Но при этом в большинстве областей и краёв России повысилась доля русского населения. Тем не менее, несколько уменьшилась доля русских в пределах достаточного обширного массива областей в самом центре европейской части страны, что объясняется одновременно депопуляцией этих территорий и миграционным притоком иноязычного населения. В эту же категорию регионов попадают Ставропольский край и Астраханская область (в последней заметно выросла доля казахов). При этом все «русские» регионы азиатской части страны и также их значительная часть в европейской части России стали ещё более «русскими».

В других государствах постсоветского пространства доля титульных народов в большей степени выросла в регионах, имевших в позднесоветское время наиболее высокий удельный вес русского населения. В первую очередь, это северные части Казахстана и Кыргызстана, юг-восток Украины, большинство столиц молодых государств (исключение составили столицы Армении, Латвии и Эстонии). Наименьший прирост титульного населения республик приходился на территории, где до распада СССР доля русских была небольшой или же незначительной. Это, например, территории Литвы (без столицы), Западной Украины, Молдовы, Азербайджана, юга Центральной Азии и др.

Особо нужно отметить регионы с самым высоким ростом удельного веса титульных народов. Если в Казахстане рост доли титульного народа в этих регионах был напрямую связан со стремительным падением доли русских, то, например, в Таджикистане — с уменьшением доли узбеков (Согдийская область). В эту же категорию попадают территории непризнанных и частично признанных республик — Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Последний к началу второго десятилетия XXI в. превратился в полноценную мононациональную территорию, где доля армян достигла 99,7 %. Заметно подтянулась доля осетин в Южной Осетии (с 66,2 до 89,9 %) и абхазов в Абхазии (с 17,8 до 50,8 %). Но произошло это на фоне резкого уменьшения численности населения республик, вызванного военным конфликтом, спровоцировавшим бегство нетитульного населения.

Как показал анализ динамики численности населения на постсоветском пространстве за период с 1989 по 2010 гг., высокие показатели естественного прироста титульных народов могли оказать серьёзное влияние на динамику их удельного веса только в странах Центральной Азии и Азербайджане. При этом в подавляющем большинстве регионов стран постсоветского пространства рост удельного веса титульных народов бывших советских республик и национальных автономий России был напрямую связан с уменьшением численности и доли русского населения. Численность русских, проживающих в границах быв-

шего Советского Союза, с 1989 по 2010 гг. уменьшилась со 145 до 125 млн чел. (оценка), т. е. на 20 млн чел., а их доля во всём населении постсоветского пространства сократилась с 50,6 до 43,6 % Основной причиной уменьшения численности русских в странах ближнего зарубежья являлся их миграционный отток в постсоветский период, второй и третьей причинами стали ассимиляция и естественная убыль русского населения.

Согласно оценке С. Я. Сущего⁷⁵, именно миграционный отток стал главным фактором сокращения численности русских в государствах Центральной Азии, обеспечив от 70 до 98 % их демографической убыли (в зависимости от страны и временного интервала, остальное — естественная убыль), а также государств Закавказья (от 60 до 97 % демографической убыли). Также высока доля миграционного оттока в общей убыли русского населения в странах Балтии (от 30–50 % в Эстонии до 40–90 % в Литве и Латвии). Иной главный фактор сокращения численности русских наблюдался в европейских странах ближнего зарубежья — это ассимиляционные процессы, а точнее, «титулизация» в группах билингвов или биэтнотфоров, т. е. лиц с двойственной (русско-титульной) этнической идентичностью. Лидером здесь выступала Республика Беларусь, где, по оценкам Я. С. Сущего, демографические потери русских на 65–86 % связаны со сменой идентичности в пользу титульного этноса. Сокращение численности русских в Молдове и Украине на 20–40 % объясняется миграционным оттоком, и на 45–70% — сменой этнической идентичности.

Рост удельного веса титульного населения государств постсоветского пространства происходил не только за счёт уменьшения доли русских, но и других нетитульных народов. Доля последних в постсоветское время сократилась почти во всех молодых государствах, исключение составила Молдова. Причём заметное сокращение данного этнического компонента является результатом не только миграционного оттока, но и ас-

---

⁷⁵Сущий С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

симилиации нетитульного населения сразу с двух сторон — титульного народа и русских общин, которые стали пополняться благодаря обрусению крупных русскоязычных диаспор (украинской, белорусской и др.). Наиболее заметно этот процесс проявил себя в государствах Центральной Азии.

Результаты оценки на региональном уровне степени этнической трансформации постсоветского пространства представлены на рисунке 28.

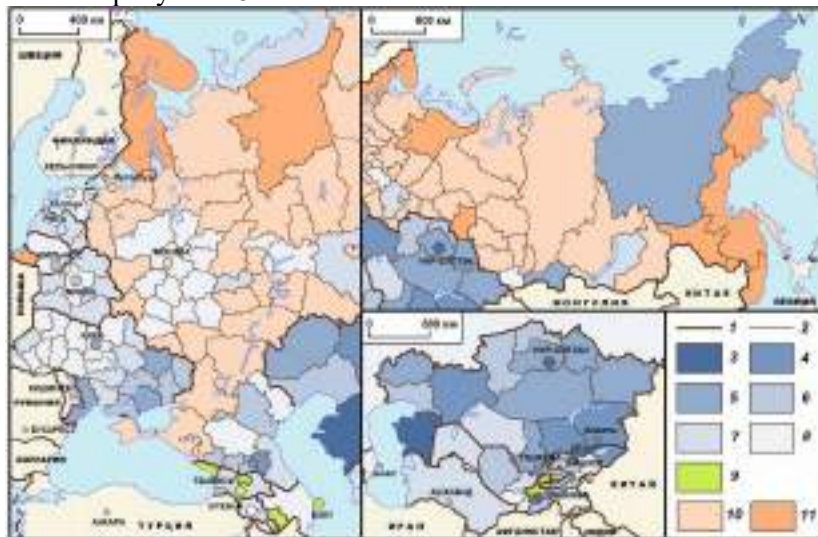

Рис. 28. Трансформация этнического пространства с 1989 по 2010 гг.

Современные границы: *1* — государств, *2* — регионов; степень трансформации этнического пространства (см. табл. 4): *3* — наиболее радикальная, *4* — радикальная, *5* — сильная, *6* — значительная, *7* — небольшая, *8* — минимальная; *9* — особый тип трансформации (радикальная трансформация за счёт оттока разных народов); трансформация с ростом доли русских: *10* — минимальная (с ростом доли русских до 5 процентных пунктов); *11* — небольшая (с ростом доли русских более, чем на 5 процентных пунктов).

В соответствии с ранее описанной методикой, данная оценка учитывает одновременно динамику доли титульных народов республик и русского населения. При этом выделяется

также *особый тип* трансформации, связанный не с оттоком русского населения, а других этнических групп. В эту категорию попали столицы Грузии и Азербайджана, Согдийская область в Таджикистане. Сюда же включены три непризнанные и частично признанные республики (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах), где рост доли титульного народа был связан с оттоком нетитульного населения, вызванным вооружённым межэтническим конфликтом.

В категорию регионов, переживших в постсоветское время *наиболее радикальную* этническую трансформацию, отнесены столицы Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, а также Магистауская область Казахстана и Чуйская область Кыргызстана. В этих городах и регионах в позднесоветское время русское население по численности заметно превосходило представителей титульной национальности (исключение — Душанбе, где был небольшой перевес титульного населения), что предопределяло доминирование в них русского языка и культуры. В 2010 г. доля титульного населения в них уже превышала две трети населения, а доля русских составляла менее четверти жителей (в Душанбе — лишь 2,6 %). Так, всего за два первых постсоветских десятилетия эти города и регионы полностью поменяли свой этнический облик.

Категория городов и регионов, переживших *радикальную* этническую трансформацию, включает: столицу Узбекистана; г. Ош и Иссык-Кульскую область Кыргызстана; Актюбинскую, Жамбылскую, Алматинскую области и г. Алматы в Казахстане; Чеченскую и Ингушскую республики в России. В этих городах и регионах также произошла перестройка этнической структуры населения, где местный компонент стал лидирующим. Например, в г. Алматы доля русских за этот период уменьшилась с 57,4 до 33 %. Регионы, испытавшие *сильную* этническую трансформацию, включают: Харьковскую, Запорожскую, Одесскую области и столицу Украины; значительную часть территории Казахстана (особенно на его северо-востоке); республики Тыва и Саха (Якутия), Чукотский автономный округ в России.

Остальные категории регионов (со *значительной, не-большой* и *минимальной* этнической трансформацией) достаточно многочисленны, и среди них особо нужно выделить группу регионов, которые пережили *минимальную* трансформацию этнической структуры населения в постсоветское время. Сюда попадают территории преимущественно с изначально высокой долей титульного населения (в т. ч. русского в России). За пределами России в эту категорию вошли: большая часть территорий Азербайджана, Эстонии и Литвы (без столиц), западная и центральная части Украины, Молдова, столица Армении, Горный Бадахшан в Таджикистане, несколько областей на востоке Узбекистана.

В России группа регионов с минимальной этнической трансформацией разбита на две подгруппы: 1) с уменьшением доли русских (достаточно большой массив областей в центре европейской части страны, а также Астраханская область, Ставропольский край и несколько республик — Алтай, Адыгея, Татарстан и Марий Эл); 2) с незначительным ростом доли русского населения (большинство «русских» регионов страны). Причём во вторую подгруппу попал единственный регион, находящийся за пределами России, а именно в Эстонии — уезд Ида-Вирумаа, где доля русских с 1989 по 2010 г. выросла с 70 до 71,4 %.

Также в России можно назвать включённые в отдельную группу регионы (*небольшая* трансформация с ростом доли русских), оказавшиеся лидерами по росту доли русского населения в постсоветское время (свыше 5 процентных пунктов). Это Калининградская, Мурманская, Омская, Амурская и Магаданская области, Хабаровский и Приморский края, республики Коми, Карелия и Еврейская автономная область. Два последних субъекта имеют самую низкую долю титульных народов в Российской Федерации — 7,38 % и 0,94 % соответственно (2010 г.).

Выводы. Постсоветское пространство в первые два десятилетия после распада Советского Союза испытало значительное перераспределение населения между своими основными макрорегионами. На фоне сокращения населения в европейских

странах ближнего зарубежья заметно повысили свой удельный вес в численности населения постсоветского пространства государства Центральной Азии и Азербайджан. В этих странах высокий естественный прирост стал значимым фактором роста доли титульного населения, но ведущим фактором данного процесса, как и в пределах всего постсоветского пространства, стал миграционный отток русского населения.

Вторым фактором демографической убыли русского населения стала его ассимиляция, а точнее, «титулизация» в группах биэтнофоров, т. е. лиц с двойственной (русско-титульной) этнической идентичностью, в полной мере развернувшаяся в Республике Беларусь, Украине и Молдове. Третьей по значимости причиной сокращения численности и доли русского населения стала его естественная убыль. С 1989 по 2010 гг. численность русских в странах ближнего зарубежья по нашим оценкам сократилась с 25,3 до 13,8 млн чел., т. е. почти вдвое, а в рамках всего постсоветского пространства — со 145 до 125 млн чел.

С помощью методики, учитывающей одновременно динамику доли титульных народов государств, республик и национальных автономий, а также русского населения, была осуществлена классификация регионов стран постсоветского пространства по степени этнической трансформации в период с 1989 по 2010 гг. В качестве отдельного класса выделены регионы с *особым типом* этнической трансформации, связанным не с оттоком русского населения, а других этнических групп. В этот класс попали столицы Грузии и Азербайджана, Согдийская область в Таджикистане, а также Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах.

В группах регионов с *наиболее радикальной и радикальной* этнической трансформацией оказались, в первую очередь, многие столицы государств ближнего зарубежья, что связано со значительной степенью урбанизированности расселения русских в этих республиках в советское время. Также в пределах ближнего зарубежья в эти две группы попали регионы южной части Казахстана и севера Кыргызстана, которые в советское время характеризовались достаточно высокой долей русского

населения. В России лидерами по этнической трансформации в постсоветский период стали Чеченская и Ингушская республики, где доля титульных народов в 2010 г. достигла 95,3 и 94,1 % соответственно, а доля русских составила менее 2 %.

Сильную этническую трансформацию пережили регионы, где в советское время также была достаточно высокой доля русского населения, но в постсоветский период эта доля стала стремительно сокращаться. В данной класс попали г. Киев, Харьковская, Запорожская и Одесская области Украины, многие области Казахстана (особенно на его северо-востоке), а также Чукотский автономный округ, республики Тыва и Саха (Якутия) в России.

Основная масса регионов стран постсоветского пространства отнесена к группам со *значительной, небольшой и минимальной* этнической трансформацией. Наиболее интересной среди них является группа регионов с минимальной этнической трансформацией. В ближнем зарубежье в эту категорию вошли территории, где в позднесоветское время была высока доля титульного населения. Это южная часть Центральной Азии, западная и центральная Украина, Молдова, Азербайджан, Эстония и Литва (без столиц). Сюда же относится подавляющее большинство регионов России. Но особо можно выделить несколько российских регионов, в постсоветское время значительно увеличивших долю русских. К таковым относятся республики Коми и Карелия, Калининградская, Мурманская, Омская, Амурская и Магаданская области, Еврейская автономная область, Хабаровский и Приморский края.

А. Г. Манаков, Р. Н. Кроток

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ДИНАМИКИ ТИТУЛЬНЫХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С 1939 ПО 2010 ГОДЫ

В числе важнейших черт этнодемографических процессов, происходящих в Российской Федерации в постсоветский период, многие этногеографы отмечают «стягивание» титульных народов в свои национальные субъекты, т. е. рост доли представителей этносов, проживающих в пределах своих национально-территориальных образований. В связи с этим возникает вопрос, насколько долговременным является данный тренд, а точнее, проявлялся ли он в советское время, или же характеризует исключительно постсоветский период.

В работе З. А. Трифионовой⁷⁶ были предложены два показателя, которые предназначены для анализа динамики титульных этносов в национально-территориальных образованиях России. Эти два показателя названы ею коэффициентом этнической однородности и коэффициентом этнической концентрации. На наш взгляд, правильнее эти показатели обозначать не коэффициентами, а индексами, т. к. коэффициентом принято называть множитель при некоей переменной, в то время как индекс — это показатель состояния определённого явления. В остальном можно воспользоваться определениями данных показателей, предложенных З. А. Трифионовой.

Индекс этнической однородности — удельный вес (доля) титульного этноса в населении национально-территориального образования.

Индекс этнической концентрации — удельный вес (доля) проживающего в пределах национально-территориального образования титульного этноса в общей численности данного народа, проживающего в стране.

---

⁷⁶Трифионова З. А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.

В качестве информационной базы данного раздела монографии выступает статистика по итогам Всесоюзных переписей населения, проведённых в 1939, 1959 и 1989 гг.⁷⁷, и Всероссийской переписи населения 2010 г.⁷⁸.

Изученность проблемы и методика исследования. Титульные народы республик Российской Федерации изучаются с разных позиций. Наиболее распространены исследования по изучению языковой ситуации в республиках, в частности, современных проблем и перспектив развития языков (например, в работах⁷⁹). С данными исследованиями тесно сопряжены работы по изучению идентичности коренных народов страны, как в контексте общероссийской идентичности⁸⁰, так и идентичности

---

⁷⁷Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. [Электронный ресурс]: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 27.02.2022).

⁷⁸Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (дата обращения: 27.02.2022).

⁷⁹Гарипов Я. З. Языковая ситуация в республиках России в контексте устойчивого демографического развития полиэтничного населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 190–195; Дугарова Т. Ц., Боргояков С. А., Ермошкина Е. М., Цыбаева Л. А., Ооржак А. А., Дамдинов Б. А. Сохранение и развитие языков народов России: проблемы и перспективы // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3 (137). С. 76–87; Кондрашкина Е. А. Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 2. С. 262–271. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-262-271.

⁸⁰Ерохина Е. А. Проблема цивилизационной идентичности и векторы социокультурной ориентации народов России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. № 2. С. 71–76; Изергина Н. И., Изергина В. П. Участие Республики Мордовия в финно-угорском движении как фактор формирования российской идентичности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 3 (51). С. 288–301.

титულных народов республик, например, в Калмыкии⁸¹, Карелии, Татарстане, Саха (Якутии)⁸², Республике Алтай⁸³ и др.

Вторая большая группа исследований связана с изучением динамики этнодемографических процессов, как в национальных образованиях в целом, например, в отдельных республиках Северного Кавказа⁸⁴, финно-угорских республиках России⁸⁵, так и конкретных народов, например, башкир⁸⁶, татар⁸⁷, при этом осо-

---

⁸¹ *Очирова Н. Г.* Трансформация этнической идентичности в первом десятилетии XXI в. (на материалах Республики Калмыкия) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4 (92). С. 78–85. DOI: 10.23683/2072-0181-2017-92-4-78-85.

⁸² *Парникова Г. М., Андросова Ф. С., Анцупова С. Г.* Сохранение идентичности коренных народов Республики Саха (Якутия) в условиях промышленного освоения Арктики и Крайнего Севера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 82–83; *Прохода В. А., Рязанцев В. В.* Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 111–126.

⁸³ *Говорухина Г. В., Благовская Е. В.* Институты этнической идентификации в Республике Алтай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2 (53). С. 102–110.

⁸⁴ *Белозеров В. С., Полян П. М., Белозерова Л. П.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе // Проблемы региональной экологии. 2008. № 5. С. 8–14; *Белозеров В.* Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2010. № 10. С. 54–73; *Черкасов А. А., Чернова И. В.* Этническая карта Карачаево-Черкесской республики: вторая половина XX — начало XXI века // Наука. Инновации. Технологии. 2018. № 3. С. 165–180. DOI: 10.37495/23084758-2018-3-165-180; *Gracheva R., Kohler T., Meessen H., Stadelbauer J.* Population dynamics, changes in land management, and the future of mountain areas in Northern Caucasus: the example of North Ossetia // Erdkunde. 2012. Vol. 66. No. 3. P. 197–219. DOI: 10.3112/erdkunde.2012.03.02.

⁸⁵ *Логина Н. Н.* Финно-угорские регионы России: проблемы демографической ситуации // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 134–141.

⁸⁶ *Сафин Ф. Г., Абрамова С. Р., Ишемгулов М. Н.* Этнодемография башкир в регионах России (1970–2010) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 397–415. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-397-415.

⁸⁷ *Манаков А. Г., Петрова А. А.* Картографирование расселения и динамики численности татар в советское и постсоветское время // Вестник Псковского

бое внимание уделяется народам, испытывающим наибольшие демографические проблемы⁸⁸.

Заметно меньше исследований, где рассматриваются этно-демографические процессы в региональном разрезе в пределах всей России (например,⁸⁹). Ещё меньше работ в рамках данного направления исследований, проведённых собственно географами. Но именно в этих работах, посвящённых этнодемографическим процессам в стране, в постсоветский период был выявлен такой процесс, как «стягивание» титульных народов республик и других национальных автономий России в свои национально-территориальные образования.

Особо в этом ряду работ нужно выделить исследование З. А. Трифионовой⁹⁰, где рассмотрена динамика титульных народов в национально-территориальных образованиях России по материалам переписей населения с 1926 по 2002 гг. В работе представлены результаты расчётов двух обозначенных выше показателей (уровень этнической концентрации и однородности) по итогам переписей 1926, 1959, 1989 и 2002 гг., а также расчи-

---

государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 41–52.

⁸⁸ *Логина Н. Н., Кильдишова Н. А., Семина И. А., Фоломейкина Л. Н.* Изменения в динамике современных демографических процессов у финно-угорских народов России // *Наука и мир*. 2013. № 4 (4). С. 271–273; *Логина Н. Н., Реброва Т. П.* Динамика численности финно-угорских народов России // *Финно-угорский мир*. 2013. № 3 (16). С. 89–97; *Сафин Ф. Г., Сиразетдинов К. О.* Марийцы Башкортостана в 1970–2010 годы: демографические и лингвистические аспекты этнического развития // *Научный диалог*. 2020. № 6. С. 434–452. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-434-452.

⁸⁹ *Рыбаковский Л. Л.* Депопуляция и её этнические аспекты в России // *Социологические исследования*. 2015. № 4 (372). С. 18–28; *Belozarov V. S., Cherkasov A. A.* Regional features of shaping the ethnic structure in the Russian population // *Наука. Инновации. Технологии*. 2017. № 3. С. 97–108; *Belozarov V., Polian P.* De-Russifizierung: Aktuelle Ethnodemographische Prozesse in Nordkaukasien // *Geographische Rundschau*. 2006. Vol. 58. No. 3. P. 18; *Ефремов И.* Кто нарушил этническое равновесие в России? // *Демографическое обозрение*. 2016. Т. 3. № 1. С. 94–113.

⁹⁰ *Трифионова З. А.* Расселение этнических групп в России (1926–2002) // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2008. № 2. С. 62–67.

тан прирост численности титульных народов национально-территориальных образований, проживающих в России, по двум основным периодам (с 1959 по 1989 гг. и с 1959 по 2002 гг.). Кроме того, на 1959, 1989 и 2002 гг. представлено распределение этносов по уровню этнической концентрации и однородности. Однако в данной работе не рассмотрена собственно динамика двух основных показателей в выделенных временных интервалах, для чего можно воспользоваться картографическим методом исследования.

Наше исследование опирается на методику, разработанную в исторической географии и носящую название «метод временных срезов». Интервал с 1939 по 2010 гг. был разбит на три периода, характеризующих наиболее значительные этапы развития Советского Союза (с 1939 до 1959 гг. и с 1959 по 1989 гг.), а также постсоветский период (между переписями населения 1989 и 2010 гг.). Выбор 1939 г. в качестве начального года исследования связан с использованием для этногеографического анализа картографического метода, применение которого требует совпадения границ национально-территориальных образований в выделенных интервалах. Между переписями населения 1926 и 1939 гг. произошли значительные изменения границ национально-территориальных образований РСФСР, что не позволило сделать 1926 г. начальным годом картографического анализа.

В качестве объектов анализа выступают титульные народы республик Российской Федерации на момент проведения переписи 2010 г. (т. е. без современной Республики Крым). Соответственно, в советское время это были титульные народы АССР и автономных областей (последние тогда входили в состав краёв). Исключение составила Еврейская автономная область, которая после распада СССР, в отличие от всех других автономных областей, не изменила свой статус на республиканский. Таким образом, в исследовании задействована 21 республика Российской Федерации, но количество титульных народов в них значительно больше. Так, в республиках Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария представлено по два титульных

народа, а в Дагестане в материалах переписей обозначено 10 народов, которые названы «народами Дагестана» (в исследовании рассчитывалась их суммарная численность).

Индексы этнической однородности и концентрации по итогам переписи населения 2010 г. и факторы, оказывающие влияние на динамику этих показателей. На рисунке 29 отражена доля титульных народов в населении своих республик (индекс этнической однородности) по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. Наименьшей величиной этого показателя характеризуется Республика Карелия (7,4 %), второе место занимает Республика Хакасия (12,2 %), которая в советское время имела статус автономной области в составе Красноярского края.

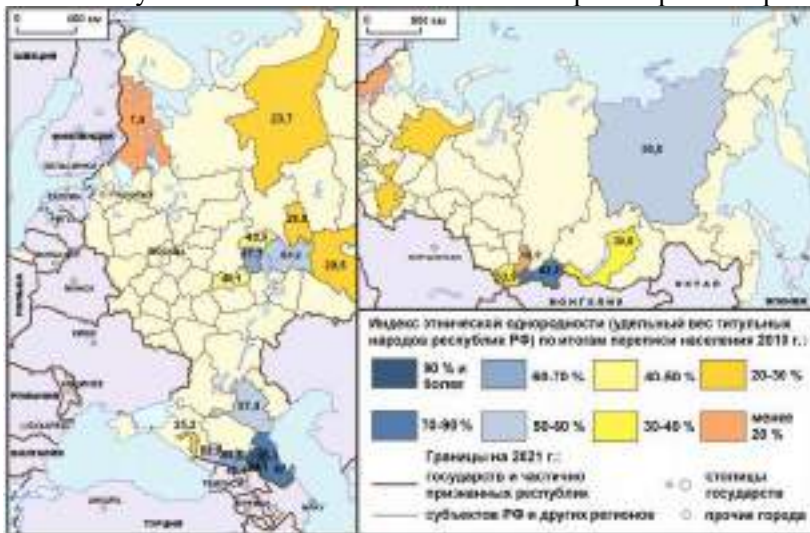

Рис. 29. Доля титульных народов республик Российской Федерации по итогам переписи населения 2010 г.

В целом же можно отметить, что относительно более низкой долей титульного населения характеризуются финно-угорские республики (кроме Карелии, это Коми, Удмуртия, Мордовия и Марий Эл). Общей историко-культурной особенностью финно-угорских народов, проживающих в европейской части

России, является их ранее взаимодействие с восточно-славянским (в дальнейшем русским) населением, принятие православной религии, что в последующем ускорило ассимиляционные процессы. Ещё один фактор ассимиляции этих народов с начала XX в., а именно, рост их урбанизированности, будет рассмотрен ниже.

Наиболее высока доля титульных народов в республиках Северного Кавказа, особенно в Чечне (95,3 %) и Ингушетии (94,1 %). В других северокавказских республиках данный показатель превышает 50 %, исключение составляет Республика Адыгея (25,2 %), в советское время имевшая статус автономной области в составе Краснодарского края. Данный показатель заметно вырос в последние десятилетия благодаря большому естественному приросту народов Северного Кавказа. Также относительно высокой является доля титульного населения в двух тюркских республиках Поволжья (Чувашии и Татарстане) и ещё в двух тюркских республиках Сибири (Тыва и Саха-Якутия).

В целом же можно обозначить следующие основные этнодемографические процессы, способствующие *росту доли титульных народов* в населении республик:

- высокий естественный прирост титульного народа (более высокий, чем других этнических групп, проживающих в республике);

- миграционный баланс в республике в пользу титульного населения («стягивание» титульного народа в свою республику);

Соответственно, процессами, ведущими к *уменьшению доли титульных народов* республик, являются:

- низкий естественный прирост титульного народа (ниже, чем у других этнических групп, проживающих в республике);

- миграционный баланс в республике в пользу нетитульного населения.

На рисунке 30 показана доля титульного населения республик, проживающего в своих национально-территориальных образованиях, от всей численности этих народов в Российской Федерации (индекс этнической концентрации).

Рис. 30. Индекс этнической концентрации титульных народов республик Российской Федерации по итогам переписи населения 2010 г.

В качестве лидеров по уровню концентрации в своих республиках выступают якуты (саха), кабардинцы и балкарцы (свыше 95 %), а также тувинцы и алтайцы (свыше 90 %). В целом же нужно отметить, что большинство титульных народов республик России имеет высокий уровень концентрации в своих национально-территориальных образованиях. Самые низкие показатели концентрации характеризуют титульные народы республик Поволжья, особенно татар и мордвы (менее 50 %), а также чувашей и марийцев (менее 60 %). Именно эти народы долгое время широко расселялись по региону России или же изначально были рассосредоточены по территории страны (например, татары)⁹¹.

⁹¹Манаков А. Г., Петрова А. А. Картографирование расселения и динамики численности татар в советское и постсоветское время // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 41–52.

Также относительно низка концентрация в своей республике представителей бурятского этноса (62,2 %), что связано с проживанием достаточно больших групп этого народа в соседних регионах (Иркутской области и Забайкальском крае), в недавнем прошлом имевших в своих пределах бурятские автономные округа (Усть-Ордынский и Агинский, соответственно). При этом, на фоне низкой доли в населении республик, можно считать сравнительно высоким уровень концентрации в своих республиках таких финно-угорских народов, как коми (88,7 %), карелы и удмурты (74–75 %). Причина этого будет объяснена ниже, когда будут представлены результаты анализа динамики данного показателя в разные временные интервалы.

Можно обозначить следующие основные этнодемографические процессы, способствующие *росту концентрации титульных народов* в своих республиках:

- миграционное стягивание титульных народов в свои республики;
- ускоренная ассимиляция представителей этноса в других регионах страны.

Чаще всего процессом, ведущим к *уменьшению концентрации титульных народов* в своих республиках, являются рассредоточение представителей народа по территории страны (миграционный отток из своей республики в другие регионы).

Фактор естественного прироста в данном случае является вторичным, и в дальнейшем будут приведены примеры, когда в республике растёт концентрация титульного народа, хотя его численность в стране стремительно сокращается. Что же касается ассимиляционных процессов, то можно предположить, что они идут быстрее в случае высокого уровня урбанизированности конкретного народа.

На рисунке 31 представлено изменение доли горожан в общей численности титульных народов республик России с 1959 по 2010 гг. Городские поселения, особенно в русских регионах страны, выступают в качестве «плавильных котлов», где ускоренными темпами происходит ассимиляция нетитульного населения. Хотя едва ли можно говорить о прямой зависимо-

сти между уровнем урбанизированности народов и скоростью их ассимиляции.

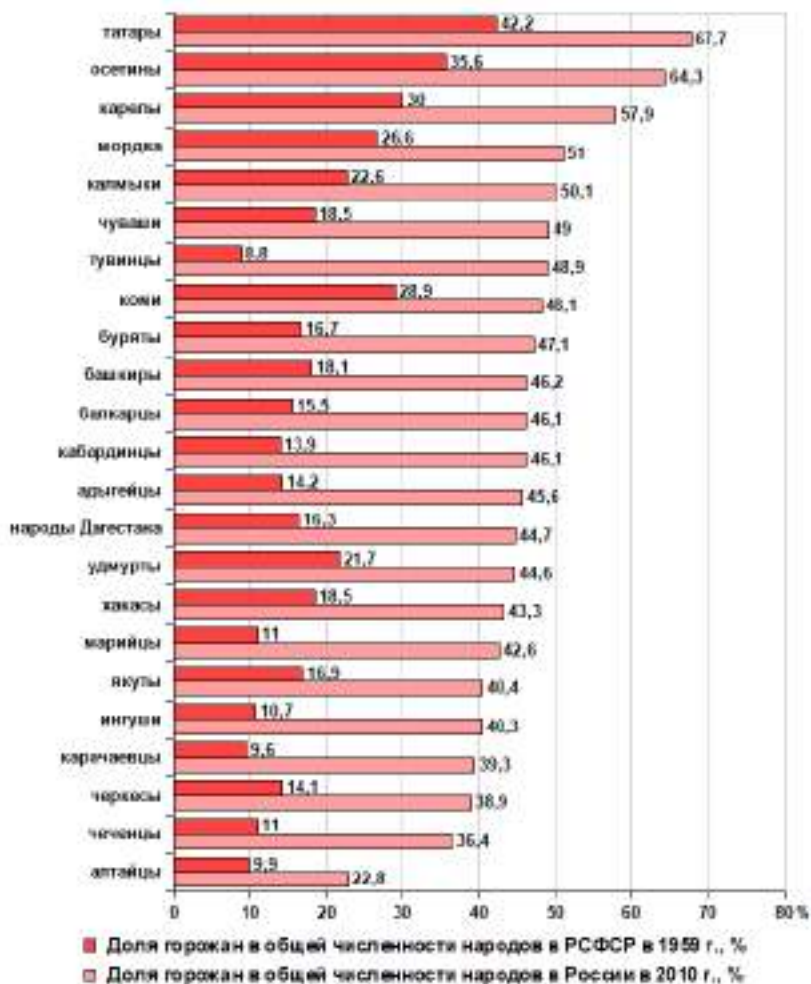

Рис. 31. Доля городского населения в общей численности титульных народов республик Российской Федерации по итогам переписей 1959 и 2010 гг.

Как мы видим на диаграмме, наиболее урбанизированными с середины XX в. являются два народа — татары и осетины, что связано с особенностями их расселения в России, но напрямую не отражается на скорости их ассимиляции. С другой стороны, некоторые финно-угорские народы (карелы, мордва и коми), которые также имеют высокий уровень урбанизированности, характеризуются ускоренными темпами ассимиляции. И в целом можно говорить, что связь между урбанизированностью народов и скоростью их ассимиляции всё же существует. Дело в том, что в большинстве своём те граждане России, которые идентифицировали себя как представители рассматриваемых народов, являются сельскими жителями, в то время как в 2010 г. уровень урбанизации в стране в целом составлял 73,7 %.

Динамика показателей этнической однородности и концентрации между переписями населения 1939 и 1959 гг. Прежде, чем рассмотреть динамику двух ключевых показателей в данный временной интервал, нами будет рассмотрен один из важнейших факторов — динамика численности самих народов в пределах России, что является отражением их естественного движения и миграционных процессов. На рисунке 32 представлен прирост с 1939 по 1959 гг. численности рассматриваемых в исследовании народов, проживающих в границах России.

Наибольшие потери в численности за этот период понесли народы, депортированные в годы Великой Отечественной войны, которые из своих республик были выселены в Казахстан и Среднюю Азию, т. е. за пределы собственно России. Хотя к 1959 г. большинство этих народов было возвращено на свою историческую родину, всё же численность их в России была заметно подорвана. В первую очередь, это относится к ингушам и чеченцам. Чуть меньший демографический удар депортация нанесла по калмыкам и балкарцам, ещё меньший — по карачаевцам. Но в категорию народов с уменьшающейся численностью попали также некоторые финно-угорские народы — карелы, коми и мордва. При этом крайне низкий прирост численности имели ещё два финно-угорских народа — удмурты и марийцы, и два тюркских народа Поволжья — татары и чуваша. Более значи-

тельный прирост численности характеризовал остальные народы Северного Кавказа, а также башкир и бурят.

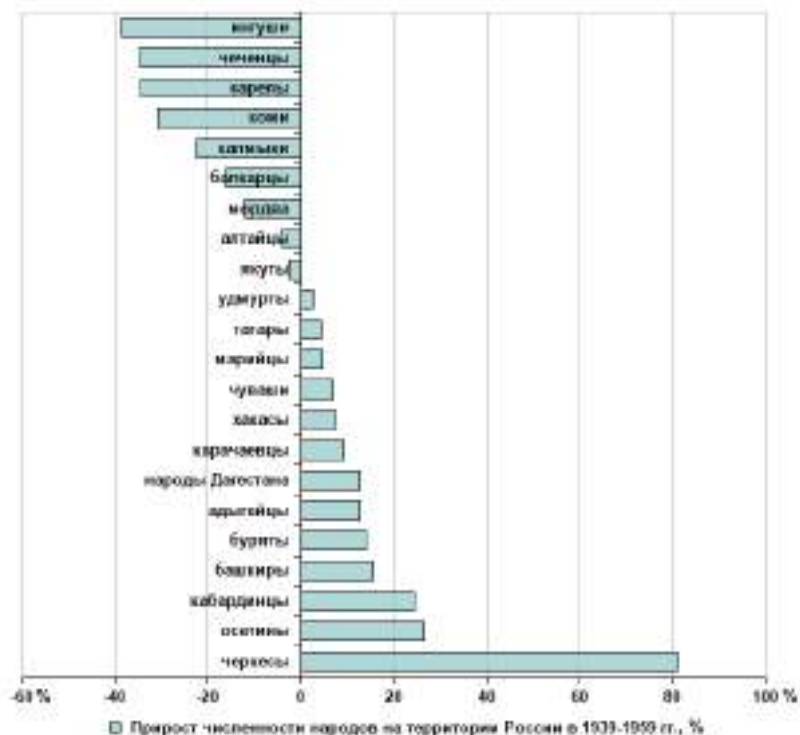

Рис. 32. Динамика численности титульных народов национально-территориальных образований (ныне республик) на территории России между переписями населения 1939 и 1959 гг.

На рисунке 33 отображена динамика доли титульных народов во всём населении национально-территориальных образований с 1939 по 1959 гг. В подавляющем большинстве рассматриваемых национально-территориальных образований произошло уменьшение доли титульных народов. Исключение составили только Адыгейская АО в Краснодарском крае, Мордовская и Башкирская АССР, где произошёл небольшой рост данного

показателя. Также можно отметить ещё одну автономную область и три республики, где падение данного показателя было небольшим. Это Бурятская, Татарская, Кабардино-Балкарская АССР и Горно-Алтайская АО в Алтайском крае. Таким образом, в качестве общего тренда изменения данного показателя в период между переписями 1939 и 1959 гг. (включающего годы Великой Отечественной войны с депортацией целого ряда народов и последующим возвращением большинства из них) можно считать уменьшение доли титульных народов в своих национально-территориальных образованиях. Кроме депортации и низкого естественного прироста этих народов в качестве важного фактора уменьшения данного показателя выступала также активная миграция в эти национально-территориальные образования русского населения и представителей других народов СССР.

Рис. 33. Динамика индекса этнической однородности (доли титульных народов в своих национально-территориальных образованиях) между переписями населения 1939 и 1959 гг.

На рисунке 34 отображена динамика с 1939 по 1959 гг. второго исследуемого показателя — индекса этнической кон-

центрации. В более чем половине случаев произошло уменьшение данного показателя, т. е. уменьшилась концентрация большинства титульных народов в своих национальных автономиях. Наибольшее падение концентрации в своих национально-территориальных образованиях испытали калмыки (на 18 процентных пунктов), в меньшей степени — башкиры, чувашы, народы Дагестана, карачаевцы и черкесы.

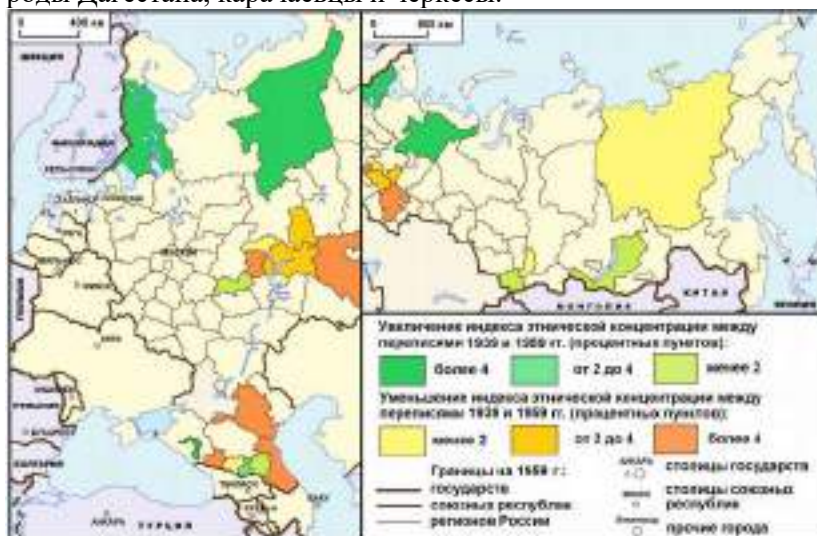

Рис. 34. Динамика индекса этнической концентрации титульных народов национально-территориальных образований между переписями населения 1939 и 1959 гг.

Вместе с большинством народов Северного Кавказа значительное уменьшение концентрации в своих республиках испытали почти все народы Поволжья (кроме мордвы) и Предуралья. Это было связано со значительным миграционным передвижением народов из своих республик по всей территории России. Что же касается мордвы, то этот народ при проведении переписей населения 1939 и 1959 гг. оставался самым рассосредоточенным народом России (с индексом концентрации 29–30 %). Поэтому небольшой рост его концентрации в своей республике

свидетельствует, скорее, о начале ускорения ассимиляции мордвы в других регионах страны.

Наиболее значительным ростом концентрации в своих республиках характеризовались коми (на 29,5 процентных пунктов) и карелы (на 8,6 процентных пунктов). Очевидно, что главным фактором роста концентрации здесь стали не демографические, а этнические процессы, или точнее, ускорившаяся ассимиляция коми и карел за пределами своих республик. Титульные народы республик и автономных округов Сибири испытали минимальное изменение индекса концентрации, вне зависимости от знака (положительного или отрицательного).

Динамика показателей этнической однородности и концентрации между переписями населения 1959 и 1989 гг. На рисунке 35 представлен прирост с 1959 по 1989 гг. численности титульных народов современных республик России, проживающих в её пределах. Это был достаточно благополучный с демографической точки зрения период истории страны, и большинство народов заметно увеличило свою численность. Исключение составили два финно-угорских народа — карелы и мордва. В обоих случаях важнейшим фактором отрицательного прироста численности народов стала их ускоренная ассимиляция за пределами своих республик. Минимальный прирост численности характеризовал и другие финно-угорские народы — удмуртов, коми, марийцев. Также небольшим был прирост численности тюркских народов Поволжья и Предуралья — чувашей, татар и башкир.

Лидерами по росту численности в этот период стали народы Северного Кавказа — ингуши, чеченцы, балкарцы, дагестанские народы, карачаевцы и кабардинцы. Причиной этого стал высокий естественный прирост народов Северного Кавказа, который в ещё большей степени проявил себя в постсоветский период. В азиатской части России лидерство по приросту численности перешло от бурят к тувинцам, которые не учитывались в динамике с 1939 по 1959 гг., т. к. их республика вошла в состав СССР только в 1944 г.

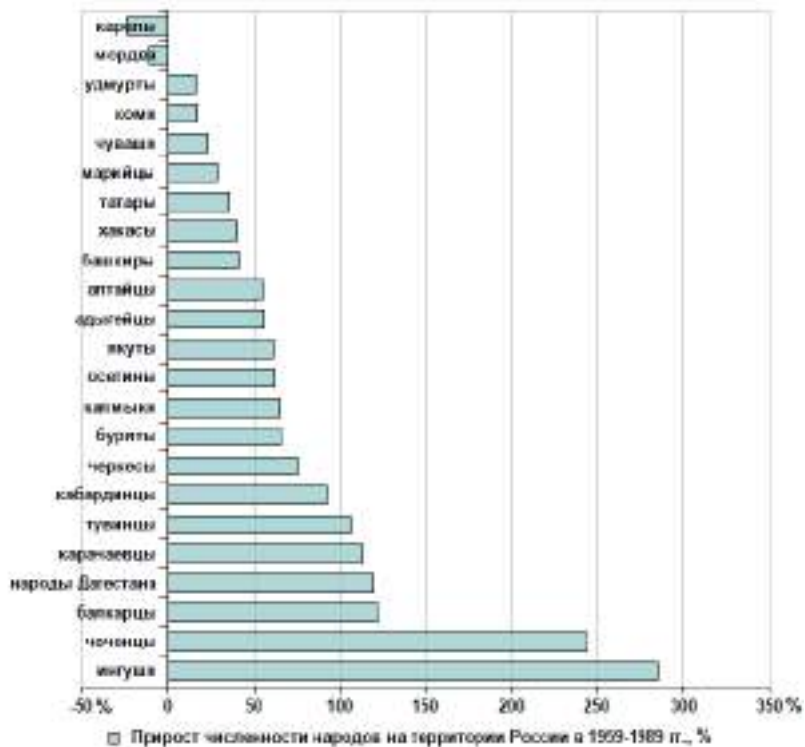

Рис. 35. Динамика численности титульных народов национально-территориальных образований (ныне республик) на территории России между переписями населения 1959 и 1989 гг.

По динамике доли титульного населения в этот период национально-территориальные образования разделились почти поровну, но небольшой перевес (12 из 20) был за республиками и автономными областями, где выросла доля титульных народов (рис. 36). В эту группу вошли все национально-территориальные образования Северного Кавказа, частично Южной Сибири (Тувинская и Бурятская АССР, Горно-Алтайская АО) и только две республики Поволжья (Татарская и Марийская АССР). Очевидно, что решающим в этой группе стал демографический фак-

тор, а именно высокий естественный прирост населения титульных народов.

Рис. 36. Динамика индекса этнической однородности (доли титульных народов в своих национально-территориальных образованиях) между переписями населения 1959 и 1989 гг.

Наибольшее падение доли титульного народа испытали три республики — Якутская, Коми и Удмуртская АССР. Также уменьшилась доля титульного населения в Карелии, трёх республиках Поволжья и Предуралья (Мордовской, Чувашской и Башкирской АССР), а также в Хакасской АО Красноярского края. В данной группе национально-территориальных образований на сокращение численности и доли титульного населения работала вся совокупность факторов, включая высокую естественную убыль, миграционный отток и ассимиляционные процессы. Но решающим стал миграционный приток в эти национально-территориальные образования, в большинстве своём обладающие богатыми сырьевыми ресурсами, населения из других регионов страны (русских, украинцев, белорусов и др.).

Также в этот период обозначилось разделение национально-территориальных образований на две неравные группы по динамике уровня концентрации титульных народов — более многочисленной (14 из 20) была группа с уменьшающейся концентрацией титульного населения (рис. 37).

Рис. 37. Динамика индекса этнической концентрации титульных народов национально-территориальных образований между переписями населения 1959 и 1989 гг.

В эту группу вошли народы Северного Кавказа, за исключением калмыков, а также все народы Поволжья и Предуралья, хакасы и тувинцы в Сибири. Период 60–80-х гг. в Советском Союзе характеризовался массовыми перемещениями населения внутри страны, связанными с реализацией грандиозных проектов в экономике, включающих строительство новых промышленных объектов, аграрное и транспортно-ресурсное освоение новых территорий. В этом миграционных потоках участвовали разные народы страны, что, в частности, вело к уменьшению их концентрации в своих национальных автономиях.

Но шесть народов (карелы, коми, калмыки, алтайцы, тувинцы, буряты и якуты) повысили уровень концентрации в своих национально-территориальных образованиях. Ведущим фактором в росте концентрации этих народов стала ускоренная ассимиляция представителей этих народов в других регионах страны. Наиболее активно этот процесс протекал среди карелов (растворение «Тверской Карелии») и бурятов (в двух автономных округах за пределами Бурятской АССР).

Динамика показателей этнической однородности и концентрации между переписями населения 1989 и 2010 гг. В постсоветский период обозначилось более контрастное разделение титульных народов республик России по своей демографической динамике (рис. 38). В период между переписями 1989 и 2010 гг. восемь народов уменьшило свою численность. В большинстве это были финно-угорские народы — карелы, коми, мордва, удмурты и марийцы. Эту группу пополнили три тюркских этноса — чувашаи, хакасы и татары.

Большинство титульных народов республик России заметно увеличило свою численность, лидерами в этой группе стали ингуши, чеченцы и народы Дагестана. Наиболее значительный рост численности характеризовал народы Северного Кавказа, несколько меньший — титульные народы республик Сибири. Среди народов Поволжья и Предуралья только башкиры увеличили свою численность. Демографический фактор стал ведущим в динамике двух исследуемых в данной работе показателей.

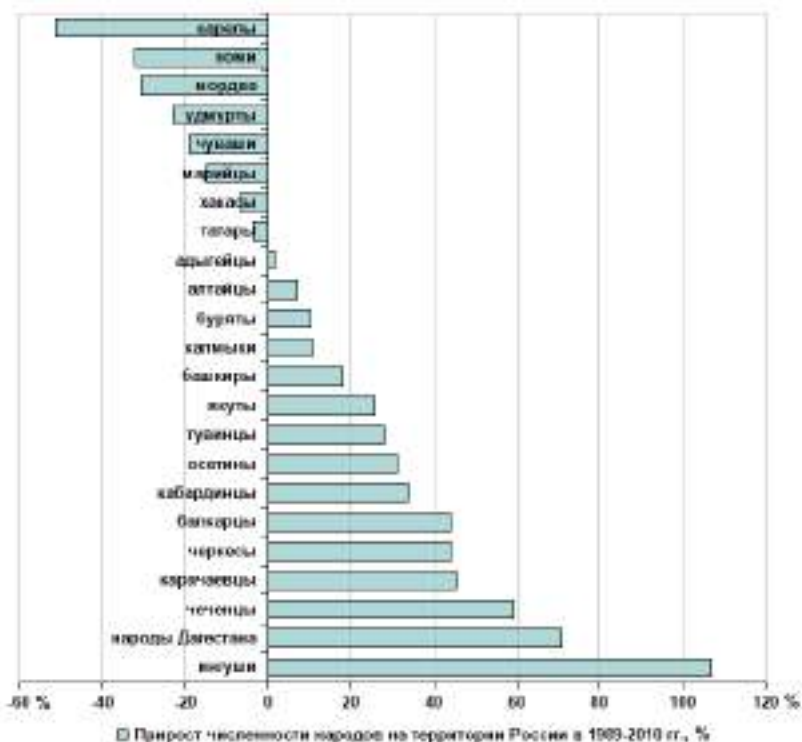

Рис. 38. Динамика численности титульных народов национально-территориальных образований (ныне республик) на территории России между переписями населения 1989 и 2010 гг.

В подавляющем большинстве республик России в постсоветский период выросла доля титульного населения (рис. 39). Лидерами по росту данного показателя стали Чеченская и Ингушская республики (рост показателя на 26 процентных пунктов), а также Тыва и Саха (Якутия), где индекс этнической однородности вырос более чем на 16 процентных пунктов. Лишь в трёх республиках России (Карелии, Удмуртии и Чувашии) продолжалось уменьшение доли титульного населения.

Рис. 39. Динамика индекса этнической однородности (доли титульных народов в своих национально-территориальных образованиях) между переписями населения 1989 и 2010 гг.

С учётом того, что количество титульных народов республик, испытавших уменьшение численности, было больше, чем число обозначенных республик, можно заранее сделать вывод, что начался процесс «стягивания» народов в свои республики (т. е. возвратной миграции в них). Данный вывод в полной мере подтверждается при рассмотрении динамики индекса этнической концентрации в период между 1989 и 2010 гг. (рис. 40).

Уменьшение индекса концентрации в постсоветский период характеризовало только один титульный народ в стране — тувинцев. Все остальные титульные народы республик России повысили свой уровень концентрации в своих национально-территориальных образованиях. Но важно отметить, что лидерами в этом процессе стали мордва и карелы (рост показателя более чем на 11 процентных пунктов) благодаря ускорению ассимиляции этих народов за пределами своих республик. Эти два народа (вместе с татарами) можно отнести к традиционно наиболее

рассосредоточенным народам России, но именно в постсоветский период ассимиляция их за пределами своих республик достигла максимальных темпов, и индекс их этнической концентрации подтянулся до уровня других титульных народов республик страны. Рассосредоточенностью этих народов по территории страны объясняется и тот факт, что карелы и мордва входят в группу наиболее урбанизированных народов, имеющих свои республики в России (занимающие 3-е и 4-е места после татар и осетин, см. рис. 31).

Рис. 40. Динамика индекса этнической концентрации титульных народов национально-территориальных образований между переписями населения 1959 и 1989 гг.

Также на рисунке 40 можно увидеть, что в наибольшей степени рост индекса этнической концентрации характеризует народы Поволжья и Предуралья, в полной мере испытавших миграционное стягивание титульных народов в свои республики. А вот народы Северного Кавказа, хотя и входят в категорию с ростом данного показателя, но не по причине миграционного «стягивания» в свои республики или ассимиляционных процес-

сов, а вследствие взрывного демографического роста, ставшего основной для увеличения сразу двух исследуемых показателей — доли титульного населения и концентрации титульных народов в своих республиках. При этом демографический рост был настолько значителен, что даже заметный миграционный отток из этих республик в другие регионы России, имеющий экономическую подоплёку, не привёл к снижению двух анализируемых показателей.

Выводы. В период между переписями населения 1939 и 1959 гг. в подавляющем большинстве национально-территориальных образований, ныне являющихся республиками России, сократился удельный вес титульных народов и, вместе с тем, уменьшалась их концентрация в своих национально-территориальных образованиях. Для этого периода были характерны значительные перемещения населения в пределах страны, связанные с эвакуацией в годы Великой Отечественной войны, депортацией целого ряда народов, индустриализацией, освоением новых территорий, что и стало главным фактором динамики двух исследуемых показателей. Так что обозначенный общий тренд в изменении этих показателей был обязан в первую очередь миграционному оттоку титульного населения из своих национально-территориальных образований. Из общего тренда выбивались две АССР — Карельская и Коми, где происходил рост концентрации титульного населения в своих республиках, связанный с ускоренной ассимиляцией карелов и коми за пределами своих республик. При этом оба народа испытывали быстрое уменьшение численности как в целом в стране, так и в самих республиках.

В период между переписями населения 1959 и 1989 гг. тренд, проявивший себя в предыдущем периоде, уже не являлся общим для большинства титульных народов национально-территориальных образований. Обозначился рост доли титульного населения национально-территориальных образований Северного Кавказа и Южной Сибири. Расширился список народов, испытывающих рост концентрации в своих национально-территориальных образованиях. То есть в целом можно обозначить этот

период как переломный в этнодемографических процессах в России, когда обозначились ростки нового тренда, в полной мере проявившего себя в постсоветский период.

Между переписями 1989 и 2010 гг. (в постсоветский период) в подавляющем большинстве республик России увеличивалась доля титульного населения, и, вместе с тем, росла концентрация этих народов в своих республиках. Лишь в трёх республиках (Карелия, Удмуртия и Чувашия) продолжалось падение доли титульного населения. Данный постсоветский тренд стал результатом не только миграционного «стягивания» титульных народов в свои республики, но и ассимиляции представителей этих народов в русских регионах страны. При этом происходящий на Северном Кавказе демографический рост вёл к увеличению доли титульного населения и уровня концентрации в своих республиках без миграционного «стягивания» этих народов, и даже наоборот, эти процессы происходили при миграционном оттоке данных народов в другие регионы страны.

Таким образом, происходящие в постсоветское время этнодемографические процессы в России нельзя сводить только к миграционному «стягиванию» титульных народов в свои республики. К этому необходимо добавлять и ассимиляционные процессы, происходящие в русских регионах страны, и демографический рост в республиках Северного Кавказа, ведущий к увеличению доли и уровня концентрации титульного населения в своих республиках без миграционного «стягивания».

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ⁹²

А. Г. Манаков

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РОДНОЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Русское языковое пространство, под которым чаще всего понимается основной географический ареал распространения русского языка, является весьма многогранным объектом исследования, изучаемым с позиции разных наук. Этносоциологи обычно обращают внимание на множественность показателей, характеризующих распространённость русского языка. Это, например, доля населения, свободно владеющего русским языком, или же оценка степени использования русского языка в различных сферах жизни. Но даже в характеристике владения русским языком выделяется несколько ступеней. Уровень владения русским языком обычно определяется с помощью социологических опросов, и намного реже — переписей населения. Нужно отметить, что на постсоветском пространстве почти сразу после распада СССР стал проводиться мониторинг, включающий отслеживание динамики доли населения молодых государств, в той или иной степени владеющих русским языком. В частности, можно привести примеры таких исследований, как «Положение

---

⁹²Раздел подготовлен на основе публикаций: *Манаков А. Г.* Владение русским языком титульными народами республик России и стран ближнего зарубежья // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 72–91. DOI: 10.37490/S221979310015994-6; *Манаков А. Г.* Русский язык как родной на постсоветском пространстве в сравнении с итогами переписи 1989 г. // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2 (46). С. 79–98. DOI: 10.37490/S221979310013894-6; *Манаков А. Г., Хохрин А. Г.* Владение русским языком в странах постсоветского пространства: динамика с 1989 по 2010 гг. // Известия Русского географического общества. 2021. Том 153. № 2. С. 3–17. DOI: 10.31857/S086960712102004X.

русского языка в новых независимых государствах (страны СНГ и Балтии)» (2007 г.)⁹³, «Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости» (2009 г.)⁹⁴, «Динамика распространённости русского языка в бытовом общении населения стран Северной Евразии» (2018)⁹⁵ и др., большинство которых проведено в рамках регулярного проекта «Евразийский монитор».

Данные исследования дают возможность оценить текущую ситуацию по использованию русского языка, они же включают и анализ динамики показателей за определённые временные интервалы, позволяющий делать прогнозы. Но авторы докладов по итогам реализации этих проектов подчёркивают, что все параметры распространённости русского языка, используемые и описываемые в отчётах, всё-таки имеют субъективную природу. Статистически более надёжным показателем, фиксируемым при проведении переписей населения, является доля населения, считающего русский язык родным. Хотя данный показатель не может характеризовать русское языковое пространство в целом, но он позволяет количественно оценить динамику за постсоветский период базового компонента в вертикальной структуре языкового пространства, соответствующего удельному весу русскоязычного населения в новых независимых государствах.

---

⁹³ Русскоязычие распространено не только там, где живут русские. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema03.php#_FNR_4 (дата обращения 17.01.2021).

⁹⁴ Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости. Аналитический отчёт по результатам вторичного анализа данных. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf> (дата обращения 17.01.2021).

⁹⁵ Задорин И. В., Подобед И. В. Динамика распространённости русского языка в бытовом общении населения стран Северной Евразии (по данным многолетних опросов в рамках проекта «Евразийский монитор»), 2018. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3ee/dinamika-rasprostranennosti-russkogo-yazyka-v-bytovom-obshchenii.pdf> (дата обращения 20.01.2021).

В качестве информационной базы анализа выступает представленная на сайте demoscope.ru⁹⁶ статистика по национальному составу и родному языку населения советских республик по итогам последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийской переписи населения 2010 г.⁹⁷, а также статистика по национальному составу и родному языку населения других стран постсоветского пространства по итогам переписей населения, состоявшихся в первом и начале второго десятилетия XXI в., представленная на сайте [Population statistics of Eastern Europe & former USSR](http://www.population-statistics.org)⁹⁸, официальных статистических сайтах государств⁹⁹, в сборниках и аналитических отчётах¹⁰⁰.

⁹⁶ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php; Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php (дата обращения 21.07.2022).

⁹⁷ Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. С. 240–305.

⁹⁸ Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 21.07.2022).

⁹⁹ Eesti Statistika. [Электронный ресурс]: URL: <https://andmed.stat.ee/et/stat>; Центральное статистическое бюро Латвии. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population>; Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Итоги переписи населения 2009. [Электронный ресурс]: URL: https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-byulleteni/index_540/; Национальное бюро статистики Республики Молдова. [Электронный ресурс]: URL: <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234>.

¹⁰⁰ Русский язык как родной в Литве, 2011. [Электронный ресурс]: URL: <https://schelkunov.livejournal.com/29016.html>; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. [Электронный ресурс]: URL: <https://yvision.kz/post/89105>; Итоги переписи населения Республики Кыргызстан 2009 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.stat.kg/media/files/9cd9d7ee-78f0-413e-885d-80f914049ebf.pdf> (дата обращения 10.12.2020) (дата обращения 10.12.2020).

В исследование была включена статистика по русскому языку как родному по итогам переписей населения раунда 2009–2014 гг. по следующим восьми государствам постсоветского пространства: Российской Федерации (2010 г.), Республике Беларусь (2009 г.), Эстонии (2011 г.), Литве (2011 г.), Латвии (2011 г.), Казахстану (2009 г.), Кыргызстану (2009 г.), Молдове (2014 г., в Приднестровской Молдавской республике перепись была в 2015 г.). В остальных республиках удельный вес русского населения ныне является крайне низким, и он мало отличается от доли населения, называющего родным русский язык.

Степень изученности проблемы. К настоящему времени накопился значительный массив работ, посвящённых проблематике русского языкового пространства в постсоветский период. Многочисленные публикации освещают вопросы функционирования русского языка в отдельных государствах ближнего зарубежья или же группах постсоветских стран. В качестве примера можно привести работы, где данные вопросы рассматриваются в странах Балтии¹⁰¹, Республике Беларусь¹⁰², на территории Украи-

---

¹⁰¹ *Манаев А. С.* Русский язык и законодательство стран Балтии // Научно-аналитический журнал *Обозреватель — Observer*. 2012. № 9 (272). С. 52–60; *Sokolova E. O.* The position of the Russian-speaking population and the status of Russian language in Baltic States // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 415–419.

¹⁰² *Бувей А. Л., Буховец О. Г.* Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь // *Современная Европа*. 2018. № 3 (82). С. 71–82. DOI: 10.15211/soveurope320187182; *Старичёнок В. Д.* Русский язык в Беларуси: состояние, перспективы // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2012. № 2. С. 76–80.

ны¹⁰³, в Молдове¹⁰⁴, государствах Закавказья¹⁰⁵, отдельных странах Центральной Азии¹⁰⁶ или в пределах всего Центрально-Азиатского макрорегиона¹⁰⁷. Кроме того, обращается внимание на роль русского языка в формировании общероссийской идентичности¹⁰⁸.

Также имеется значительный пласт публикаций, посвящённых разным аспектам развития и функционирования русского языка в пределах всего постсоветского пространства. Так,

¹⁰³*Раина О. В., Хмелевский М. С.* Языковая ситуация в современной Украине: официальная политика и действительность // Актуальные проблемы современной науки. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-методической конференции. Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр» 2019. С. 245–251; *Митрофанова И. В., Суций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050; *Khmelevskij M. S., Raina O. V.* The Russian language in modern Central and Eastern Ukraine // Этнопедагогические ориентиры в поликультурной образовательной среде как основа формирования этнической толерантности. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 27–28 сентября 2019 г. / Отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Димитриева. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 47–52.

¹⁰⁴*Грачев М. А., Рябой Е. С.* Изменения статуса русского языка в Республике Молдова: внутренние наблюдения и со стороны // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Т. 16. № 2 (48). С. 55–63; *Краснов Л. Н.* Трансформация политико-правового статуса русского языка в Республике Молдова в контексте приднестровского конфликта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 1 (19). С. 40–45.

¹⁰⁵*Бальбеков Р. Ю., Чурилов Э. В.* Функционирование русского языка в странах бывшего СССР (на примере республик Закавказья) // Мир в языке и культуре. Доклады XXVIII Осенней школы и XXVIII Международной научной конференции. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры», 2017. С. 124–133.

¹⁰⁶*Мукаш уулу Т.* Интеграция русского языка в Кыргызстане // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2019. № 1 (38). С. 70–72; *Тагаев М. Д.* Билингвальное языковое сознание и типы языковых личностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–4 (64). С. 224–228; *Цыряпкина Ю. Н.* Русскоязычное население Ташкентской области в условиях «национализирующегося государства» (на примере города Ангрена) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 98–103. DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-20; *Zakirov A., Tashemirov I.* Sociolinguistic processes

значительное место отводится рассмотрению роли русского языка в формировании единого информационного пространства СНГ¹⁰⁹, межкультурному диалогу на постсоветском пространстве¹¹⁰. Имеются работы общего плана, где акцентируется внимание на сужении русскоязычного пространства в постсоветское время¹¹¹. Данная проблема иногда затрагивается в процессе изучения миграционной активности русскоязычного насе-

---

in modern Kyrgyzstan: monitoring and dynamics of development of languages after gaining independence // *Alatoo Academic Studies*. 2020. № 2 (2). С. 124–132. DOI: 10.17015/aas.2020.202.14; *Khokhrin A. G., Fedorko V. N.* The dynamics of the number of Russian-speaking title population in the states of Central Asia in the post-Soviet period // *Pskov Journal of Regional Studies*. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 3–20. DOI: 10.37490/S221979310018640-7.

¹⁰⁷*Евдокимов А. Н., Давыдова Т. А., Савкин Д. А.* Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Т. 7. № 3. С. 373–388. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388; *Молодов О. Б.* Формирование нового этнолингвистического пространства стран Центральной Азии // *Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика*. Материалы международной научной конференции посвящённой 20-летию Бурятского государственного университета / Науч. ред. В. В. Башкеева, М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2015. С. 47–50. DOI: 10.18101/978-5-9793-0814-2-47-50; *Fierman W.* Trends of language use in prestige domains in Post-Soviet Central Asia // *Alatoo Academic Studies*. 2016. № 1. С. 35–42.

¹⁰⁸*Икиликян С. Г.* Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2017. № 3 (195). С. 14–18.

¹⁰⁹*Сурма И. В.* Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // *Вопросы безопасности*. 2015. № 5. С. 41–58. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17473.

¹¹⁰*Карапетян Е. А.* Роль русского языка в межкультурном диалоге на постсоветском пространстве // *Диалогическая этика*. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю. П. Ветров. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2016. С. 49–52; *Карапетян Е. А.* Русский язык в системе межцивилизационных связей на постсоветском пространстве // *Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения*. Материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Армавирский механико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», кафедра гуманитарных дисциплин.

ления на постсоветском пространстве¹¹², или же языковой идентичности населения стран ближнего зарубежья¹¹³.

Особо нужно отметить, что в последнем десятилетии стало больше работ, обращающих внимание на различный статус русского языка в связи с разной языковой политикой стран ближнего зарубежья¹¹⁴. Растёт число публикаций, рассматривающих русский язык как геополитический инструмент, фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве¹¹⁵.

Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2016. С. 59–63.

¹¹¹Самсонов Н. Г. Русский язык в странах СНГ и Балтии // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 2. С. 67–73; Тишков В. А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 5. С. 415–422; Тодорова И. Д. Специфика русского языка в постсоветских государствах // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование. Материалы V Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ / Сост. У. М. Бахтикиреева. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 148–152.

¹¹²Максимова С. Г., Шерматова С. Н., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах — участниках Содружества независимых государств // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 151–171; Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Maximova M. The Russian-speakers in the CIS countries: migration activity and preservation of the Russian language // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 212. Art. no. 010005. 11 p. DOI: 10.1051/matec-conf/201821210005.

¹¹³Летняков Д. Э. Языковая политика и языковая идентичность на постсоветском пространстве: случай русского языка // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир). Материалы IV международной научной конференции. Белгород: Издательство: Издательский дом «Белгород», 2016. С. 68–76.

¹¹⁴Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178; Божженкова Н. А., Пантелеева А. П. Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 6–15.

¹¹⁵Алексеев Р. А., Федорченко С. Н. Государственная политика Российской Федерации в области популяризации русского языка на территории стран СНГ и

На этом фоне особое внимание обращается на роль русского языка в интеграционных процессах на постсоветском пространстве¹¹⁶, в частности, в ходе евразийской интеграции¹¹⁷. Русский язык рассматривается также как средство коммуникации в странах «Великого шёлкового пути»¹¹⁸.

Людей, называющих родным русский язык, обычно называют «русскоязычными» или «русскоговорящими», и именно на них будет сконцентрировано внимание в данной разделе монографии.

Характеристика русскоязычного населения в конце советского периода. В 1989 г. состоялась последняя Всесоюзная перепись, итоги которой используются для анализа изменений в структуре населения, произошедших в постсоветский период. В Советском Союзе, согласно итогам переписи 1989 г., проживало 285 млн 742,5 тыс. чел., и чуть более половины этой численности составляли русские — 50,8 %. Удельный вес населения, называющего родным русский язык, был несколько больше — 57,2 %, причём доля нерусского населения, пополнившего эту категорию, составляла 13,3 %. Распределение русскоязычно-

---

Балтии // Социальная политика и социальное партнёрство. 2014. № 8. С. 67–71; *Иванченко В. С., Чмириш Е. С.* Русский язык на постсоветском пространстве как фактор политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60). С. 2473–2486. DOI: 10.35775/PSI.2020.60.8.012; *Тертри Д.* Русский вопрос в постсоветский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 1. С. 43–56. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.104; *Филлимонов Г. Ю.* Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 67–82.

¹¹⁶ *Болтовский С. О.* Сохранение и развитие русского языка в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный областной университет. М., 2012. 28 с.

¹¹⁷ *Худоренко Е. А.* Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. № 2. С. 163–182. DOI: 10.31249/poln/2020.02.08.

¹¹⁸ *Молодов О. Б.* Русский язык как средство коммуникации в странах Великого шёлкового пути (на примере Центральной Азии) // International symposium on “Culture dialogue of the silk road countries”. Atatürk Üniversitesi, 2016. С. 397–400.

го населения по советским республикам, в первую очередь, зависело от доли русских в их населении (рис. 41).

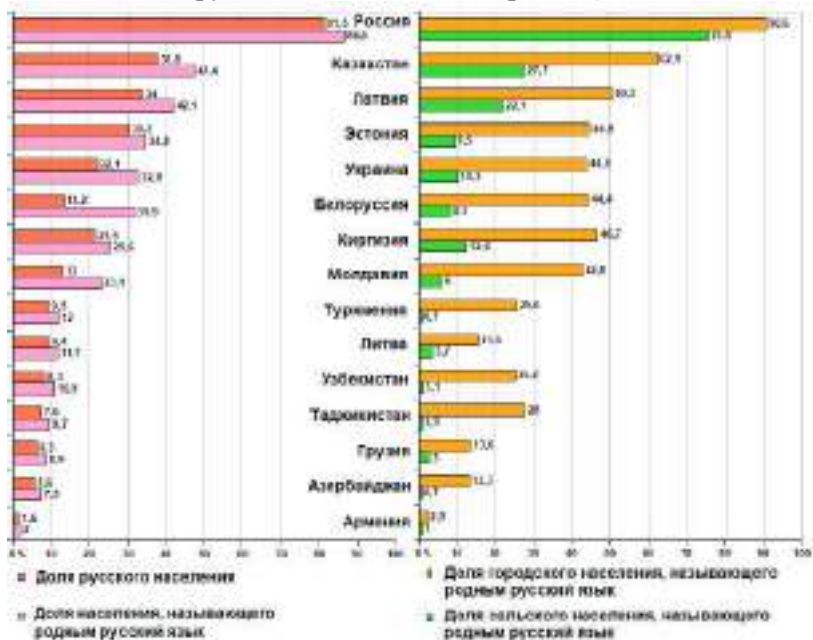

Рис. 41. Удельный вес русских в населении советских республик, а также населения, в т. ч. городского и сельского, называющего родным русский язык (по итогам переписи 1989 г., %)

Из этой закономерности выпадала только Белоруссия, занимающая шестое место по доле русскоговорящих (31,9 %) и седьмое место — по доле русских (13,2 %). Но именно в Белоруссии было наибольшее среди советских республик превышение доли русскоязычных над удельным весом русского населения (+18,7 %). Но по удельному весу русскоязычного населения, как и по доле русских, Белоруссию превосходили Казахстан, Латвия, Эстония и Украина. В первых двух республиках родным считали русский язык около половины населения, во вторых двух — примерно треть. Кроме того, доля русских была заметно выше в Киргизии. К республикам, где была достаточно высокая

доля тех, кто называл родным русский язык (около четверти населения), относилась также Молдавия. В остальных советских республиках доля русскоязычного населения была небольшой, и лишь незначительно превышала долю русских. Самые низкие показатели при этом характеризовали республики Закавказья (минимум — в Армении, где доля русскоговорящих составляла всего 2 %).

Опираясь на рис. 41 можно увидеть, что русскоязычие во всех советских республиках в большей степени было распространено в городских поселениях, чем в сельской местности. Среди сельского населения русскоязычные составляли заметную долю (свыше пятой части населения) только в трёх республиках — в России, Казахстане и Латвии. В остальных республиках люди, называющие родным русский язык, в значительной степени концентрировались в городских поселениях. Об этом наглядно свидетельствует рисунок 42.

Почти исключительно в городских поселениях проживали русскоязычные в Туркмении, Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане. Наименьшую урбанизированность данная категория населения демонстрировала, кроме России, в Киргизии и Казахстане (как следствие освоения залежных и целинных земель). Тем не менее, во всех республиках уровень концентрации русскоязычного населения в городских поселениях значительно превосходил степень урбанизированности республик в целом.

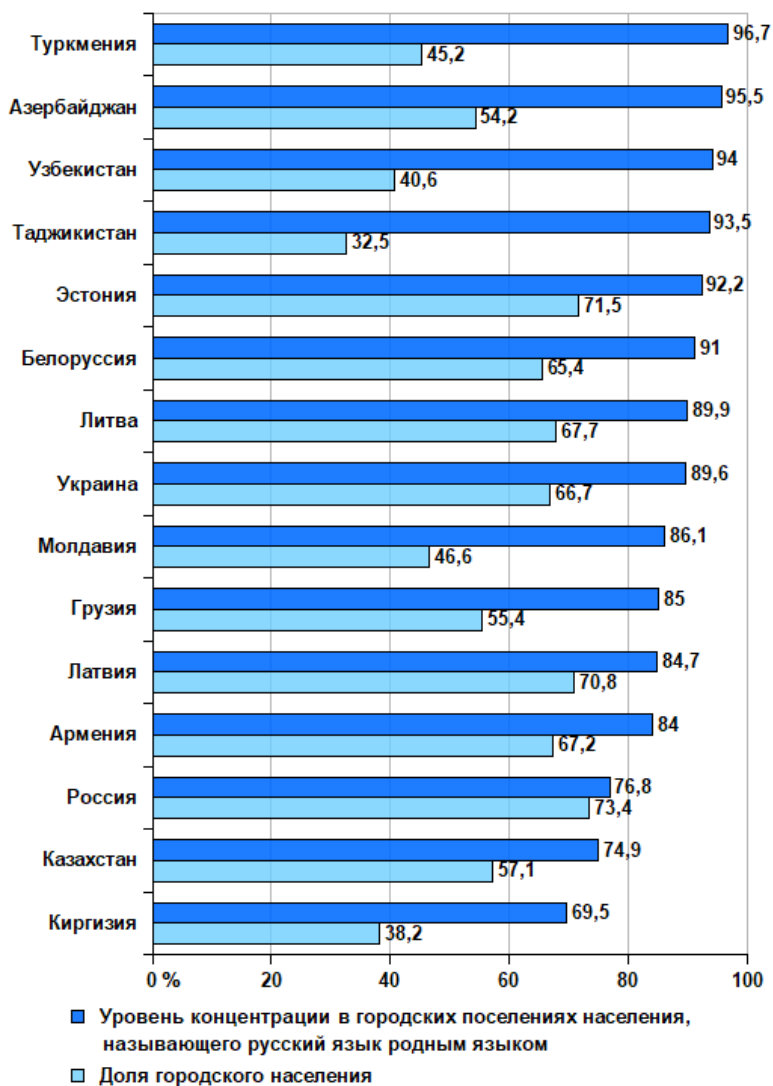

Рис. 42. Доля городского населения в советских республиках и концентрация в городских поселениях населения, называющего русский язык родным языком (по итогам переписи 1989 г. , %)

Об удельном весе русскоязычных среди нерусского, в т. ч. титульного, населения советских республик свидетельствует рисунок 43. Явными лидерами по данному показателю являлись Россия и Белоруссия (27,6 и 21,9 % соответственно). Также относительно высокая доля нерусского населения, называющего родным русский язык (свыше 10 %), характеризовала Казахстан, Украину, Латвию и Молдавию. Нужно обратить внимание на значительные различия между республиками в признании русского языка родным их титульными народами. Относительно высокой долей представителей титульных народов, называющих родным русский язык, отличались только Белоруссия и Украина, им в этом плане заметно уступали Молдавия и Латвия. В остальных республиках к этой категории населения относились почти исключительно представители других этнических групп.

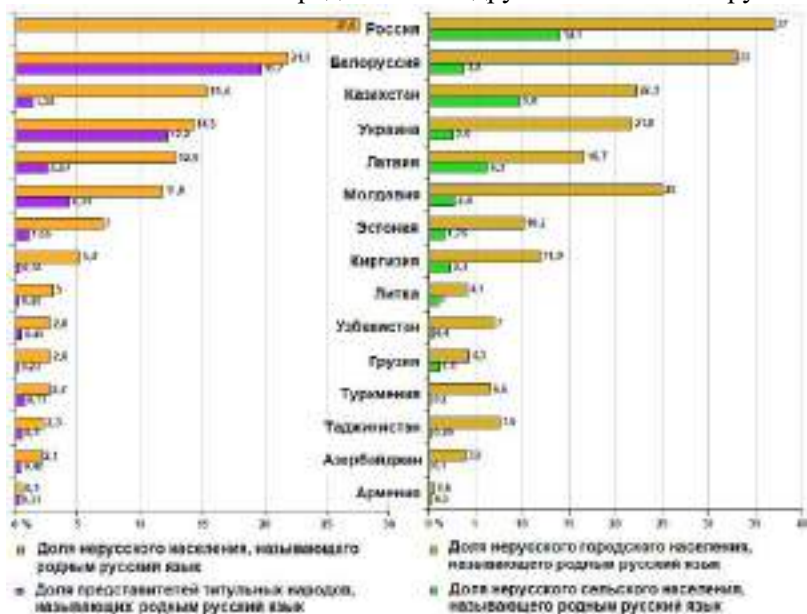

Рис. 43. Доля нерусского населения, в т. ч. городского и сельского, а также титульного населения советских республик, называющего родным русский язык (по итогам переписи 1989 г., %)

Также на рисунке 43 можно обратить внимание на высокий уровень урбанизированности нерусского населения, называющего родным русский язык. Так, например, в России 37 % нерусских жителей городских поселений (и только 14 % — сельских) считали русский язык родным. К русскоговорящим относился каждый третий среди нерусских жителей городских поселений в Белоруссии, четвёртый — в Молдавии, пятый — в Казахстане и Украине. В сельской местности среди нерусских жителей русскоязычные встречались в несколько раз реже. Кроме России, чуть повышена была доля представителей этой категории сельского населения в Казахстане, Латвии и Белоруссии.

Динамика категории основных носителей русского языка с 1989 по 2010 гг. Согласно нашей оценке, численность населения в пределах всего постсоветского пространства на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., составляла 288 млн чел., и по сравнению с 1989 г. население выросло на 2,4 %. На этом фоне все показатели, характеризующие русское и русскоязычное население, имеют отрицательную динамику. Так, русское население сократилось примерно на пятую часть, численность русскоязычных — на 21,6 %, и т. д. Соответственно, заметно уменьшились за постсоветский период относительные показатели — удельный вес русского населения и русскоязычных, в т. ч. среди нерусского населения (табл. 6).

Вместе с динамикой русского населения на изменение доли русскоязычных всё в большей степени влияет статус русского языка в новых независимых государствах. Так, в настоящее время статусом государственного русский язык обладает в Российской Федерации, Республике Беларусь (с 1995 г.), Республике Абхазии, Республике Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республике, официального языка — в Республике Казахстан, Кыргызской Республике, языка межнационального общения — в Республике Таджикистан, регионального языка национального меньшинства — в Украине, иностранного языка — в Эстонской Республике, Латвийской Республике, Литовской Республике, Республике Армении, Азербайджанской Республике, Грузии, Туркменистане и Узбекистане.

В Республике Молдове в 2018 г. русский язык утратил статус языка межнационального общения и попытка его восстановления в конце 2020 г. закончилась неудачей.

Таблица 6

Динамика в пределах постсоветского пространства с 1989 по 2010 гг. (оценка) численности всего населения, русских и жителей, называющих родным русский язык

	1989 г.	2010 г. (оценка)	Динамика 2010/1989 гг. (оценка)
Численность всего населения, млн чел.	285,7	288,1	+2,4
Численность русского населения, млн чел.	145,2	124,7	-20,5
Численность населения, называющего родным русский язык, млн чел.	163,6	142,0	-21,6
Численность нерусского населения, называющего родным русский язык, млн чел.	18,7	17,3	-1,4
Доля русского населения, %	50,8	43,3	-7,5
Доля населения, называющего родным русский язык, %	57,2	49,3	-7,9
Доля нерусского населения, называющего родным русский язык, %	13,3	10,6	-2,7

На рисунке 44 отражена динамика сразу трёх показателей в молодых государствах за период после распада Советского Союза: численности всего населения, численности русских, а также численности населения, называющего родным русский язык. Страны расположены в порядке уменьшения прироста численности населения. Лидерами по приросту населения в период с 1989 по 2010 гг. являются среднеазиатские государства (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан), а также Азербайджан. Эти же страны характеризуются двукратным и более (до 91 % в Таджикистане) сокращением численности русского населения. Благодаря высокому естественному приросту произошёл взрывной рост численности титульного населения молодых государств, в то время как русское население в них испытывало миграционный отток и естественную убыль.

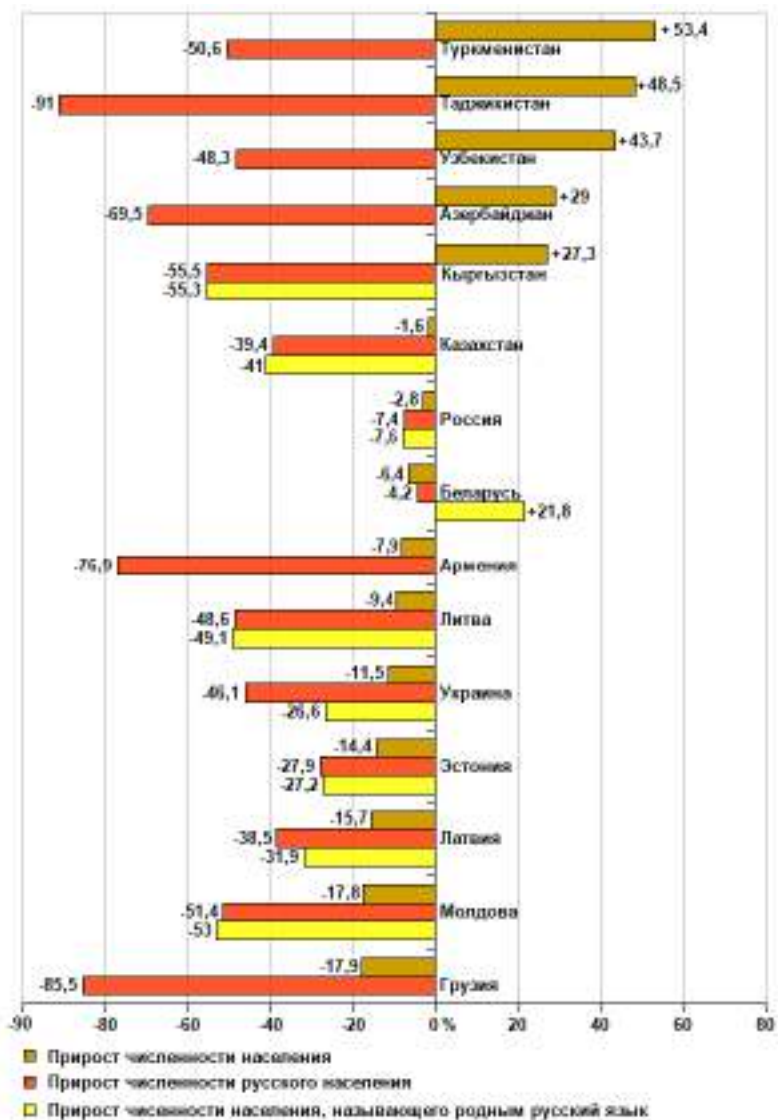

Рис. 44. Прирост с 1989 по 2010 гг. численности всего населения, русских и населения, называющего родным русский язык (оценка) в государствах постсоветского пространства, %

В остальных государствах постсоветского пространства произошло сокращение населения, которое при этом сопровождалось более значительным (за исключением Республики Беларусь) уменьшением численности русского населения. Лидерами по сокращению русского населения в этой группе стран являлись государства Закавказья (Грузия и Армения), где в советское время и без того была крайне низкая численность и доля русских. Примерно в два раза уменьшилась численность русских в Молдове, Литве и Украине. На этом фоне не столь значительное уменьшение русского населения можно было наблюдать в Латвии и Эстонии (на 38,5 и 27,9 % соответственно). Факторами сокращения численности русских в этой категории стран в постсоветское время являются, в первую очередь, миграционный отток русских и их естественная убыль. Но особенно нужно выделить три страны (Беларусь, Украина и Молдова), где значительную роль сыграла смена этнического самосознания части русских в пользу титульных этносов.

На рисунке 44 можно увидеть, что в большинстве стран динамика русского населения мало отличается от динамики категории людей, которые считают родным русский язык. Исключения составляют три государства — Беларусь, Украина и Латвия. Каждый из этих трёх случаев требует отдельных комментариев. Так, в Республике Беларусь, вместе с уменьшением численности русского населения, отметился значительный рост (на 21,8 %) категории граждан, называющего родным русский язык. Это исключительный случай на всём постсоветском пространстве. Даже в России сокращение численности русских сопровождалось уменьшением русскоязычного населения. Значительную роль в этом сыграло принятие на референдуме в 1995 г. в Республике Беларусь статуса русского языка как государственного. Это позволило двуязычным гражданам Республики Беларусь не связывать напрямую этническую и языковую идентичность. Так, при сохранении тренда к увеличению населения с белорусским этническим самосознанием, значительно выросла численность тех, кто называл родным русский язык. Эта же тен-

денция сохранилась и в период между переписями населения 2009 и 2019 гг.

На Украине из-за низкого статуса русского языка численность людей, которые называют русский язык родным, сократилась более чем на четверть. Здесь наблюдался следующий процесс — происходящая смена этнического самосознания части русского населения (включая часть биэтнофоров, называющих себя русскими) и русскоязычных представителей других этнических групп в пользу титульного этноса опережала языковую ассимиляцию. Другими словами, часть русских, формально сменивших свою национальность на титульную, оставалась в категории русскоязычных. В итоге разница между сокращением доли русских (согласно этнической идентичности) и русскоговорящих (по языковой идентичности) составила около 20 %.

В Латвии численность русского населения также сокращалась быстрее, чем количество русскоязычных. В этой стране ведущим фактором динамики разных групп населения являлся миграционный отток на фоне мало отличающейся по разным этническим группам естественной убыли. Последнее означает, что миграционный отток русских был несколько больше, чем отток и ассимиляция русскоговорящих представителей других этнических групп (белорусов, поляков, евреев и др.), обычно имеющих достаточно длительную историю проживания на территории Латвии.

В некоторых государствах постсоветского пространства (Казахстан, Литва, Молдова) наблюдалась противоположная ситуация — численность русскоязычных уменьшалась быстрее, чем русских. Можно предположить, что в этих странах миграционный отток и ассимиляция русскоговорящих представителей других этнических групп была несколько больше, чем русского населения.

На рисунке 45 отображена доля русских и русскоязычных на 2010 г. (в большинстве стран — оценка) и динамика этих долей с 1989 по 2010 гг.

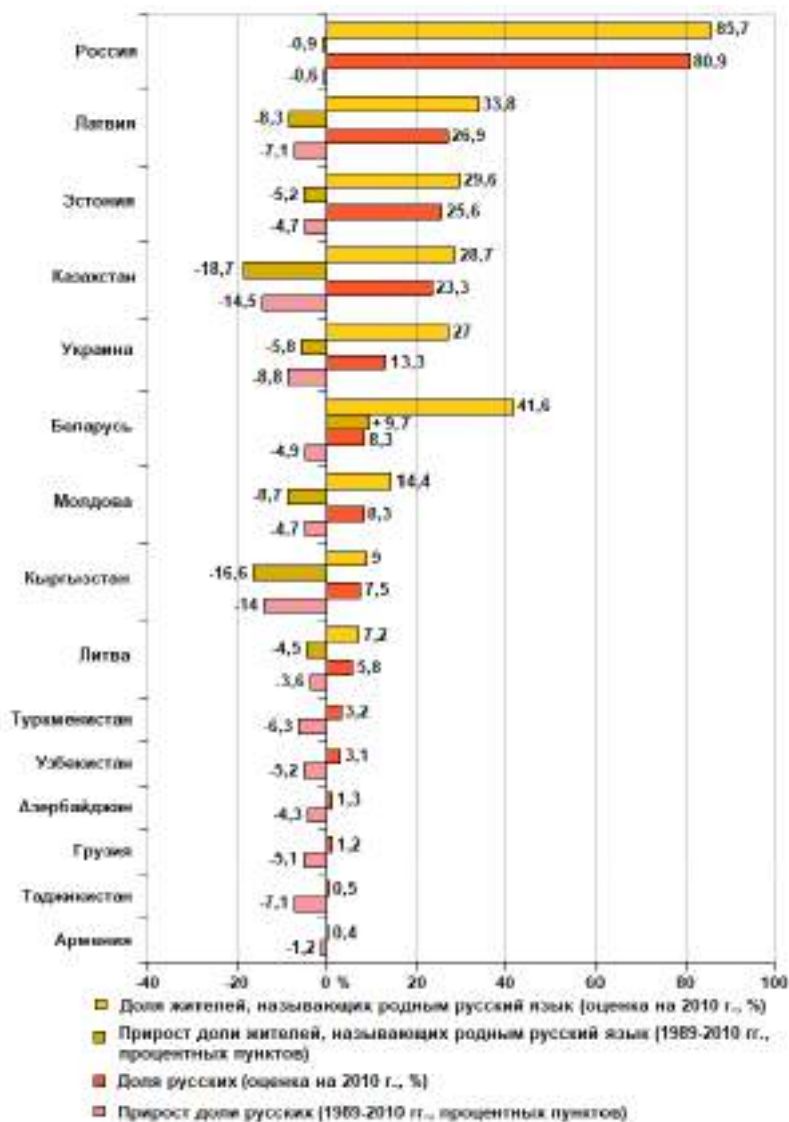

Рис. 45. Доля русских и населения, называющего родным русский язык, по государствам постсоветского пространства в 2010 г. и динамика долей с 1989 по 2010 гг. (оценка)

В большинстве стран доля русскоязычных уменьшилась больше, чем русских, исключения составили рассмотренные выше Украина и Беларусь. Самые большие потери русских и русскоговорящих в относительных величинах характеризовали Казахстан и Кыргызстан. Значительная часть стран постсоветского пространства почти полностью лишилась русского населения. В первую очередь, это государства Закавказья (Армения, Грузия и Азербайджан) с самой низкой долей русских в настоящее время, во вторую очередь, тройка среднеазиатских стран (Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан).

Для девяти государств постсоветского пространства был рассчитан такой показатель, как доля нерусского населения, называющего родным русский язык. Далее было проведено сравнение данного показателя за 1989 и 2010 гг. (рис. 46).

В некоторых случаях по данному показателю можно судить об удельном весе русскоговорящих среди титульного населения молодых государств. Это относится, в первую очередь, к Республике Беларусь и Украине. Сразу же нужно отметить, что за постсоветское время в этих государствах выросла доля нерусского населения (преимущественно белорусов и украинцев), называющих родным русский язык. В обоих случаях это связано с принятием частью билингвов (или биэтнофоров), ранее называющих себя русскими, идентичности титульного этноса, но с сохранением русской языковой идентичности. При этом в Республике Беларусь, по итогам переписей 2009 и 2019 гг., выбор в пользу русского языка как родного стали делать и те белорусы, которые в советское время и в 1990-е гг. отдавали предпочтение белорусскому языку.

В остальных постсоветских странах на величине данного показателя в большей степени отражается удельный вес представителей этнических групп, проживающих вне своего национального государства и традиционно в общении использующих русский язык. Это, например, украинцы, белорусы, татары и целый ряд других народов, проживающих в России, Латвии, Казахстане, Молдове и т. д. Представители титульных народов в этих государствах значительно реже попадают в данную катего-

рию. Даже в 1989 г. представители титульных этносов, называющие родным русский язык, составляли свыше 1 % только в шести советских республиках, в остальных республиках данный показатель составлял менее 0,5 % (см. рис. 43). Поэтому на 2010 г. последний показатель не рассчитывался отдельно.

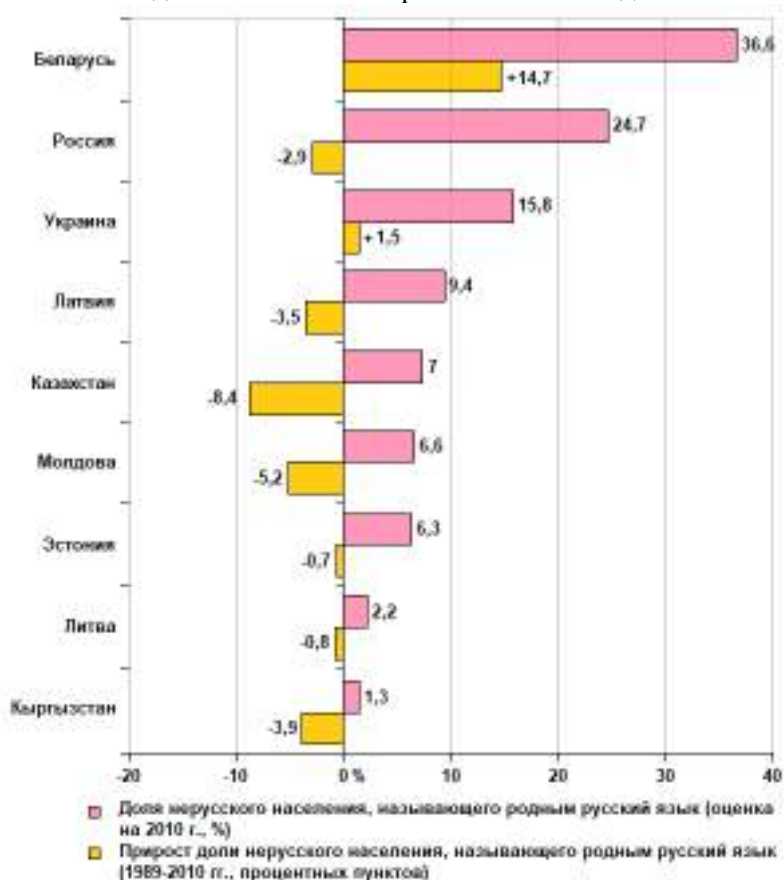

Рис. 46. Доля нерусского населения, называющего родным русский язык, по государствам постсоветского пространства в 2010 г. и прирост этой доли с 1989 по 2010 гг. (оценка)

На рисунке 47 отображено распределение регионов стран постсоветского пространства по удельному весу населения, называющего родным русский язык (оценка на 2010 г.). Именно варьирование данного показателя по регионам является главным фактором принятия русского языка как родного представителями титульных этносов и других этнических групп в молодых государствах, о чём свидетельствует распределение регионов по доле нерусского населения, называющего родным русский язык, представленное на рисунке 48.

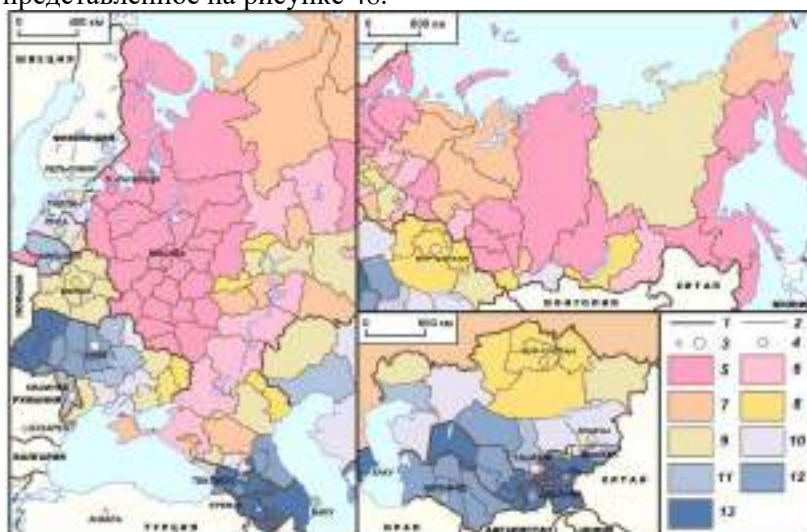

Рис. 47. Доля населения, считающего родным русский язык (оценка на 2010 г.)

Цифрами обозначены: 1 — современные государственные границы; 2 — границы регионов и непризнанных государственных образований; 3 — столицы государств; 4 — другие города; доля населения, считающего русский язык родным языком, %: 5 — 95 и более, 6 — от 90 до 95, 7 — от 75 до 90, 8 — от 50 до 75, 9 — от 25 до 50, 10 — от 10 до 25, 11 — от 5 до 10, 12 — от 2 до 5, 13 — менее 2.

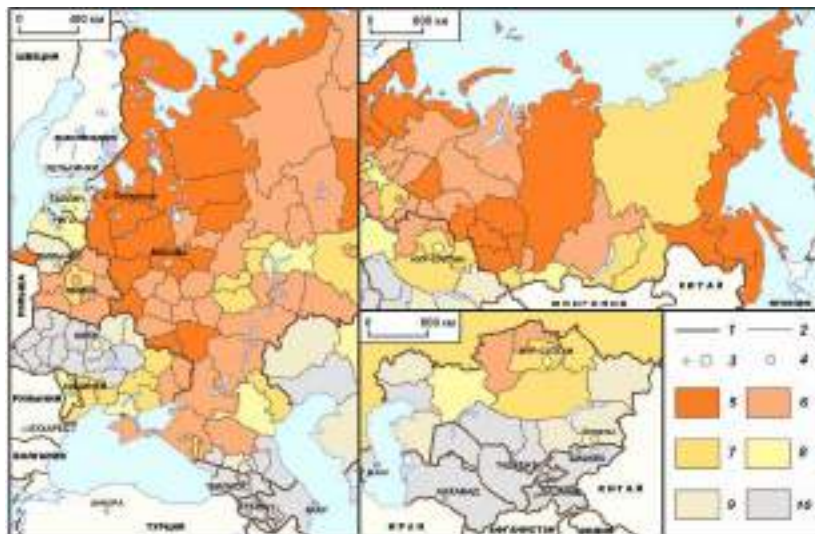

Рис. 48. Доля нерусского населения, называющего родным русский язык (оценка на 2010 г.)

Цифрами обозначены: **1** — современные государственные границы; **2** — границы регионов и непризнанных государственных образований; **3** — столицы государств; **4** — другие города; удельный вес нерусского населения, называющего русский язык родным языком, %: **5** — более 50, **6** — от 25 до 50, **7** — от 10 до 25, **8** — от 5 до 10, **9** — от 2 до 5, **10** — менее 2 или нет сведений.

Выводы. После распада Советского Союза произошло значительное уменьшение населения, считающего русский язык родным. Так, с момента проведения последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. до рубежа первого и второго десятилетий XXI в. численность русскоязычного населения сократилась более чем на 20 млн чел., а их доля уменьшилась с 57 до 49 % от всего населения постсоветского пространства. Среди нерусского населения доля тех, кто считает русский своим родным языком, за это время сократилась с 13,3 до 10,6 %. Региональная дифференциация русскоязычного населения в значительной степени влияет на удельный вес представителей нерусского населения, считающих родным русский язык.

Самые большие потери как русского населения, так и русскоязычных жителей в относительных величинах характеризовали Казахстан и Кыргызстан. Значительная часть стран постсоветского пространства почти полностью лишилась русского населения. Наиболее низка доля русских (менее 1,5 %) ныне в четырёх государствах постсоветского пространства — в Армении, Таджикистане, Грузии и Азербайджане. В постсоветское время уменьшение количества русскоязычных в основном шло в той же пропорции, что и русского населения. Исключение составили две страны постсоветского пространства — Украина и Республика Беларусь.

На Украине уменьшение численности и доли русского населения происходило быстрее, чем категории людей, считающих родным русский язык. По причине низкого статуса русского языка численность русскоязычных граждан Украины сократилась более чем на четверть, однако количество русских в то же время уменьшилось почти вдвое. Здесь происходил ускоренный процесс смены этнического самосознания частью русского населения и русскоязычных представителей других этнических групп в пользу титульного этноса, который заметно опережал языковую ассимиляцию. Поэтому обозначился даже небольшой рост доли представителей титульного этноса, считающих родным русский язык.

Уникальная ситуация сложилась в Республике Беларусь, где вместе с уменьшением численности русского населения произошёл значительный рост категории граждан республики, называющих родным русский язык. Это стало исключительным явлением в пределах всего постсоветского пространства. Большую роль в этом сыграло принятие в Республике Беларусь на референдуме в 1995 г. статуса русского языка как государственного. Последнее позволило билингвальному населению не связывать напрямую этническую и языковую идентичность. С одной стороны, здесь сохранялась тенденция к увеличению населения с белорусским этническим самосознанием, с другой стороны, среди самих белорусов росла доля тех, кто называет родным русский язык.

ВЛАДЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В географической науке исследования по изучению распространения русского языка и его региональной динамики на постсоветском пространстве проводились крайне редко. Одной из причин этого стало исключение вопроса о владении русским языком из переписных анкет в большинстве стран ближнего зарубежья. Другой причиной является одновременность проведения переписей населения на постсоветском пространстве, что ограничивает исследования такого рода территорией отдельных стран. Например, можно отметить работу по анализу динамики на региональном уровне использования русского языка населением Республики Беларусь по итогам переписей населения с 1989 по 2019 гг.¹¹⁹. В ряде исследований затрагиваются вопросы использования русского языка биэтнофорами в разных регионах Украины¹²⁰.

В качестве основных показателей, используемых в данном разделе монографии, выступают численность и доля: 1) русских; 2) людей, называющих родным русский язык; 3) людей, свободно владеющих русским языком (в качестве родного или же второго языка). Обычно вторую категорию населения называют русскоязычными или русскоговорящими, и в ней возможно выделение исходя из этнической принадлежности как русского, так и нерусского населения, считающего родным русский язык.

¹¹⁹ *Соколов А.С.* Современная языковая ситуация в Белоруссии и её динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 4. С. 66–82.

¹²⁰ *Хмелько В.Е.* Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15; *Митрофанова И. В., Суций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050.

Данная информация в полной мере представлена на уровне советских республик в итогах переписи населения 1989 г. Однако в переписях населения большинства стран ближнего зарубежья, за исключением обозначенных ниже, отсутствуют вопросы, аналогичные переписи 1989 г. Поэтому, на основе указанных далее первичных материалов, нами была дана оценка основных анализируемых показателей на начало XXI в. и на рубеж первого и второго десятилетий столетия.

Таким образом, первичную информацию в исследовании представляют сведения о категориях людей, называющих родным русский язык и свободно владеющих русским языком. Данная статистика имеется в итогах Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.¹²¹, переписей населения государств постсоветского пространства: Республики Казахстан — в 1999 и 2009 гг.¹²², Украины — в 2001 г.¹²³, Республики Беларусь — в 2009 г.¹²⁴, Кыргыз-

---

¹²¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Том. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

¹²² Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 2. Население республики Казахстан по национальностям и владению языками. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А.Смаилова. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. 272 с.; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А. А. Смаилова. Астана, 2010. 112 с.

¹²³ Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (дата обращения: 20.01.2021).

¹²⁴ Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию. Бюллетень. [Электронный ресурс]: URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/bul_republic.rar (дата обращения: 20.01.2021).

ской Республики — в 2009 г.¹²⁵, Республики Таджикистан — в 2010 г.¹²⁶. Для других стран ближнего зарубежья в качестве первичной информации выступили оценочные сведения о степени владения русским языком на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., предложенные в работах А. Л. Арефьева¹²⁷ и скорректированные по результатам опросов населения государств постсоветского пространства, проводимых группой ЦИР-КОН в рамках проекта Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор»¹²⁸. Также использовалась статистика по национальному составу населения государств ближнего зарубежья в период с 1999 по 2015 гг., представленная на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹²⁹.

Социологические опросы населения позволяют выявить категории людей, в разной степени использующих русский язык

---

¹²⁵Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Книга I. Основные социально-демографические характеристики населения и количество жилищных единиц. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2009. 54 с.

¹²⁶Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 года. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Том III. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. 537 с.

¹²⁷*Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социально-прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.; *Арефьев А. Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

¹²⁸*Задорин И. В., Подобед И. В.* Динамика распространенности русского языка в бытовом общении населения стран Северной Евразии (по данным многолетних опросов в рамках проекта «Евразийский монитор»). 2018. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3ee/dinamika-rasprostranennosti-russkogo-yazyka-v-bytovom-obshchenii.pdf> (дата обращения: 20.01.2021); Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости. Аналитический отчёт по результатам вторичного анализа данных. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf> (дата обращения: 17.01.2021).

¹²⁹Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 20.01.2021).

в семье, дома. Причём данный вопрос задаётся и при проведении переписей населения, например, в Республике Беларусь, по причине неоднозначной трактовкой понятия «родной язык»¹³⁰. Однако расчёт удельного века данной группы людей не включён в наше исследование, т. к. нет возможности проследить динамику этой категории населения за постсоветский период по причине отсутствия аналогичного вопроса во Всесоюзной переписи 1989 г. Но в постсоветский период проводились также и такие опросы, где выявлялись три категории населения: 1) владеющие русским языком активно; 2) владеющие им пассивно; 3) не владеющие русским языком вовсе. В нашем исследовании к населению, отметившему в ходе переписей свободное владение русским языком, приравнивалась категория респондентов, заявлявших об активном владении русским языком.

Отдельно рассчитывался такой показатель, как доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком. Расчёт данного показателя был осуществлён как на уровне государств ближнего зарубежья (на 2000 и 2010 гг.), так и на уровне регионов ряда государств (по итогам раунда переписей населения 1999–2002 гг. в Российской Федерации, Казахстане, Украине и Республике Беларусь). Важно отметить специфику предоставления результатов переписи 2002 г. в Российской Федерации, которая заключается в том, что владение русским языком на региональном уровне обозначено для населения в целом, включая и тех, кто не назвал свою национальность. Поэтому при расчёте показателя по владению русским языком нерусским населением из общих данных по регионам потребовалось исключить две категории населения — русских и лиц, не указавших свою национальность.

Несмотря на рост численности населения в пределах всего постсоветского пространства за два первых десятилетия после распада Советского Союза, в этот период произошло значительное уменьшение населения, свободно владеющего русским языком.

---

¹³⁰ Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и её динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 4. С. 66–82.

ком — согласно нашим оценкам, примерно на 30 млн чел. Во многом это связано с радикальным, а в некоторых странах и катастрофическим, сокращением русского населения, а значит, и русскоязычного населения в целом (табл. 7). В качестве основной причины уменьшения численности русских в странах ближнего зарубежья выступал миграционный отток, в несколько меньшей степени сказались естественная убыль и ассимиляция (или смена этнической идентичности в пользу титульных этносов)¹³¹.

Таблица 7

Динамика в пределах постсоветского пространства с 1989 по 2010 гг. (оценка) всего населения, русских, русскоязычных и лиц, свободно владеющих русским языком

	1989 г.	2010 г. (оценка)	Динамика 2010/1989 гг. (оценка)
Численность всего населения, млн чел.	285,7	288,1	+2,4
Численность населения, свободно владеющего русским языком, млн чел.	232,4	202,4	-30,0
Численность населения, называющего родным русский язык, млн чел.	163,6	142,0	-21,6
Численность русского населения, млн чел.	145,2	124,7	-20,5
Численность нерусского населения, свободно владеющего русским языком, млн чел.	87,2	77,7	-9,5
Доля населения, свободно владеющего русским языком, %	81,3	70,3	-11,0
Доля населения, называющего родным русский язык, %	57,2	49,3	-7,9
Доля русского населения, %	50,8	43,3	-7,5
Доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, %	62,1	43,0	-19,1

¹³¹ Суцый С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

Сокращение численности русского населения происходило на фоне радикальной демографической перестройки всего постсоветского пространства. Так, первые два постсоветские десятилетия характеризовались взрывным ростом численности населения государств Центральной Азии (без Казахстана) и Азербайджана (Среднеазиатско-Каспийского макрорегиона), вызванным высоким естественным приростом титульных народов этих стран. Данный рост происходил параллельно со значительным сокращением населения Грузии, Армении, европейских стран СНГ и Балтии (рис. 49). Результатом этих демографических процессов стало заметное перераспределение населения между макрорегионами ближнего зарубежья в пользу тех, в которых традиционно был более низкий уровень владения русским языком.

Отметим ещё один важный фактор, который влияет, в первую очередь, на динамику нерусского населения, свободно владеющего русским языком в странах постсоветского пространства. Это статус русского языка в молодых государствах. В настоящее время статусом государственного русский язык обладает в Российской Федерации и Республике Беларусь (с 1995 г.), а также в трёх республиках со спорным международно-правовым статусом (в частично признанных Абхазии, Южной Осетии и непризнанной Приднестровской Молдавской Республике). Кроме того, русский имеет статус официального языка в Республике Казахстан и Кыргызской Республике, языка межнационального общения — в Республике Таджикистан¹³². В остальных государствах постсоветского пространства русский язык либо имеет статус иностранного языка, либо его статус остаётся неопределённым.

Так, на рисунке 49 выделяются две страны (Таджикистан и Кыргызстан), где, несмотря на очень значительное сокращение численности русских, произошёл небольшой рост населения, свободно владеющего русским языком.

---

¹³²Боженкова Н. А., Пантелеева А. П. Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 6–15.

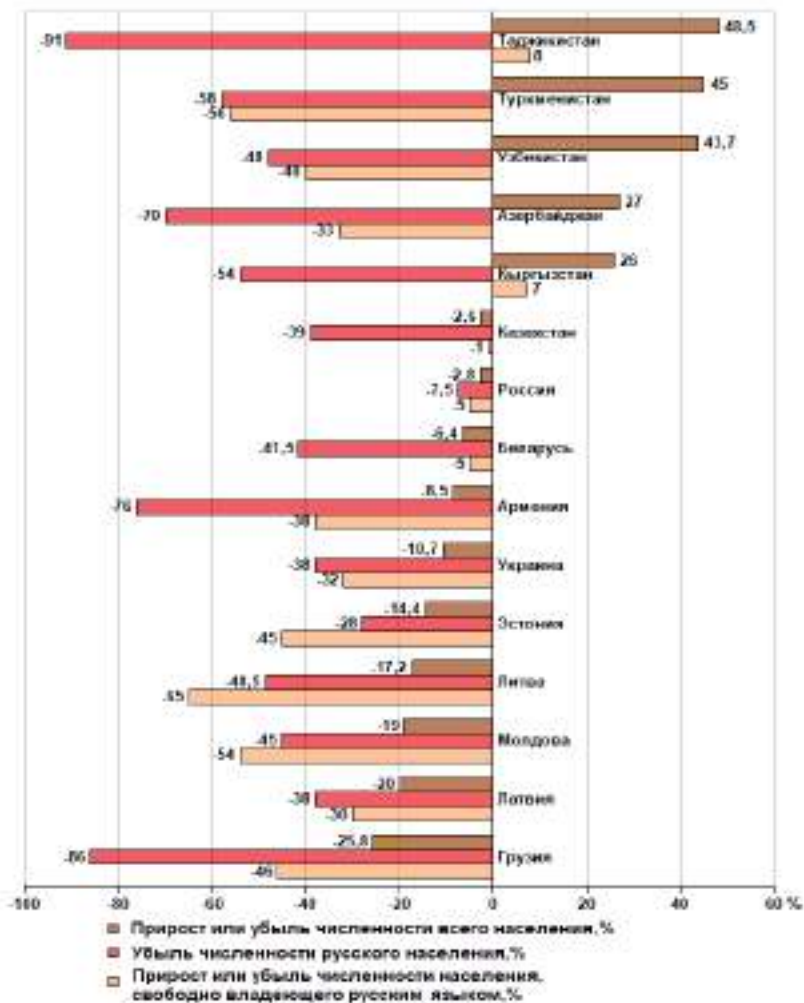

Рис. 49. Изменение численности всего населения, русских и лиц, свободно владеющих русским языком, с 1989 г. по рубеж первого и второго десятилетий XXI в. (по итогам переписей 2009–2011 гг. или оценка на 2010 г., в границах республик на момент распада СССР)

Кроме того, при общем уменьшении численности населения стран, минимальные потери понесла данная категория населения в Казахстане и Республике Беларусь. Именно в этих четырёх государствах русский язык сохранил высокий статус, и именно в них переписи населения фиксируют владение русским языком или же его использование а семье, дома. Правда, нужно отметить, что в переписях населения этих стран (кроме Республики Беларусь) учёт владеющих русским языком ведётся для лиц старше 15 лет, и полученные результаты распространяются на всё население, что приводит в итоге к некоторому завышению доли представителей данной категории жителей. В переписях населения Республики Беларусь выявляется доля людей, обычно использующих русский язык в домашнем общении.

Тройку лидеров по уменьшению численности русских в первые два постсоветские десятилетия составили Таджикистан, Грузия и Армения, где русское население сократилось более чем на три четверти. Более чем в два раза уменьшилась численность русских в Азербайджане, Туркменистане и Кыргызстане. В большинстве случаев (за исключением Кыргызстана) такое резкое падение числа русских связано с их небольшой численностью в этих республиках в советское время. При этом состав тройки лидеров по сокращению количества лиц, свободно владеющих русским языком, является иным — это Литва, Туркменистан и Молдова.

Как можно видеть на рисунке 49, в большинстве стран постсоветского пространства численность русского населения уменьшалась быстрее, чем количество людей, свободно владеющих русским языком. Это свидетельствует о сохранении в первые два постсоветских десятилетия интереса в молодых государствах к изучению русского языка как со стороны титульных народов, так и представителей разных этнических групп. Исключение составили Эстония, Литва и Молдова, где сокращение количества свободно владеющих русским языком происходило быстрее, чем русских, а значит, здесь шёл ускоренный отказ от использования русского языка титульными народами. На рисунке 50 можно увидеть, как изменилась за два постсоветских десятилетия

тилетия в молодых государствах внутренняя структура группы населения, свободно владеющего русским языком.

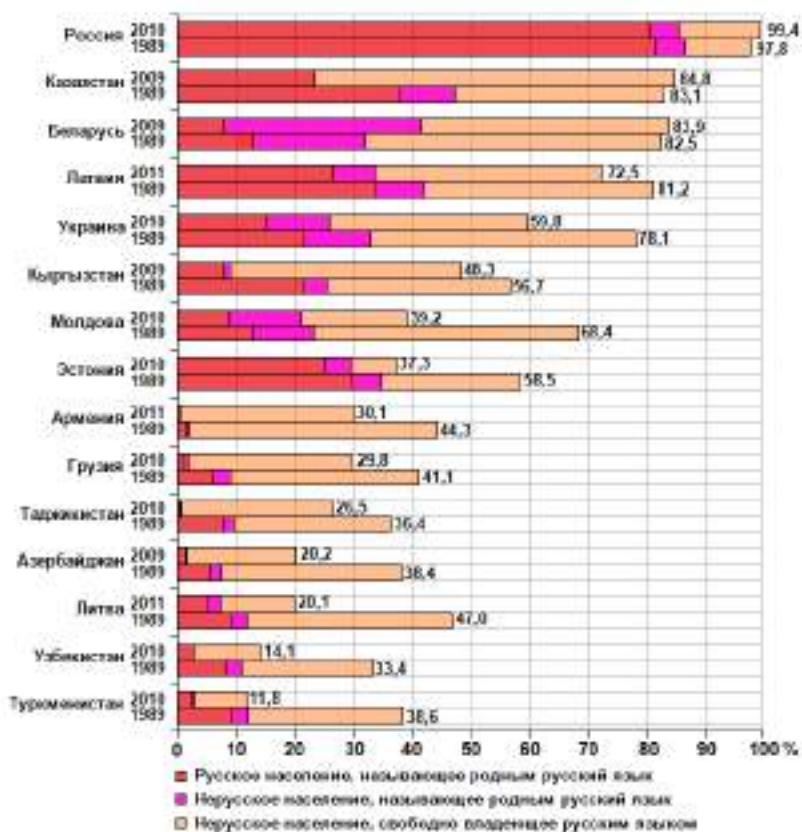

Рис. 50. Удельный вес и структура населения, свободно владеющего русским языком, по итогам переписи 1989 г. и раунда переписей 2009–2011 гг. (или оценка на 2010 г., в границах республик на момент распада СССР), %

В первую очередь нужно отметить, что доля населения, свободно владеющего русским языком, за первые два постсоветских десятилетия выросла только в трёх странах, где русский

язык имеет статус государственного или официального языка — в Российской Федерации, Республике Казахстан и Республике Беларусь. Причём во всех трёх государствах это произошло при сокращении доли собственно русского населения. Это означает, что категория лиц, свободно владеющих русским языком, пополнялась за счёт нерусского населения, в т. ч. титульных народов Республики Беларусь, Казахстана и российских республик.

При этом Республика Беларусь стала единственной страной постсоветского пространства, где значительно выросла доля населения, считающего русский родным языком. Фактически же, эта доля ещё выше, если к данной категории населения отнести тех, кто называет русский язык языком домашнего общения¹³³. Важно отметить, что этот процесс происходил одновременно с этнической титулизацией билингвального населения, но придание в 1995 г. в Республике Беларусь русскому языку статуса государственного позволило значительной части белорусов сделать выбор в пользу русской языковой идентичности.

Аналогичное явление при более высоком статусе русского языка могло бы происходить на Украине, но в условиях принципиально иной этнической и языковой политики здесь этническая титулизация значительной части билингвального населения не сопровождалась ростом русскоязычия внутри расширившегося титульного этноса. Как и большинство стран ближнего зарубежья, Украина в постсоветский период характеризовалась ускоренным сокращением удельного веса людей, свободно владеющих русским языком.

Достаточно низкий удельный вес лиц, свободно владеющих русским языком (менее трети населения), ныне наблюдается в трёх странах Центральной Азии (Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане), государствах Закавказья (Азербайджане, Грузии и Армении), а также в Литве. В советское время в этих республиках русским языком свободно владело менее половины населения. С другой стороны, нужно обратить внимание на

---

¹³³ *Соколов А. С.* Современная языковая ситуация в Белоруссии и её динамика в постсоветский период // *Геополитика и экогеодинамика регионов.* 2020. Т. 6 (16). Вып. 4. С. 66–82.

Кыргызстан, где значительный миграционный отток русского населения не привёл к резкому сокращению категории лиц, свободно владеющих русским языком. Схожая ситуация характерна только Латвию, но в последней на фоне Кыргызстана сохраняется пока что высокий удельный вес русского и русскоязычного населения. В этой связи нужно напомнить, что в Кыргызстане русский язык имеет статус официального языка, и эта республика в советское время была второй в Центральной Азии (после Казахстана) по доле русского населения. Хотя не исключено, что с отъездом большей части русского населения статус русского языка в этом государстве уже в ближайшей перспективе может пошатнуться.

Тем не менее, Кыргызстан занимает четвёртое место на постсоветском пространстве по такому показателю, как изменение с 1989 по 2010 г. доли нерусского населения, свободно владеющего русским языком. Данный показатель в постсоветский период изменился незначительно, но при этом произошёл даже абсолютный рост представителей соответствующей категории населения, т. к. за это время примерно на четверть выросла численность населения страны. Но вполне предсказуемую тройку лидеров по этому показателю, где ощутимо выросла доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, составили Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан (рис. 51).

Также нужно обратить внимание на Таджикистан, где удельный вес представителей данной категории населения уменьшился не столь значительно (при ее абсолютном росте) на фоне большинства других стран ближнего зарубежья. Опять же данное явление можно объяснить статусом русского языка в этой стране, где он объявлен языком межэтнического общения. В группе стран-аутсайдеров по данному показателю на 2010 г. оказалась Эстония, хотя по доле населения, свободно владеющего русским языком (свыше трети населения), она занимает более высокую позицию. Последнее свидетельствует о том, что в Эстонии относительно высокий уровень владения русским языком поддерживается почти исключительно благодаря русскому

населению, особенно с учётом того обстоятельства, что доля преимущественно русскоязычных этнических групп (украинцев, белорусов и др.) там достаточно мала.

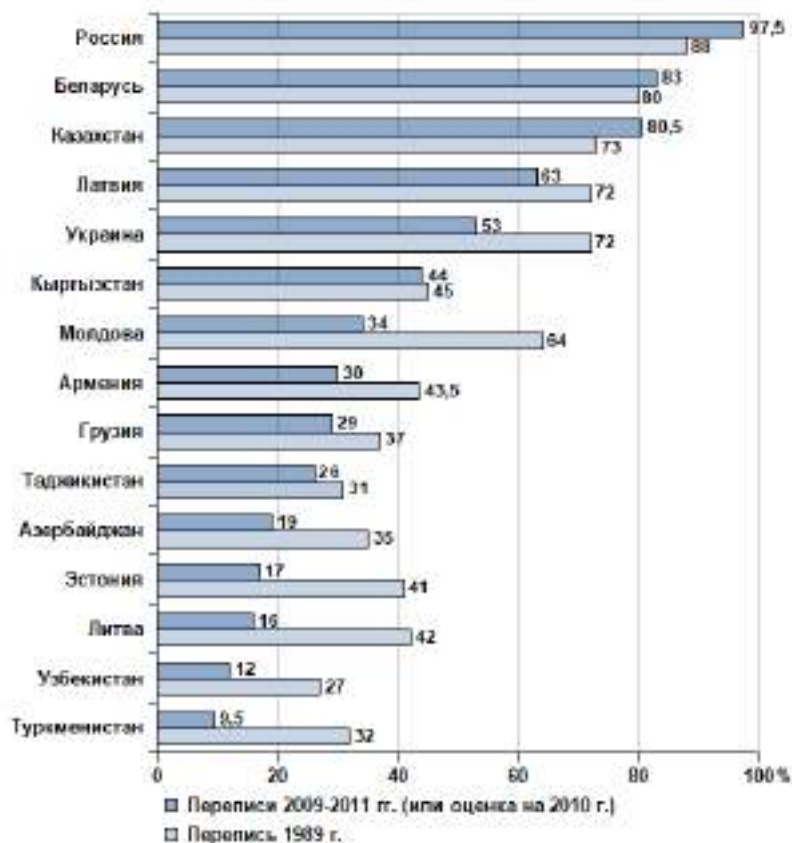

Рис. 51. Удельный вес нерусского населения, свободно владеющего русским языком, по итогам переписи 1989 г. и раунда переписей 2009–2011 гг. (или оценка на 2010 г., в границах республик на момент распада СССР), %

Удельный вес нерусского населения, свободно владеющего русским языком, рассчитанный на уровне небольших стран постсоветского пространства и регионов ряда более крупных государств (Российской Федерации, Казахстана, Украины и Республики Беларусь), по итогам переписей раунда 1999–2002 гг., представлен на рисунке 52.

Рис. 52. Доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, по итогам переписей населения 1999–2002 гг. (или оценка на 2000 г.)

Современные границы: *1* — государств, *2* — регионов; *3* — столицы государств; *4* — прочие города; доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, %: *5* — 95 и более, *6* — от 90 до 95, *7* — от 80 до 90, *8* — от 70 до 80, *9* — от 60 до 70, *10* — от 50 до 60, *11* — от 30 до 50, *12* — менее 30.

Если на предыдущей диаграмме можно проследить долю нерусского населения, свободно владеющего русским языком, в небольших странах в границах на момент распада Советского Союза, то картосхема позволяет увидеть долю данной категории населения как в непризнанных и частично признанных республиках, так и в регионах больших государств, заметно различаю-

щихся по этнической структуре населения. Относительно равномерное распределение носителей русского языка отличает только Республику Беларусь. В целом белорусы характеризуются сравнительно высоким уровнем владения русским языком во всех областях страны, но в городских поселениях этот уровень ещё выше. Зафиксированные на карте региональные различия объясняются либо соотношением городского и сельского населения (г. Минск и Минская область), либо пониженной долей белорусов по причине относительной многочисленности определённых этнических групп (в данном случае, поляков в Гродненской области).

На территории Украины достаточно высокий удельный вес нерусского населения, свободно владеющего русским языком, характеризует юго-восток и столицу страны. В нескольких западных областях государства отмечаются минимальные значения данного показателя, соответствующие уровню Эстонии, Литвы, ряда стран Закавказья и Центральной Азии. Наблюдаемые здесь региональные различия в значительной степени повторяют этническую и лингвистическую географию Украины. Таким образом, высокий уровень владения русским языком на юго-востоке Украины объясняется не только концентрацией здесь русского населения, но и повышенным удельным весом проживающих здесь билингвов, многие из которых в постсоветское время приняли титульную этническую идентичность, но не отказались от использования русского языка, т. е. сохранили двойную языковую идентичность.

Также нужно отметить очень высокий уровень владения русским языком нерусским населением непризнанной Приднестровской Молдавской Республики и частично признанных республик Абхазия и Южная Осетия. Здесь русский язык является государственным, и его изучение является обязательным в школах республик.

В Казахстане наблюдаются различия, схожие с региональной мозаикой на Украине. Наиболее высок удельный вес нерусского населения, свободно владеющего русским языком, в пограничных с Россией северных областях Казахстана, а также в

его бывшей и современной столицах. Ещё в позднесоветский период русские составляли здесь свыше половины населения, а городские поселения были преимущественно русскоязычными. В этих же регионах оказалась повышенной доля представителей этнических групп, традиционно использующих в общении русский язык (украинцев, белорусов, немцев и др.). И потому не случайно, что в настоящее время достаточно высокий уровень владения русским языком (в качестве второго языка) характеризует титульное население, проживающее именно в этих регионах, в отличие от южных областей Казахстана, где доля русского населения была низкой в советское время, а ныне сократилась ещё больше.

Во всех регионах России перепись 2002 г. зафиксировала высокий уровень владения русским языком нерусским населением. Что же касается национальных автономий Российской Федерации, то относительно невысокий уровень владения русским языком (от 80 до 90 %) продемонстрировали титульные народы таких республик, как Чеченская, Тыва, Ингушетия, Дагестан и Саха (Якутия). Ещё в нескольких республиках уровень владения русским языком титульными народами был лишь немного меньше, чем в среднем по стране. При этом почти половина республик фактически не отличается по этому показателю от соседних русских регионов. В эту категорию входят все финно-угорские республики страны (Карелия, Коми, республики Предуралья и Поволжья), а также Чувашия, Калмыкия, Северная Осетия, Адыгея и Хакасия.

Выводы. В постсоветский период, несмотря на рост численности населения в пределах всего постсоветского пространства, происходит стремительное сокращение населения, свободно владеющего русским языком. Важнейшей причиной этого является уменьшение численности русского населения в целом и его миграционный отток из стран ближнего зарубежья. Данный процесс происходит на фоне радикальной демографической перестройки всего постсоветского пространства, вызванной ростом населения стран Среднеазиатско-Каспийского макрорегиона и сокращением населения других государств ближ-

него зарубежья. Итогом этой демографической перестройки стало перераспределение населения между макрорегионами постсоветского пространства в пользу тех, в которых традиционно был более низкий уровень владения русским языком.

Не менее важным фактором, влияющим на динамику распространённости русского языка в странах ближнего зарубежья, является статус русского языка в этих государствах. В тех странах, где русский язык имеет статус государственного (Республика Беларусь), официального (Казахстан и Кыргызстан) или языка межэтнического общения (Таджикистан), в первые два постсоветские десятилетия, несмотря на уменьшение русского населения, наблюдался рост численности нерусского (главным образом, титульного) населения, свободно владеющего русским языком.

Пример последствий разной языковой политики государств ближнего зарубежья представляют собой языковые процессы, протекающие в постсоветский период в Республике Беларусь и Украине. В этих странах высока доля билингвов, в равной степени владеющих русским и титульным языками. В Республике Беларусь, благодаря приданию в 1995 г. русскому языку статуса государственного, произошло значительное увеличение (более чем на пятую часть) категории населения, называемого родным русский язык, и сохраняется очень высокий уровень владения русским языком в целом. На Украине в этот период шёл ускоренный процесс этнической и языковой титулизации билингвов, что сопровождалось сокращением категории населения, свободно владеющего русским языком (по нашим оценкам, почти в полтора раза за первые два постсоветских десятилетия).

Можно отметить ещё один фактор распространённости русского языка среди нерусского населения, выявленный в результате картографического анализа на региональном уровне крупных государств. Так, в странах постсоветского пространства со значительными различиями в распределении на их территории русского населения, на региональном уровне прослеживается следующая закономерность. Повышенный удельный вес нерусского населения, свободно владеющего русским

языком, характеризует как раз те регионы, где высока доля русских (или же в целом русскоязычных, т. е. тех, кто называет родным русский язык). Таким образом, сокращение русского населения в странах ближнего зарубежья в перспективе будет вести к дальнейшему уменьшению в них категории населения, свободно владеющего русским языком. Фактор высокого статуса русского языка в ряде стран может на некоторое время замедлить этот процесс, но без ускорения интеграционных процессов на постсоветском пространстве статус русского языка в тех государствах, где уже произошло значительное сокращение русского населения, может быть понижен.

ВЛАДЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ТИТУЛЬНЫМИ НАРОДАМИ РЕСПУБЛИК РОССИИ И СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В период существования СССР значительную часть титульных народов советских республик можно было отнести к пассивным пользователям русского языка, и в данном разделе монографии поставлена следующая задача — показать, на каком уровне сейчас находится владение русским языком титульными народами молодых государств. Для решения данной задачи использовались разные источники: результаты переписей населения, итоги социологических опросов, экспертные оценки и др. Также для объективности анализа проведено сравнение уровня владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья и национальных автономий Российской Федерации, в первую очередь, её республик.

Исследование опирается, в первую очередь, на итоги переписей населения, в частности, Всесоюзной переписи 1989 г.¹³⁴, Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.¹³⁵, национальных переписей населения Украины (2001 г.¹³⁶), Республики Беларусь (1999 и 2009 г.¹³⁷), Казахстана (1999 и 2009 гг.¹³⁸), Кыргызстана

---

¹³⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php.

¹³⁵ Всероссийская перепись населения 2002 года. Том. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 20.01.2021).

¹³⁶ Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (дата обращения 20.01.2021).

(2009 г.¹³⁹), Таджикистана (2010 г.¹⁴⁰), Эстонии (2011 г.¹⁴¹) и других государств постсоветского пространства. Значительная часть этих материалов представлена на сайтах Demoscope.ru и Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹⁴². Во-вторых, для оценки степени владения русским языком титульными народами ряда постсоветских стран были применены аналитические данные группы ЦИРКОН по результатам социологического исследования «Русский язык в новых независимых государствах», проведённого в 2007 г. в рамках проекта «Евразийский монитор»¹⁴³. В-третьих, в качестве первичного материала, в случае отсутствия иных источников информации, использовались

---

¹³⁷Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию. Бюллетень. [Электронный ресурс]: URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/bul_republic.rar (дата обращения 20.01.2021).

¹³⁸Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 2. Население республики Казахстан по национальностям и владению языками. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. 272 с.; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А. А. Смаилова. Астана, 2010. 112 с.

¹³⁹Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Книга I. Основные социально-демографические характеристики населения и количество жилищных единиц. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2009. 54 с.

¹⁴⁰Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 года. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Том III. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. 537 с.

¹⁴¹Eesti Statistika. [Электронный ресурс]: URL: <https://andmed.stat.ee/et/stat> (дата обращения 20.01.2021).

¹⁴²Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 20.01.2021).

¹⁴³Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости. Аналитический отчет по результатам вторичного анализа данных. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). 2009. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf> (дата обращения 17.01.2021).

сведения по владению русским языком населением стран постсоветского пространства на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., представленные в работах А. Л. Арефьева¹⁴⁴. Оценки, данные последним автором, рассматривались критически, но в некоторых случаях принималась его точка зрения.

При проведении последней советской переписи населения 1989 г. вместе с вопросом о родном языке задавался и вопрос о свободном владении вторым языком народов СССР, в т. ч. русским языком. Чтобы оценить изменения во владении русским языком титульными народами бывших советских республик, произошедшие в постсоветское время, нами был осуществлён поиск соответствующей характеристики на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., когда проводился второй раунд переписей населения на постсоветском пространстве (в основном это период с 2009 по 2011 гг.). Однако лишь в ряде постсоветских стран, где русский язык объявлен государственным (Российская Федерация и Республика Беларусь), официальным (Казахстан и Кыргызстан) или языком межнационального общения (Таджикистан), результаты переписей населения по владению русским языком можно, но с некоторыми оговорками, использовать для сопоставления с итогами переписи 1989 г.

Формулировка вопроса в обозначенных национальных переписях отличалась от переписной анкеты 1989 г., т. к. за исключением переписей в Кыргызстане, Таджикистане и Украине, не было такого ограничения, как «второй язык» (а значит, можно было указывать русский язык и в ряду «второго, третьего» и т. д.), а также, за исключением Таджикистана, Казахстана и Украины, не была обозначена степень владения русским языком. Только в Таджикистане и Украине было предложено обозначить свободное владение русским в качестве второго языка, и это привело даже к занижению показателя по владению

---

¹⁴⁴ *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социально-прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.; *Арефьев А. Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения 20.01.2021).

русским языком на фоне итогов переписей других постсоветских стран. А вот, к примеру, в Казахстане в результатах переписи населения 2009 г. было представлено несколько вариантов степени владения русским языком («свободно пишут», «свободно читают» и «понимают устную речь»). В данном случае в качестве свободного владения русским языком в нашем исследовании был принят вариант «свободно пишут».

Ещё одной особенностью представления результатов переписей по владению русским языком в ряде стран (например, в Кыргызстане и Казахстане) было распространение на всё население итогов опроса лиц в возрасте 15 лет и старше. Но, как, например, отмечает А. Л. Арефьев, реальное владение русским языком среди детей и подростков этих стран было заметно ниже обозначенного в итогах переписей¹⁴⁵. А значит, в Казахстане и Кыргызстане были несколько завышены итоговые цифры по владению русским языком среди всего населения этих государств.

В переписях населения Республики Беларусь основное внимание уделяется не владению русским языком, а его использованию в семье, в быту. Для этого выявляется «язык, на котором обычно разговаривают дома». Однако этот показатель не может быть сопоставлен с итогами переписи населения 1989 г. Как отмечает А. С. Соколов, необходимость введения начиная с 1999 г. данного вопроса в анкету переписей в Республике Беларусь «была вызвана неоднозначной трактовкой понятия «родной язык», отсутствием понимания у значительной части населения родного языка как языка, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде»¹⁴⁶. Тем не менее, в итогах переписи Республики Беларусь 2009 г. имеется дополнительная информация о свободном владении населением другими языками, в т. ч. и

---

¹⁴⁵ Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социально-го прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 84, 100.

¹⁴⁶ Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и ее динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Том 6 (16). Вып. 4. С. 66.

русским, что позволяет по результатам данной переписи оценить суммарную долю белорусов, свободно владеющих русским языком.

Невозможность прямого использования итогов переписей населения других постсоветских стран, где не обозначен статус русского языка или же он объявлен иностранным, связана с тем, что там для положительного ответа на вопрос о владении русским языком в реальности достаточно самого низкого уровня владения им. Так, например, согласно итогам переписи населения Эстонии 2011 г., русским языком как иностранным владело 544 695 эстонцев, т. е. 60 %, что является чрезмерно завышенной величиной на фоне итогов последней советской переписи населения 1989 г., когда «свободное владение русским как вторым языком» обозначило только 34,6 % представителей титульной национальности республики.

По этой причине в нашем исследовании степень владения русским языком титульными народами большинства постсоветских государств на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. оценивалась с помощью социологических опросов, проведённых в рамках проекта «Евразийский монитор» в 2007 г. Исключение составили Узбекистан и Туркменистан, где данные опросы не были проведены, и потому нами были взяты за основу справочные сведения о владении русским языком в этих странах, представленные в работах А. Л. Арефьева¹⁴⁷.

Экспертные оценки А. Л. Арефьева также опираются на итоги социологических исследований в странах постсоветского пространства, однако представленная им статистика не всегда соответствует результатам опросов, проведённых в рамках проекта «Евразийский монитор» в 2007 г. В спорных случаях приоритет отдавался той информации, которая была получена в результате обозначенного социологического исследования.

---

¹⁴⁷ *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социально-прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.; *Арефьев А. Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения 20.01.2021).

В качестве фиксируемых ответов в исследовании нами были выбраны только два, которые могут в той или иной мере соответствовать вопросу о владении русским языком, заданному во время переписи 1989 г. Это ответы «свободно говорю, пишу и читаю на русском языке» и «свободно говорю и читаю, но пишу с ошибками». Но несовпадение формулировок с вопросом, заданным в 1989 г., не позволило сделать однозначный выбор в пользу одного из этих двух вариантов, хотя результаты нашего исследования дают в большей мере право склоняться в сторону первого варианта ответа.

Методика оценки доли представителей титульных народов российских республик и постсоветских стран, свободно владеющих письменным или устным русским языком, была следующей. В Российской Федерации для расчёта доли титульных народов республик, владеющих русским языком, напрямую использовались итоги переписей населения 2002 и 2010 гг. В других государствах постсоветского пространства расчёт этого показателя был более сложным и опирался на результаты социологического исследования 2007 г. Сначала, по итогам переписи населения 1989 г. определялась доля нерусского и, вместе с тем, нетитульного населения республик, свободно владеющего русским языком. Предполагалось, что эта доля не должна значительно измениться к концу первого десятилетия XXI в. Собственно для расчета обозначенных показателей использовалась национальная статистика по результатам переписей и учётов населения раунда 2009–2011 гг., или же в ряде государств давалась оценка на 2010 г. (в Узбекистане, Туркменистане, Украине, Грузии и Молдове, во всех случаях — в границах советских республик на 1989 г.).

Следующим шагом в исследовании был расчёт численности населения (по этнической статистике за 2009–2011 гг.), владеющего русским языком, в соответствии с итогами социологических опросов 2007 г. Далее, из общего количества лиц, свободно владеющих письменным или устным русским языком, вычиталась численность русского населения и представителей других этнических групп, свободно владеющих русским языком

(исходя из оценки их доли на 1989 г.). Соответственно, определялась численность и доля титульного населения постсоветских стран, свободно владеющего письменным или устным русским языком. Полученные результаты были сопоставлены с итогами переписи 1989 г. и переписей населения ряда государств ближнего зарубежья: Украины (2001 г.), Республики Беларусь (2009 г.), Казахстана (2009 г.), Кыргызстана (2009 г.) и Таджикистана (2010 г.).

Кроме того, для построения карты по свободному владению русским языком титульными народами национальных автономий Российской Федерации (2002 г.) и стран ближнего зарубежья был осуществлён расчёт данного показателя по итогам раунда переписей населения на рубеже XX и XXI вв. Причём для Казахстана и Украины этот показатель был рассчитан на уровне областей по официальной статистике переписей населения соответственно на 1999 и 2001 гг.

Оценка степени владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья. По итогам переписи населения 1989 г. около 20 % белорусов, проживающих на территории своей республики, называли русский родным языком, а свободно владели им в качестве родного или второго языка свыше 80 % (рис. 53).

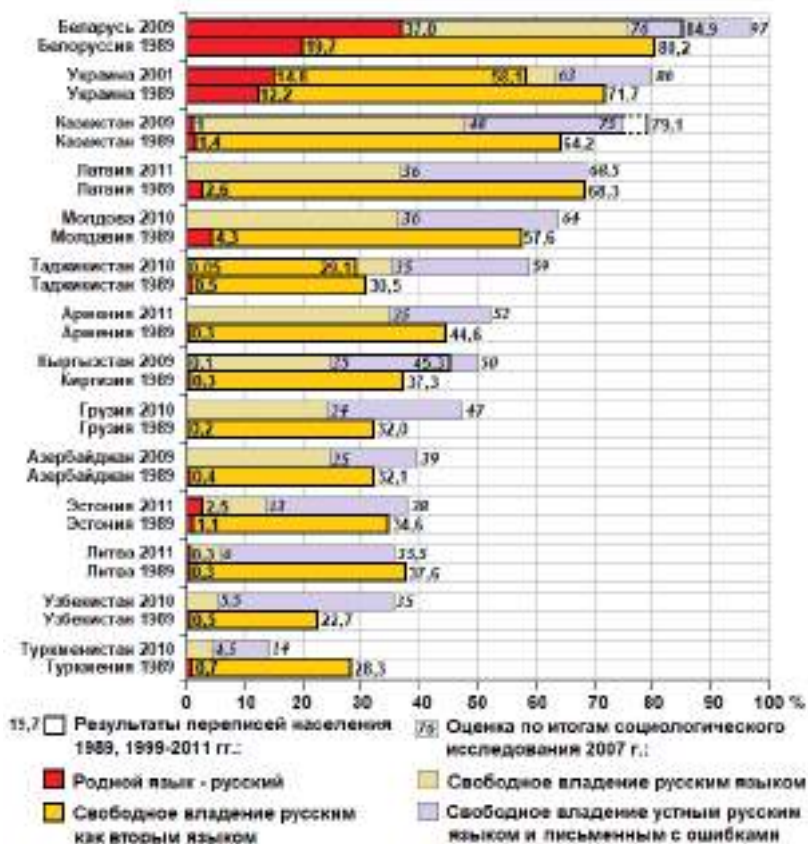

Рис. 53. Владение русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья по итогам Всесоюзной переписи населения и 1989 г., а также переписей и социологических опросов населения на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. (в границах республик до распада СССР)

Следует отметить, что в начальный период независимости Республики Беларусь происходило уменьшение числа её граждан, признающих русский родным языком. Но ситуация изменилась после 1995 г., когда в результате референдума русский

язык получил статус государственного языка Республики Беларусь. Начался быстрый рост численности граждан республики, называющих русский родным языком. По итогам переписи населения 2009 г. русский язык в качестве родного признали 37 % белорусов, при этом 70 % отметили, что обычно на нём разговаривают дома. Ещё 15,2 % белорусов назвали русский в качестве второго языка, которым свободно владеют.

Таким образом, в 2009 г. свободное владение русским языком обозначило 85 % белорусов, проживающих в Республике Беларусь. Фактическое же владение русским языком, если следовать данным социологического исследования 2007 г., ещё выше (на уровне 97 %), и мало отличается от уровня владения русским языком большинством титульных народов республик Российской Федерации. Но нужно отметить, что речь идёт о свободном владении устным русским языком, при этом свободное владение письменным русским несколько меньше (примерно 76 %), и даже ниже, чем степень «свободного владения русским как родным и вторым языком» согласно переписи 1989 г. Как считает А. С. Соколов¹⁴⁸, в данной ситуации лучше опираться на результаты социологических опросов населения, чем данные переписи, на что имеется сразу несколько причин. При этом нужно отметить, что городское население Республики Беларусь является фактически полностью русскоязычным.

В Республике Беларусь языковый вопрос является политизированным, и ответы на вопросы, связанные с использованием белорусского и русского языков, зависят от целого ряда факторов, в т. ч. от отношения к власти. Важным фактором, который положительно отразился на росте уровня владения русским языком представителями титульной национальности, стало пополнение этой категории населения за счёт лиц, которые в советский период относили себя к русским, а в постсоветский период предпочли сменить свою этническую идентичность на титульную. Так, с 1989 по 2009 гг. доля русских в населении республи-

---

¹⁴⁸Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и ее динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Том 6 (16). Вып. 4. С. 79.

ки уменьшилась с 13,2 до 8,3 %. Смена этнического самосознания облегчается вследствие фактического двуязычия значительной части населения, использующего «трасянку» (русско-белорусскую смешанную речь). Всё это в совокупности приводит к тому, что более точно языковую ситуацию в Республике Беларусь отражают не переписи населения, а социологические опросы. Хотя очевидны и минусы последних, т. к. они не позволяют проследить различия во владении русским языком на региональном и тем более локальном уровнях.

На Украине по итогам переписи населения 2001 г. по сравнению с 1989 г. также немного увеличилась доля представителей титульной национальности, называющих русский язык родным — с 12 % почти до 15 %. Но при этом резко сократилась доля украинцев (с 71 до 58 %), которые обозначили свободное владение русским языком. Хотя, как показывают результаты социологических опросов, реальный уровень владения русским языком несколько выше, но в целом отмеченный тренд является ожидаемым следствием языковой политики государства в постсоветский период. Что же касается роста доли украинцев, называющих родным русский язык, то здесь, как и в Республике Беларусь, сказалось пополнение титульного населения частью биэтнофоров (со смешанной русско-украинской идентичностью), которые в конце советского периода называли себя русскими. За первое постсоветское десятилетие доля биэтнофоров увеличилась с 30 до 41 %¹⁴⁹, и в дальнейшем ожидается сохранение этого тренда, а в структуре биэтнофоров будет продолжаться увеличение доли тех, кто определяет себя украинцами.

Если следовать результатам переписи населения 2009 г. в Казахстане, то можно сделать вывод, что за постсоветский период заметно вырос удельный вес казахов, свободно владеющих русским языком (с 64 до 79 %). Однако результаты социологических опросов не подтверждают такого значительного роста

---

¹⁴⁹ Митрофанова И. В., Суций С. Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 50.

этого показателя. Как отмечает А. Л. Арефьев¹⁵⁰, на результатах переписи отразилось то, что на вопрос о владении языками отвечали только лица 15 лет и старше. Владение русским языком среди детей и подростков в возрасте до 14 лет более чем в два раза ниже, чем среди взрослых, и потому принятый в итогах переписи удельный вес казахов, свободно владеющих русским языком, сильно завышен. Фактическая доля казахов, свободно владеющих русским языком, оценивается примерно на 7–9 % меньше, т. е. на уровне 70–72 %. Но даже этот показатель выше, чем в результатах переписи населения 1989 г., и к тому же заметно превышает долю казахов, свободно владеющих русским письменным языком по итогам социологических исследований.

Как и в Казахстане, в Кыргызстане перепись населения 2009 г. по сравнению с 1989 г. зафиксировала рост доли титульного населения, свободно владеющего русским языком (с 37 до 45 %). Но и здесь на всё население распространялись результаты опроса лиц в возрасте 15 лет и старше. Поэтому реальная доля киргизов, свободно владеющих русским языком в 2009 г., едва ли была выше аналогичного показателя по итогам переписи 1989 г.

Более объективной можно признать динамику в период с 1989 по 2010 гг. удельного века титульного населения, свободно владеющего русским языком, в Таджикистане, где произошло его небольшое падение — с 30,5 до 29 %. Но по причине значительного роста населения республики наблюдалось абсолютное увеличение, хотя и небольшое, численности таджиков, свободно владеющих русским языком. Важно отметить, что в этой стране, как и на Украине, в переписи населения фиксировался ответ на вопрос, аналогичный вопросу переписи 1989 г., т. е. «свободное владение русским как вторым языком».

В остальных странах ближнего зарубежья на период 2009–2011 гг. владение русским языком титульными народами рассчитано только по результатам социологических опросов, или же, в Узбекистане и Туркменистане, по данным, представлен-

---

¹⁵⁰ Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 84.

ным А. Л. Арефьевым¹⁵¹. Титульные народы двух последних стран отличаются наиболее низкой степенью владения русским языком на всём постсоветском пространстве. Также невысоким уровнем владения русским языком характеризуются титульные народы стран Закавказья — Армении, Грузии и Азербайджана. При этом, судя по результатам опросов, этот уровень за первые два постсоветских десятилетия не претерпел резкого снижения, хотя и обозначился тренд на уменьшение данного показателя. Нужно отметить, что в советское время одним из важнейших каналов распространения русского языка в республиках Средней Азии и Закавказья была служба в армии. В постсоветское время его заменил новый канал — это трудовые миграции в Россию.

В Молдове и странах Балтии за постсоветское время также произошло уменьшение степени владения русским языком титульными народами государств, а точнее, в них достаточно низкой стала доля тех, кто свободно владеет письменным русским языком. При этом удельный вес представителей титульных народов данных стран, владеющих русским устным языком, остается на уровне «свободно владеющих русским как вторым языком» в 1989 г. Лидерами по владению русским языком среди этих народов остаются, как и в советское время, латыши и молдаване. Главной причиной этого является рассредоточенность относительно многочисленного русского населения и русскоязычных представителей иных этнических групп в пределах обозначенных стран (данные по Молдове рассмотрены в границах до распада СССР, включая Приднестровье). Иная ситуация в Эстонии, где также сохраняется высокой доля тех, кто называет русский родным языком — 28,5% (по переписи 2011 г.). Но при этом русскоязычное население сконцентрировано в уезде Ида-Вьурмаа и столице страны с окружающими её территориями (уезде Харьюмаа). Соответственно, на остальной территории Эстонии нет постоянного контакта эстонцев с русскоязычным населением, за исключением туристов из России, а для общения

---

¹⁵¹ *Арефьев А. Л. Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. С. 7. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения 20.01.2021).*

с последними достаточно минимального уровня владения русским языком.

В целом же сравнительный анализ итогов переписей населения в странах ближнего зарубежья и результатов опросов их жителей свидетельствует о том, что более логичным является сопоставление доли титульных народов республик согласно переписи 1989 г., «свободно владеющих русским как родным и вторым языком», с удельным весом титульного населения постсоветских государств в начале XXI в., «свободно владеющего письменным русским языком» в соответствии с итогами социологических исследований. На наш взгляд, с данными показателями по итогам переписи населения 1989 г. в большей степени сопоставимы результаты переписей населения Украины (2001 г.), Республики Беларусь (2009 г.) и Таджикистана (2010 г.), и были завышены эти показатели в итогах переписей населения Казахстана (2009 г.) и Кыргызстана (2009 г.).

Русский язык как родной и степень владения русским языком титульными народами республик Российской Федерации. В ходе Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. выявлялось население, называющее русский язык родным и владеющее русским языком. Нами была рассчитана доля представителей титульных народов 21 республики Российской Федерации (по состоянию на 2002 и 2010 гг.), называющих русский родным языком и владеющих русским языком, по итогам переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. Но, в отличие от переписи 1989 г., в итогах постсоветских переписей не было обозначения уровня владения русским языком (как, например, в 1989 г. — «свободное владение»), а также не было задано такого ограничения, как «второй язык». На рисунке 54 представлены результаты сравнения итогов переписей 1989 и 2010 гг. по данным характеристикам, рассчитанным вне зависимости от места проживания этих народов в пределах Российской Федерации.

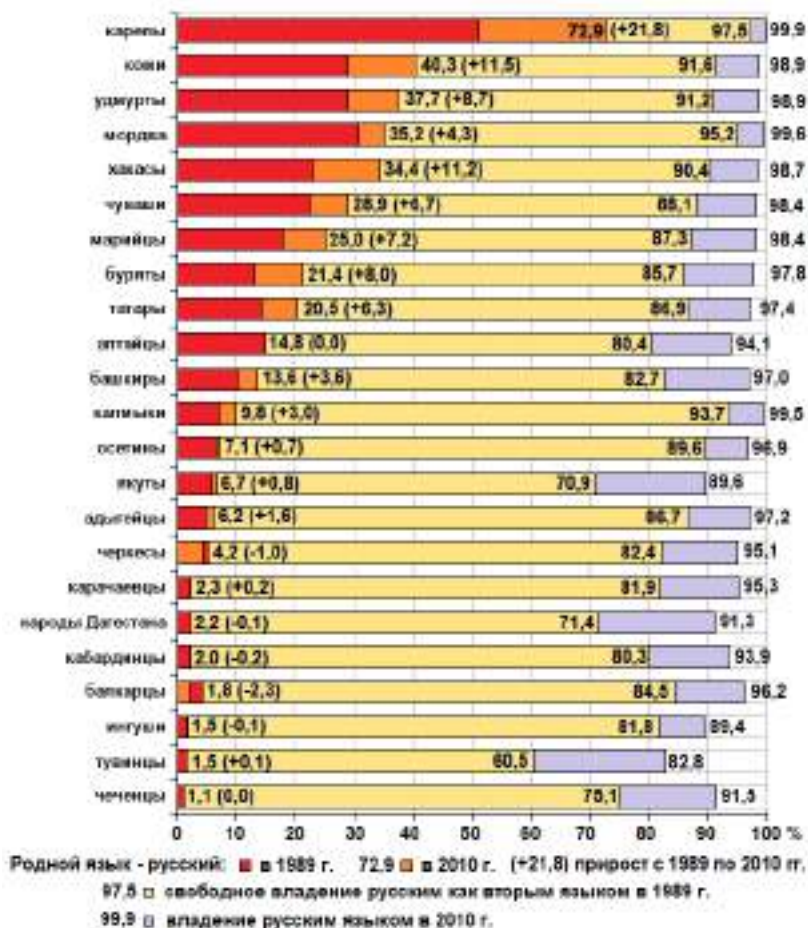

Рис. 54. Владение русским языком титульными народами республик России, проживающими в пределах всей страны, по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г.

Различия во владении русским языком титульными народами российских республик к 2010 г. стали не столь существен-

ными по сравнению с 1989 г., и в большинстве случаев удельный вес владеющих русским языком превышал 90 %. Исключения составили три народа — тувинцы, ингуши и якуты (саха). С формальной точки зрения можно говорить о значительном росте степени владения русским языком титульными народами республик Российской Федерации, но некоторое сомнение в правильность этого вывода вносят результаты анализа, проведённого нами в первой части статьи на примере титульных народов постсоветских государств. Более объективной можно считать динамику в постсоветский период удельного веса представителей титульных народов республик России, называющих русский родным языком. Поэтому в первую очередь обратим внимание на изменение именно этого показателя в постсоветский период.

Очевидное лидерство по признанию русского языка родным удерживают карелы, один из наиболее малочисленных титульных народов республик России, и к тому же составляющих всего 7 % населения своей республики (2010 г.). Также в первую четвёрку этносов по данному показателю входят коми, удмурты и мордва. Именно эти народы России являются наиболее подверженными ассимиляции со стороны русского этноса. Можно сразу обратить внимание на то, что все эти народы проживают в европейской части России, относятся к финно-угорской группе уральской языковой семьи и традиционно исповедуют православную религию. Перечень народов с почти такими же характеристиками продолжают марийцы (седьмое место), но среди последних высока доля приверженцев марийской традиционной религии.

Среднюю часть списка занимают народы тюркской и монгольской групп алтайской языковой семьи, традиционными религиями которых являются ислам и буддизм (за исключением православных чувашей). Данную категорию народов замыкают ираноязычные осетины (13-е место), большей частью исповедующие православие. Нижнюю часть списка составляют преимущественно народы кавказской языковой семьи (чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, адыгейцы и большинство этносов Да-

гестана), в основном исповедующие ислам. Также в этой группе оказалось четыре тюркских народа — балкарцы, карачаевцы, якуты (саха) и тувинцы. Здесь особо нужно выделить якутов, лишь формально принявших православие при сохранении своих традиционных верований, и тувинцев, основной религией которых является буддизм-ламаизм. Также можно вспомнить, что стаж пребывания Тувы в Российской Федерации составляет немногим более трёх четвертей века — она вошла в состав СССР только в 1944 г. И в целом народы, расположенные в нижней части списка, проживают на окраинных территориях России, относительно поздно вошедших в её состав.

Почти во всех титульных народах республик России с 1989 по 2010 гг. повысилась доля представителей, называющих русский язык родным. Особенно значительный рост произошёл в верхней части рассмотренного списка (лидеры — карелы с приростом свыше пятой части представителей этноса), вплоть до девятой позиции, занимаемой татарами. Минимальный прирост этой части народов наблюдается в нижней части списка, причём в ряде случаев произошло даже уменьшение доли данной категории представителей этносов: более значительное — среди балкарцев и черкесов; менее заметное — среди ингушей, кабардинцев и народов Дагестана.

Кроме отмеченных факторов (места проживания народов, определяющие длительность их контакта с русским населением, религиозный состав населения, языковая группа и семья и т. д.), на признание русского языка в качестве родного влияет также степень концентрации представителей определённых национальностей в пределах своих республик, т. н. «индекс концентрации» титульных народов республик России в границах своих национальных образований (табл. 8). Этот же фактор сказывается на степени владения русским языком данными народами в целом. Согласно итогам переписи населения 2010 г., наибольшей концентрацией в пределах своих республик характеризуются народы, национальные автономии которых находятся на окраинных, чаще приграничных, территориях России: якуты, балкарцы, кабардинцы, тувинцы и алтайцы.

Таблица 8

Индекс концентрации титульных народов республик России в пределах своих национальных образований по итогам переписи 2010 г.

Титульные народы республик России с высоким индексом концентрации в своих республиках (свыше 90 %)	Индекс концентрации, %	Титульные народы республик России со средним индексом концентрации в своих республиках (от 80 до 90 %)	Индекс концентрации, %	Титульные народы республик России с низким индексом концентрации в своих республиках (менее 80 %)	Индекс концентрации, %
Якуты	97,6	Карачаевцы	89,0	Черкесы	77,2
Балкарцы	96,2	Калмыки	88,7	Карелы	74,9
Кабардинцы	94,9	Коми	88,7	Удмурты	74,3
Тувинцы	94,5	Хакасы	87,2	Башкиры	74,0
Алтайцы	92,7	Осетины	87,0	Буряты	62,2
		Ингуши	86,7	Чуваши	56,7
		Адыгейцы	85,9	Марийцы	53,2
		Народы Дагестана	85,2	Мордва	44,8
		Чеченцы	84,3	Татары	37,9

Большинство народов с низким коэффициентом концентрации в своих республиках располагает своими национальными автономиями в европейской части страны, и имеет большой стаж проживания в составе России. Также сказываются другие исторические факторы, раздробившие ареалы основного проживания этих народов, в т. ч. в результате миграции, на несколько частей (карелы, буряты и др.). Особо в этом плане нужно отметить татар и мордву, более половины которых изначально проживали за пределами организованных для них республик.

На рисунке 55, в соответствии с результатами переписи 2010 г., представлено сравнение доли титульных народов республик России, называющих родным русский язык, в зависимости от проживания в пределах или вне территории своих республик. Почти нет различий по данному показателю только среди карелов, проживающих в своей республике или вне её. Также не

очень большой разрыв между данными категориями представителей этносов можно отметить для удмуртов, марийцев, чувашей и бурятов.

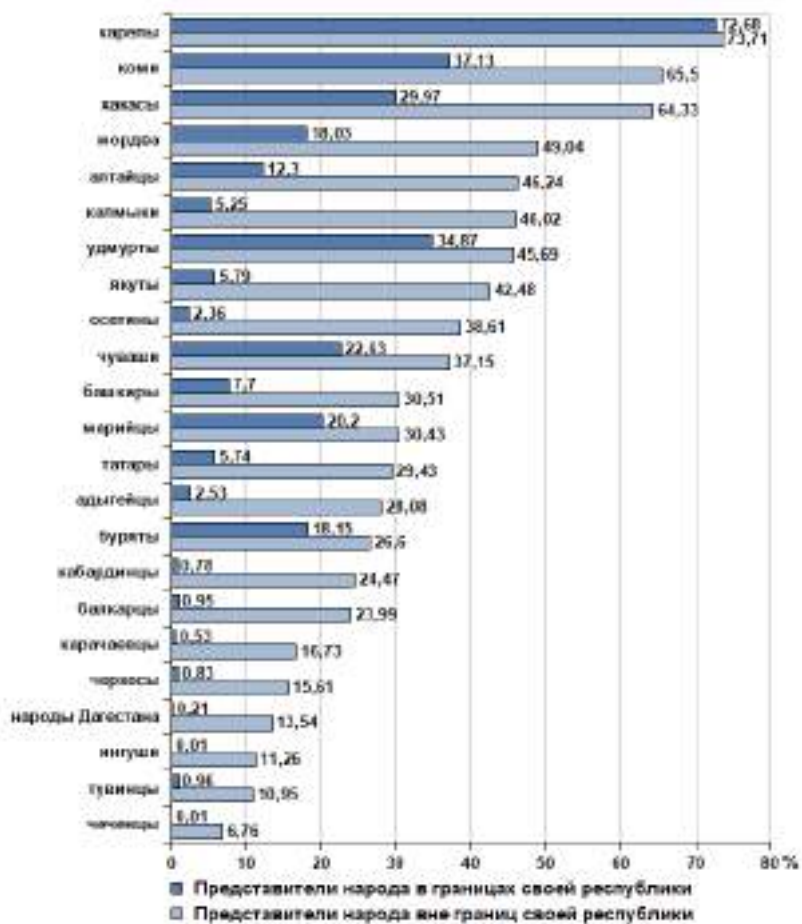

Рис. 55. Доля представителей титульных народов республик России, называющих родным русский язык, в зависимости от проживания в своих национальных образованиях и за их пределами, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.

В остальных случаях данный разрыв очень большой, т. е. представители большинства народов достаточно легко ассимилируются русским этносом вне пределов своих республик, при этом в заметно меньшей степени подвергаются данным процессам внутри своих национальных автономий. Соответственно, имеет достаточно большое значение, в т. ч. и на отображенных на рисунке 2 показателях, какая часть представителей народов проживает внутри или вне своих республик. И с этой точки зрения важно отметить, что в постсоветское время многими исследователями отмечается процесс «стягивания» титульных народов автономий Российской Федерации в свои национальные образования.

Что же касается значительного увеличения с 1989 по 2010 гг. доли представителей народов, владеющих русским языком, то, скорее всего, данный рост связан с включением в переписях постсоветского периода в эту категорию лиц, которые в социологических опросах фигурируют как «свободно владеющие устным русским языком и письменным с ошибками». Особенно это касается тех народов, в которых в обозначенный период фактически не увеличился или даже уменьшился удельный вес лиц, называющих русский язык родным. В связи с этим едва ли правомерно напрямую сравнивать тех, кто «свободно владел русским как родным и вторым языком» в 1989 г., и «владел русским языком» в 2002 или 2010 гг. То есть, на наш взгляд, выявляемый на Всероссийских переписях населения уровень владения русским языком в большей степени соответствует сумме двух категорий респондентов (со «свободным владением письменным и устным русским языком» и «свободным владением устным русским языком и письменным с ошибками»), определяемых в этот период с помощью опросов населения в странах ближнего зарубежья.

Региональные различия по владению русским языком титульными народами республик России и стран ближнего зарубежья. На рисунке 56 отображён удельный вес представителей титульных народов республик Российской Федерации и

стран ближнего зарубежья, владеющих русским языком, на рубеже XX и XXI вв.

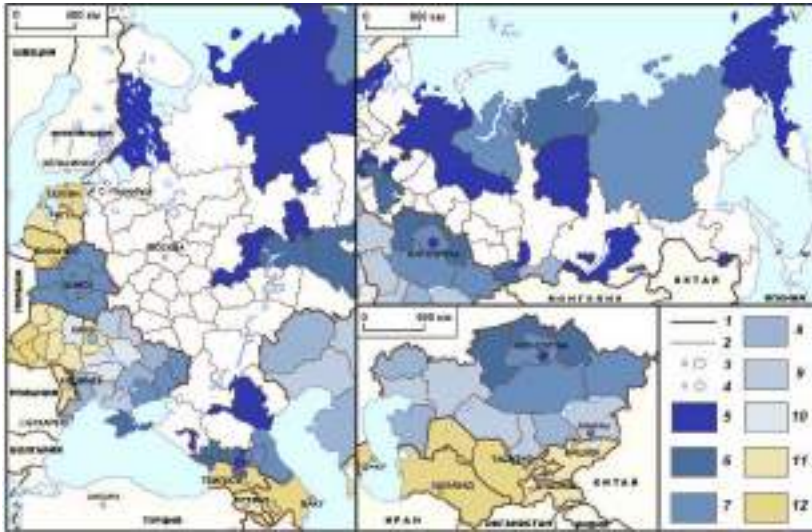

Рис. 56. Доля представителей титульных народов республик России и стран ближнего зарубежья, владеющих русским языком (на рубеже XX и XXI вв.)

Границы на начало XXI в.: 1 — государств; 2 — регионов (национальных образований России, областей Украины и Казахстана, непризнанных республик постсоветского пространства); 3 — столицы государств; 4 — прочие крупные города; доля представителей титульных народов государств и национальных автономий, владеющих русским языком, %: 5 — свыше 95, 6 — от 90 до 95; 7 — от 80 до 90, 8 — от 70 до 80, 9 — от 60 до 70, 10 — от 50 до 60, 11 — от 40 до 50, 12 — менее 40.

В большинстве государств ближнего зарубежья доля представителей титульных народов, владеющих русским языком, показана на основании расчётов по итогам социологического исследования 2007 г. Как отмечено выше, именно данная характеристика, по нашему мнению, в большей мере соответствует аналогичному показателю по владению русским языком титульными народами национальных автономий Российской Федерации по итогам переписи населения 2002 г. Исключение составили

две страны ближнего зарубежья, а именно, Казахстан и Украина, где на уровне регионов республик представлена доля казахов и украинцев, свободно владеющих русским языком, согласно итогам переписей населения 1999 г. и 2001 г., соответственно.

Региональные различия по владению русским языком титульными народами Украины и Казахстана почти полностью повторяют географию расселения в этих государствах как русско-го, так и в целом и русскоязычного населения. На территории Украины по этим показателям по настоящее время лидируют области юго-востока страны и столица, в Казахстане — северные и восточные области, новая и бывшая столицы государства. В этих же регионах повышена доля представителей титульных народов, считающих родным русский язык.

Таким образом, наблюдается зависимость степени владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья от удельного веса проживающих в них носителей русского языка. В качестве дополнительного фактора можно рассматривать долю городского населения в регионах, т. к. именно в городских поселениях сконцентрировано русскоязычное население. Статус русского языка в этих государствах также играет важную роль, но он зависит от политической конъюнктуры и не является столь стабильным фактором, как формируемая естественным образом русскоязычная среда делового и культурного общения. Именно по этой причине развернувшийся в постсоветский период массовый миграционный отток русского и русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья сильно подорвал позиции русского языка в них, которые едва ли возможно компенсировать особым статусом русского языка в некоторых из этих государств.

Выводы. Сравнение итогов переписей населения стран постсоветского пространства с результатами переписи 1989 г. привело к выводу, что нельзя напрямую отождествлять категории лиц, ответивших положительно на вопрос о владении русским языком в переписях советского и постсоветского периодов. Причиной этого являются разные формулировки вопросов о владении русским языком в переписных анкетах, на чём сказыва-

вается также и статус русского языка, являющийся отражением языковой политики государств ближнего зарубежья. Лишь в ряде стран, где русский язык был объявлен государственным (Республика Беларусь), официальным (Казахстан и Кыргызстан) или языком межнационального общения (Таджикистан), результаты переписей населения по владению русским языком можно напрямую сопоставлять с итогами переписи 1989 г.

Именно в тех трёх странах, где русский имеет статус государственного или официального языка, в постсоветский период переписи населения зафиксировали рост уровня владения русским языком среди титульных народов. Также значительный рост уровня владения русским языком был отмечен переписями населения 2002 и 2010 гг. у титульных народов республик Российской Федерации. Хотя, скорее всего, заметная часть этого прироста связана с изменением формулировки вопроса о владении русским языком, позволяющая дать положительный ответ при более низком уровне владения им по сравнению с переписью 1989 г., когда фиксировалось «свободное владение русским как родным или вторым языком».

В результате исследования выявлена зависимость степени владения русским языком титульными народами стран ближнего зарубежья от доли проживающего в них русскоязычного населения. То есть важнейшим фактором сохранения роли русского языка на постсоветском пространстве является формируемая естественным образом русскоязычная среда делового и культурного общения. Статус русского языка в государствах ближнего зарубежья на данный момент также связан с долей русскоговорящего населения, но при этом сильно зависит от политической конъюнктуры. Произошедшее после распада СССР резкое уменьшение русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья может стать в перспективе достаточно серьёзным тормозом интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКОГО (КАЗАХСТАНСКО- СРЕДНЕАЗИАТСКОГО) РЕГИОНА¹⁵²

А. Г. Манаков

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Фактически сразу же после распада Советского Союза произошёл всплеск интереса к изучению этнической обстановки в государствах ближнего зарубежья, включая страны, которые в политических науках ныне принято относить к Центрально-Азиатскому региону. Этот регион включает пять молодых государств: Казахстан, Кыргызстан (Киргизию), Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан (Туркмению). В Советском Союзе при экономическом районировании страны выделялись отдельно Казахстан и Средняя Азия (включала четыре советских республики). Поэтому для советского периода мы будем использовать другое название региона — Казахстанско-Среднеазиатский.

---

¹⁵²Раздел подготовлен на основе публикаций: *Манаков А. Г.* Основные тренды в трансформации этнического пространства Центрально-Азиатского макро-региона с 1897 по 2017 г. // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 53–64. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-1-5; *Манаков А. Г., Теренина Н. К., Хохрин А. Г.* Оценка перспектив этнодемографической трансформации Центральной Азии в соответствии с геополитическими сценариями развития // Известия Русского географического общества. 2022. Т. 154. № 1. С. 17–27. DOI: 10.31857/S0869607122010062; *Манаков А. Г.* Трансформация этнического пространства в странах Центральной Азии в постсоветский период // География и природные ресурсы. 2021. № 2. С. 167–177. DOI: 10.15372/GIPR20210218; *Manakov A. G.* Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 // Regional Research of Russia, 2020, Vol. 10, No. 4, pp. 584–592. DOI: 10.1134/S2079970520040176.

В последние три десятилетия в Центрально-Азиатском регионе произошла радикальная перестройка этнического пространства, что необходимо учитывать при разработке стратегии интеграции постсоветских государств, в т. ч. в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и проекта «Большое евразийское партнёрство». Не исключено, что в случае углубления евразийской интеграции регион вновь поменяет своё название, т. к. господствующее в настоящее время название «Центральная Азия» не оправдано с географической точки зрения из-за расположения региона не в центре Азии, а на границе Азии с Восточной Европой. И более оправданным с этой точки зрения является название региона «Центральная Евразия».

Многочисленные публикации по этнической тематике в пределах Центрально-Азиатского региона, касающиеся постсоветского периода его развития, можно разделить на три основные группы, имеющие преимущественно этнодемографическую, этносоциологическую и геополитическую направленность. Первая группа — это исследования, посвящённые изучению вопросов естественного и механического движения населения, изменения национального и конфессионального состава населения новых государств¹⁵³.

---

¹⁵³ *Алейников М. В., Боровиков И. Е.* Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е г. XX века) // Мир Евразии. 2013. № 2 (21). С. 2–7; *Ата-Мирзаев О., Гентике В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. 252 с.; *Бондарцова Т. М., Гуменчук О. Н.* О тенденциях в численном и национальном составе населения республики Казахстан // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 408; *Майемер А. М.* Динамика населения и национальный состав Западно-Казахстанской области республики Казахстан // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № Т20. С. 1301–1305; *Молодов О. Б.* Трансформация этнолингвистического пространства современного Таджикистана // Этнос. Общество. Цивилизация. Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 82–85; *Муртазаева Р. Х.* Миграционные процессы в условиях глобализации и их влияние на национальный состав населения Республики Узбекистан // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 5–1 (36). С. 73–75; *Субботина И. А.* Русские в Казахстане: миграционная ситуация накануне и после

К примеру, в работе И. С. Савина¹⁵⁴ рассмотрена история русской миграции в Казахстан. Русские стали уезжать из Казахстана уже с конца 1960-х гг., чему уже тогда способствовала политика более активного привлечения «национальных кадров». Но пик оттока русских пришёлся на первую половину 1990-х гг. Среди главных причин выезда русскоязычного населения из Казахстана автор называет «социальное» давление, которое включает в себя разрушение привычной социально-экономической и культурно-информационной среды. Во-вторых, это исследования, посвящённые изучению этнической идентичности населения постсоветских государств, адаптации русского населения к новым условиям, или же оценке миграционного потенциала русскоязычного населения, особенно молодёжи. По данной проблематике были подготовлены коллективные монографии и научные сборники в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН¹⁵⁵, Институте стран СНГ¹⁵⁶ и др.

распада СССР // Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. С. 154–175; *Суций С. Я.* Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 22–37; *Федорко В. Н., Курбанов Ш. Б.* Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия Географического общества Узбекистана. 2018. Т. 54. С. 42–53; *Шустов А. В.* Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии (1990-е — первое десятилетие 2000-х гг.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 5. С. 98–115.

¹⁵⁴*Савин И. С.* Русские в современном Казахстане // Социологические исследования. 2010. № 8 (316). С. 81–88.

¹⁵⁵Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк / Гинзбург А. И., Остапенко Л. В., Савоскул С. С., Субботина И. А. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. 101 с.; Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах / Остапенко Л. В., Савоскул С. С., Субботина И. А. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996. 199 с.; Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / Под ред. С. С. Савоскул. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 1997. 363 с.

Особое внимание уделяется положению русских в Казахстане и Киргизии с оценкой перспектив развития ситуации¹⁵⁷. Авторы отмечают такие тенденции, как постепенный отказ русского населения от советской идентичности и усиление роли этнической идентичности. Но, несмотря на усилия властей, значительная часть нетитульного населения не вполне отождествляет себя с новой государственной идентичностью. Проблемы русскоязычного населения Узбекистана, связанные в первую очередь с притоком в города титульного населения, имеющего другие социокультурные установки, рассмотрены в работах¹⁵⁸. Аналогичные вопросы, касающиеся русского населения, проживающего в Центральной Азии, интересуют зарубежных исследователей¹⁵⁹.

Третья группа исследований касается рассмотрения функционирования русского языка в странах Центральной Азии с точки зрения интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В ряде публикаций рассматриваются возможности

---

¹⁵⁶Русскоязычные в Центральной Азии: социальный портрет / Ред. Затулин К. Ф. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. 288 с.

¹⁵⁷Золотухин С. А. Особенности адаптации русских в Казахстане // Социологические исследования. 2012. № 2 (334). С. 99–103; Субботина И. А. Динамика миграционных настроений русской молодежи Киргизии // Этносоциология вчера и сегодня. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016. С. 146–151; Молодов О. Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 95–102; Молодов О. Б. Формирование идентичности населения современного Кыргызстана // The Newman in Foreign Policy. 2017. № 38 (82). С. 71–73.

¹⁵⁸Абдуллаев Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Диаспоры. 2006. № 2. С. 6–35; Абдуллаев Е. В. Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 7–10; Цыряпкина Ю. Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификации (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 18–28.

¹⁵⁹Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100; Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 267–288.

использования русского языка как фактора «мягкой силы» в странах Центральной Азии¹⁶⁰. При этом авторы отмечают, что русское языковое пространство быстро сужается, что препятствует дальнейшим интеграционным процессам России с государствами Центральной Азии¹⁶¹.

Наше исследование предполагает несколько иной взгляд на этнические процессы, происходящие в постсоветское время в Центрально-Азиатском регионе. Это взгляд с позиции отечественной культурной географии, где за последнюю четверть века были разработаны новые концепции и методы исследования. Центрально-Азиатский регион стал полигоном для работы сразу двух новых методик, разработанных нами в рамках проекта «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы». Первая методика касается выделения основных компонентов территориальной структуры этнического пространства постсоветских стран, где учитываются одновременно компоненты территориальной структуры Русской и национальных геоэтнокультурных систем. Вторая методика позволяет дать оценку степени трансформированности этнического пространства постсоветских стран благодаря сравнительному анализу динамики двух главных компонентов этнической структуры населения этих государств — русских и титульных народов республик.

Полигоном для обработки двух этих методик вне пределов Российской Федерации стал Центрально-Азиатский макрорегион, который, в отличие от Восточно-Европейского макрорегиона

---

¹⁶⁰ *Лебедева М. М.* «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 47–55; *Молодов О. Б.* Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 93–100; *Новосёлов Д. А., Кротов А. В.* Переход Казахстана на латиницу как опасность для «мягкой силы» России // Псковский регионологический журнал. 2018. № 1 (33). С. 3–9; *Шульга Е. П.* Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 6 (34). С. 54–60.

¹⁶¹ *Молодов О. Б.* Интеграция России и государств Центральной Азии: лингвистический аспект // Дневник АШПИ. 2015. № 31. С. 139–143.

(европейских стран ближнего зарубежья), характеризуется более сложной этнодемографической историей и более значительным разнообразием компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства. В частности, была изучена трансформация этнического пространства Центрально-Азиатского макрорегиона по нескольким периодам, начиная с переписи населения 1897 г., и заканчивая последней советской переписью населения 1989 г. Результаты данного изучения были представлены в серии статей в научных журналах. Так, сравнение итогов переписей населения 1897 и 1926 гг. показало существование некоторых несоответствий в этнической картине Средней Азии в дореволюционный и советский периоды¹⁶². При этом осуществлённое в 1920-е гг. национально-государственное размежевание Средней Азии задало почти на весь советский период основные тренды в трансформации этнокультурного пространства данного макрорегиона¹⁶³. Трансформация этнического пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона была рассмотрена между переписями населения 1939 и 1959 гг.¹⁶⁴, 1959 и 1970 гг.¹⁶⁵, 1970 и 1989 гг.¹⁶⁶.

---

¹⁶² *Манаков А. Г.* Особенности территориальной структуры этнического пространства Средней Азии на рубеже XIX и XX столетий // Псковский регионо-логический журнал. 2020. № 3 (43). С. 42–57. DOI: 10.37490/S221979310008989-0.

¹⁶³ *Манаков А. Г.* Национально-государственное размежевание Центральной Азии в 1920-е гг.: современный взгляд с позиции концепции этнокультурного пространства // Известия Русского географического общества. 2020. Том 152. № 2. С. 3–16. DOI: 10.31857/S0869607120020044.

¹⁶⁴ *Манаков А. Г.* Сдвиги в территориальной структуре этнокультурного пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона в период с 1939 по 1959 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки. 2020. № 16. С. 55–71.

¹⁶⁵ *Манаков А. Г.* Территориальная структура этнокультурного пространства Казахстана и Средней Азии по итогам переписей населения 1959 и 1970 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 1 (41). С. 51–66. DOI: 10.37490/S221979310008534-0.

¹⁶⁶ *Манаков А. Г., Хохрин А. Г.* Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 55–70. DOI:

Изучение трансформации этнокультурного пространства Центрально-Азиатского региона в постсоветский период опирается на статистику по национальному составу населения по итогам переписей и учётов населения. В первую очередь, это последняя советская перепись населения 1989 г., результаты которой представлены на сайте demoscope.ru¹⁶⁷. Во-вторых, это итоги переписей и учётов населения стран Центральной Азии в постсоветское время, которые отражены на сайте [Population statistics of Eastern Europe & former USSR](http://pop-stat.mashke.org/)¹⁶⁸. В качестве завершающей анализ динамики даты выбран 2017 г., по которому имеется национальная статистика на региональном уровне по большинству стран Центральной Азии. Исключения составляют Таджикистан и Туркменистан, по которым имеются данные только на 2010 г., поэтому по этим двум странам нами дана оценка численности и доли титульного и русского населения на 2017 г.

Методология исследования. Двумя основными компонентами этнической структуры населения стран Центральной Азии являются титульные этносы и русские. В исследовании делается упор на анализе пространственной составляющей динамики этих двух этнических компонентов, для чего используется разработанная в отечественной культурной географии концепция геоэтнокультурных систем (ГЭКС).

Понятие ГЭКС было предложено в монографии С. Я. Суцкого и А. Г. Дружинина «Очерки географии русской культуры»¹⁶⁹. Геоэтнокультурная система представляет собой целост-

---

10.37490/S221979310008580-1.

¹⁶⁷ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=4 (дата обращения 14.08.2021); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=76 (дата обращения 14.08.2021).

¹⁶⁸ Population statistics of Eastern Europe & former USSR [Электронный ресурс]. – <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 14.08.2021).

¹⁶⁹ Суцкий С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

ную, относительно устойчивую пространственно-временную реальность, географическую результирующую этногенеза и культурогенеза. Основными компонентами территориальной структуры ГЭКС являются: ядро, периферия, этноконтактная зона и социокультурное (или этнокультурное) поле. Авторы концепции отмечают, что «определение любой территории как ядра, периферии, контактной зоны и т. д. окажется корректным лишь применительно к определённой геоэтнокультурной системе. Ведь в пределах планетарной оболочки развиваются и функционируют не просто различные, но и разноуровневые геоэтнокультурные системы, поэтому территория, выступающая в одном случае как контактная зона, в иной ситуации предстаёт ядром и т. п.»¹⁷⁰.

Опираясь на итоги переписи населения 1989 г., авторы концепции ГЭКС отнесли всю территорию Казахстана и Киргизии к этноконтактным зонам (ЭКЗ), имеющим разные культурные доминанты. Так, северные области Казахстана отнесены к ЭКЗ с доминантой русской культуры, запад республики — с равновесием русской и местной культуры, средняя часть — с преобладанием местной культуры, южная часть Казахстана вместе с Киргизией и восточной частью Узбекистана — с доминантой местной культуры. Остальные две республики (Туркмения и Таджикистан), а также большая часть Узбекистана были отнесены к социокультурному полю Русской ГЭКС.

Эти же территории были рассмотрены и с точки зрения развитости национальных ГЭКС, где учитываются как их пространственные характеристики («компактность» или «несобранность»), так и степень выраженности национальной специфики, в т. ч. её конфессиональная составляющая (ислам в национальных ГЭКС Центральной Азии). Так, национальные ГЭКС Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Казахстана были отнесены к компактным, среднеразвитым, отличным по конфессии, с чёткой национальной спецификой (кроме Казахстана, где отмечено значительное присутствие русской компоненты). Национальная

---

¹⁷⁰ Там же, с. 24.

ГЭКС Туркмении была отнесена к среднеразвитым, с рельефной национальной спецификой¹⁷¹.

На наш взгляд, о развитости национальных ГЭКС может свидетельствовать степень выраженности их этнических ядер, оценку которой и предлагается осуществить в данном исследовании. При этом нужно учесть, что столицы республик Центрально-Азиатского региона, особенно в советское время, формально могли не входить в этническое ядро национальных ГЭКС из-за высокой доли русского населения в них. Тем не менее, они всегда играли роль социокультурных центров национальных ГЭКС, что подчёркивали и авторы концепции ГЭКС.

В ходе детализации концепции ГЭКС¹⁷² нами было предложено ввести количественные критерии для разграничения основных компонентов территориальной структуры Русской ГЭКС. В первую очередь, это доля русского населения, соответствующая 90, 75 и 50 %, а также зеркальные первым двум показателям 25 и 10 %. Так, первый и второй показатели являются критериями для разграничения ЭКЗ двух классов: «слабо выраженных» и «ярко выраженных»¹⁷³. Благодаря внедрению данных количественных показателей можно выделить моноэтническое ядро, контактную зону, внутреннюю и внешнюю периферию, сильное и слабое социокультурное поле Русской ГЭКС. Такие же критерии применимы и для выделения основных компонентов территориальной структуры национальных ГЭКС. В данном исследовании нами предложена общая схема территориальной структуризации этнического пространства постсоветских стран,

---

¹⁷¹ Там же, с. 99.

¹⁷² *Манаков А. Г.* Территориальная структура этнокультурного пространства Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2019. № 1 (37). С. 84–98.

¹⁷³ *Манаков А. Г.* Пространственные закономерности в трансформации этнической структуры населения России в период между переписями 1959 и 2010 годов // География и природные ресурсы. 2019. № 2. С. 13–21; *Манаков А. Г.* Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 2. С. 117–128.

объединяющая компоненты территориальной структуры Русской и национальных ГЭКС (табл. 9).

Таблица 9

Компоненты территориальной структуры этнического пространства постсоветских стран (в соответствии с концепцией ГЭКС)

Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства	Компоненты территориальной структуры национальных ГЭКС	Доля представителей титульного этноса	Компоненты территориальной структуры Русской ГЭКС	Доля русских
Моноэтническое ядро национальной ГЭКС	Моноэтническое ядро	Свыше 90 %	Слабое социокультурное поле	Менее 10 %
Ярко выраженное этническое ядро национальной ГЭКС	Ярко выраженное этническое ядро	От 75 до 90 %	Сильное социокультурное поле	От 10 до 25 %
Средне выраженное этническое ядро национальной ГЭКС	Средне выраженное этническое ядро	От 50 до 75 %	Внешняя периферия (внешняя ЭКЗ)	От 25 до 50 %
Слабовыраженное ядро национальной ГЭКС	Слабо выраженное ядро	От 25 до 50 % (перевес над русским населением)	Внешняя периферия (внешняя ЭКЗ)	От 25 до 50 %
Наложение периферий Русской и национальных ГЭКС (ярко выраженная этноконтактная зона) с русской этнической доминантой	Внутренняя периферия	От 25 до 50 % (перевес русского населения)	Внешняя периферия (внешняя ЭКЗ)	От 25 до 50 %
Внутренняя периферия Русской ГЭКС с явной русской доминантой	Внешняя периферия	От 25 до 50 %	Внутренняя периферия (внешняя ЭКЗ)	От 50 до 75 %
Контактная зона мегаядра Русской ГЭКС	Этнокультурное поле	Менее 25 %	Контактная зона мегаядра (внутренняя ЭКЗ)	От 75 до 90 %
Этническое ядро Русской ГЭКС			Этническое ядро	Более 90 %

Результаты исследования. В 1989 г. в среднеазиатских республиках и Казахстане проживало свыше 49 млн чел., из которых 9,5 млн составляли русские (19,4 % всего населения республик). По доле русских заметно выделялись Казахстан (37,8 % при 39,7 % казахов, 5,8 % немцев и 5,4 % украинцев) и Киргизия (21,5 % при 52,4 % киргизов и 12,9 % узбеков). Лидерами по доле титульных этносов были Туркмения (72 % при 9,5 % русских и 9 % узбеков) и Узбекистан (71,4 % при 8,4 % русских, 4,7 % таджиков и 4,1 % казахов). Но наименьшая доля русских была в Таджикистане (7,6 % при 62,3 % таджиков и 23,5 % узбеков).

Распределение регионов и главных городов этих республик по основным компонентам этнического пространства на 1989 г. отражено на рисунке 57. Области Казахстана и Киргизии на рисунке даны в современных границах. В 1997 г. в Казахстане была проведена административно-территориальная реформа, коснувшаяся в основном областей с преобладаем русского населения. Тогда же в качестве новой столицы Казахстана был объявлен город Астана (бывший Целиноград, ныне Нур-Султан). В результате административно-территориальной реформы области северо-восточной части республики были укрупнены, и не осталось ни одной области, где на тот момент явно преобладало бы русское население. Так, по итогам переписи населения 1999 г. небольшой перевес русского населения над титульным сохранялся только в пяти областях (Северо-Казахстанской, Павлодарской, Костанайской, Карагандинской и Акмолинской), а также в г. Алматы. При этом не было ни одного региона, где доля русских достигала бы половины населения.

Рис. 57. Компоненты территориальной структуры этнического пространства Центрально-Азиатского региона по итогам переписи населения 1989 г.

Цифрами обозначены: **1** — современные границы государств, **2** — границы республики Каракалпакстан, **3** — границы областей (в Казахстане и Киргизии — современные, остальные — на 1989 г.); **4** — бывшие областные границы в Казахстане (упраздненные в 1997 г.); этнические ядра национальных ГЭКС: **5** — моноэтнические, **6** — ярко выраженные, **7** — средне выраженные, **8** — слабо выраженные; **9** — наложение периферий Русской и национальных ГЭКС с русской доминантой; **10** — внутренняя периферия Русской ГЭКС.

Однако в 1989 г. доля русских, даже в постреформенных границах регионов, превышала 50 % сразу в двух областях (Восточно-Казахстанской и Северо-Казахстанской). Также русские составляли свыше половины населения Целинограда, Алма-Аты и Фрунзе (ныне Бишкек). Именно эти города и две области Казахстана составляли перед распадом СССР внутреннюю периферию Русской ГЭКС. Ещё в четырёх областях северо-восточной части Казахстана, а также в Чуйской области Киргизии доля

русского населения превосходила 40 %, и это было выше, чем доля титульного населения. Эти территории образуют особую категорию, характеризующуюся наложением периферий Русской и национальных ГЭКС с русской этнической доминантой.

К категории слабо выраженных этнических ядер национальных ГЭКС можно было отнести столицы Узбекистана и Таджикистана, две юго-восточные области Казахстана, а также Каракалпакскую АССР, где доля каракалпаков тогда составляла 32 % (при 32,8 % узбеков и 1,6 % русских). Все остальные территории региона перед распадом Советского Союза можно было отнести к сильному и слабому социокультурному полю Русской ГЭКС, и, вместе с тем, к средне и ярко выраженным этническим ядрам национальных ГЭКС.

В анализируемый период (с 1989 по 2017 гг.) численность населения всех государств Центральной Азии выросла почти на 43 % (до 70 млн чел.). Лидером по росту населения стал Таджикистан, где население увеличилось на 74,5 %. Вторым по приросту населения стал Узбекистан (на 62 %), третьей — Туркменистан (на 56 %). Менее, чем в полтора раза, выросло население Киргизии (на 44 %). На этом фоне становится заметным сравнительно невысокий прирост населения Казахстана — всего на 8,8 %. Очевидно, что главным фактором быстрого роста населения государств Центральной Азии в постсоветское время был естественный прирост коренного населения. Заметное отставание Казахстана от других стран Центральной Азии по приросту населения было вызвано значительным оттоком русскоязычного населения. В то же время властями Казахстана была инициирована репатриация этнических казахов из-за рубежа (Монголии, Афганистана и др. стран)¹⁷⁴, но она явно не могла компенсировать большой миграционный отток нетитульного населения. Динамика численности населения государств Центральной Азии на региональном уровне отражена на рисунке 58.

---

¹⁷⁴ *Алейников М. В., Боровиков И. Е.* Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е г. XX века) // Мир Евразии. 2013. № 2 (21). С. 2–7.

Рис. 58. Динамика численности населения с 1989 по 2017 гг. Цифрами обозначены: 1 — современные границы государств, 2 — границы Республики Каракалпакстан, 3 — современные границы областей; увеличение численности населения: 4 — на 75 % и более, 5 — от 50 до 75 %, 6 — от 25 до 50 %, 7 — от 10 до 25 %, 8 — до 10 %; 9 — уменьшение численности населения.

Обращает на себя внимание значительное уменьшение численности населения на северо-востоке Казахстана, который всегда отличался наиболее высокой долей русского населения. Исключение составила новая столица Казахстана, где население выросло в три с половиной раза исключительно за счёт притока титульного населения. В этот период проводилась политика властей по привлечению «южных» казахов в города севера республики¹⁷⁵. Значительный рост населения в пределах Казахстана можно видеть только в Мангистауской области на западе рес-

¹⁷⁵ *Алейников М. В., Боровиков И. Е.* Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е г. XX века) // Мир Евразии. 2013. № 2 (21). С. 2–7.

публики, в Южно-Казахстанской области и в бывшей столице — Алматы. Относительно небольшой прирост населения характеризует и области Кыргызстана и Узбекистана, ранее отличающиеся высокой долей русского населения.

С 1989 по 2017 гг. суммарная численность русского населения государств Центральной Азии уменьшилась почти вдвое — с 9,5 до 4,8 млн. Лидером по сокращению русского населения стал Таджикистан (на 94 %, оценка), далее по уменьшению количества русских по порядку следовали Туркменистан (на 70 %, оценка), Кыргызстан (61 %), Узбекистан (55 %) и Казахстан (42 %). Интенсивность сокращения русского населения была наименьшей в северных областях Казахстана, но это было связано с большой его изначальной численностью, фактически же именно эти области потеряли больше всего русских жителей в абсолютном исчислении. Наибольшее сокращение русского населения в абсолютных цифрах пришлось как раз на те страны, где в советское время была наиболее высока их численность, а именно, на Казахстан (до 3,6 млн в 2017 г., сокращение с 1989 г. на 2,4 млн), Узбекистан (до 750 тыс., уменьшение на 903,5 тыс.) и Кыргызстан (до 356,6 тыс., сокращение на 560 тыс.).

Соответственно, из-за разной базовой доли русского населения порядок этих стран по уменьшению доли русских во всём населении сильно изменяется: наиболее значительно доля русских уменьшилась в Казахстане (на 17,6 %) и Кыргызстане (15,7 %), далее с большим отрывом следуют Туркменистан (7,5 %, оценка), Таджикистан (7,3 %, оценка) и Узбекистан (6,0 %). В целом в государствах Центральной Азии доля русских с 1989 по 2017 гг. уменьшилась с 19,4 до 6,9 %, т. е. на 12,5 %.

Наибольшее падение доли русского населения пришлось на области средней и южной частей Казахстана. Лишь в двух самых русскоязычных областях на севере республики (Северо-Казахстанской и Костанайской) доля русских уменьшилась незначительно. Лидерами же по уменьшению доли русского населения стали столицы стран Центральной Азии (в Казахстане это касается и старой, и новой столицы), а также Мангистауская область на западе Казахстана и Чуйская область в Кыргызстане.

В результате значительного сокращения численности и доли русского населения и быстрого роста титульных этносов республик Центральной Азии в постсоветский период произошли радикальные изменения в территориальной структуре этнического пространства региона. Основные компоненты территориальной структуры этнического пространства стран макрорегиона на 2010-е гг. представлены на рисунке 59.

Рис. 59. Компоненты территориальной структуры этнического пространства Центрально-Азиатского региона в 2010-е гг.

Цифрами обозначены: 1 — границы государств, 2 — границы Республики Каракалпакстан, 3 — границы областей; этнические ядра национальных ГЭКС: 4 — моноэтнические, 5 — ярко выраженные, 6 — средне выраженные, 7 — слабо выраженные; 8 — наложение периферий Русской и национальных ГЭКС с русской доминантой.

Небольшой перевес русского населения сохранился только в двух северных областях Казахстана — Северо-Казахстанской и Костанайской. Они отнесены к территориям наложения периферий Русской и национальных ГЭКС с русской домини-

нантой. Фактически весь восток Казахстана стало охватывать средне выраженное этническое ядро национальной ГЭКС, а запад республики и столицу — ярко выраженное этническое ядро. Значительное укрепление этнических ядер национальных ГЭКС произошло также в Кыргызстане и Узбекистане. В частности, в этнические ядра средней выраженности были втянуты столицы этих государств. Исключение составила только Республика Каракалпакстан в Узбекистане, которая отнесена к национальной ГЭКС со слабо выраженным этническим ядром, но и там доля титульного этноса подошла вплотную к 40 % (рост на 8 % по сравнению с 1989 г.).

Опираясь на динамику основных компонентов этнической структуры населения (русских и титульных народов республик), нами предложена классификация территориальных единиц Центрально-Азиатского региона по степени этнической трансформации в постсоветский период. Для этого территориальные единицы региона были сгруппированы в зависимости от динамики доли титульных этносов и русского населения за период, прошедший после переписи населения 1989 г. (табл. 10).

Таблица 10

Оценка степени трансформации этнического пространства на территории государств макрорегиона в постсоветский период

Степень (или тип) этнической трансформации	Увеличение доли титульного народа	Уменьшение доли русских
1. Наибольшая трансформация	Наибольшее (более 30 %)	Наибольшее (более 20 %)
2. Значительная трансформация	Большое (от 20 до 30 %)	Среднее и большое (от 5 до 20 %)
3. Средняя трансформация	Среднее (от 10 до 20 %)	Среднее (от 5 до 10 %)
4. Небольшая трансформация	Среднее (от 10 до 20 %)	Малое (менее 5 %)
5. Минимальная трансформация	Малое (менее 10 %)	Малое (менее 5 %)
6. Особый тип трансформации	Малое (менее 10 %)	Среднее (от 5 до 10 %)

Обычно рост доли титульных народов опережал падение доли русского населения, что было связано с сокращением доли в населении государств Центральной Азии не только русского населения, но и других нетитульных народов, не являющихся коренными в регионе. Исключение составил Туркменистан, где рост доли титульного населения примерно соответствовал падению доли русских, поэтому эта республика выделена в особый тип трансформации этнического пространства (рис. 60).

Рис. 60. Степень трансформации этнического пространства Центрально-Азиатского региона в постсоветский период
 Цифрами обозначены: 1 — границы государств, 2 — границы Республики Каракалпакстан, 3 — границы областей; степень трансформации этнического пространства: 4 — наибольшая, 5 — значительная, 6 — средняя, 7 — небольшая, 8 — минимальная; 9 — особый тип трансформации этнического пространства.

Наибольшую трансформацию этнической структуры населения за постсоветское время испытали столицы Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, а также город Алматы, Манги-

стауская область Казахстана и Чуйская область Кыргызстана. Основным фактором этнической трансформации здесь стал значительный миграционный приток в эти города и области титульного населения, но при этом сокращение численности русского населения здесь не сильно отличалось от средних значений по республикам. Тем не менее, доля русских на фоне быстрого роста численности титульных народов сократилась многократно.

Значительную трансформацию этнической структуры населения испытало большинство областей в северной части Казахстана, столица Узбекистана, а также Иссык-Кульская область и г. Ош в Кыргызстане. В позднесоветское время эти города и области характеризовались сравнительно высокой долей русского населения, в ряде случаев превышающей долю титульного населения. Территории со средней степенью этнической трансформации охватывают северо-запад и юг Казахстана, запад Кыргызстана, Таджикистан, а также Ташкентскую и Бухарскую области Узбекистана.

Довольно интересную картину представляют две области на севере Казахстана, где произошла относительно небольшая этническая трансформация по причине низкого прироста титульного населения (в Костанайской области), или же миграционного оттока казахов (в Северо-Казахстанской области). Поэтому даже значительная миграционная убыль русского населения здесь привела лишь к незначительному падению доли русских. Ещё несколько регионов Кыргызстана, Узбекистана (включая Республику Каракалпакстан), а также Кызылординская область Казахстана пережили минимальную этническую трансформацию, что связано с изначально низкой долей некоренных народов (в т. ч. русского населения).

Выводы. Русскому населению Центральной Азии как основному носителю русского языка в Центрально-Азиатском регионе должно уделяться заметно большее внимание в разработке стратегии евразийской межгосударственной интеграции. За период с 1989 г. по 2017 г. численность населения стран Центрально-Азиатского региона увеличилась с 49 до 70 млн чел., т. е. почти на 43 %. В то же время численность русского населе-

ния в странах региона уменьшилась почти вдвое — с 9,5 до 4,8 млн, а доля русских в населении Центрально-Азиатского региона сократилась с 19,4 до 6,9 %. При этом наибольший отток русского населения пришёлся как раз на те государства, которые наиболее активно участвуют в евразийских интеграционных процессах — на Казахстан и Кыргызстан.

Проведённое исследование показало, что наибольшую этническую трансформацию в постсоветский период пережили столицы стран Центральной Азии, в которых в советское время был заметный перевес русского населения, а ныне подавляющее большинство составляют титульные этносы. Значительную этническую трансформацию испытал целый ряд ранее преимущественно русскоязычных областей Казахстана и Кыргызстана. Общим трендом происходящей трансформации являлась ускоренная моноэтнизация молодых государств, как благодаря высокому естественному приросту титульных народов, так и за счёт интенсивного миграционного оттока некоренного, в т. ч. русского населения.

Стратегия интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проекта «Большое евразийское партнерство» должна включать значительную этнокультурную составляющую, в частности, учитывающую проблемы русского населения, оказавшегося в странах Ближнего зарубежья в положении этнического меньшинства, что является главной причиной его миграционного оттока в Россию. Вместе с тем, Россия не должна рассматривать страны, активно участвующие в интеграционных процессах, в качестве демографического ресурса для пополнения русского населения страны, что чревато в перспективе затормаживанием самой евразийской интеграции. С этой точки зрения более оправдано стимулирование рождаемости в самой России, что должно стать важной составляющей внутренней политики государства.

ТРЕНДЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА С 1897 ГОДА

Данный раздел монографии посвящён выявлению основных трендов в трансформации этнического пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона за 120-летний интервал, начиная с 1897 г. (по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи), и по настоящее время (по национальной статистике за 2017 г.).

После распада Советского Союза началась радикальная перестройка этнического пространства большинства молодых государств. Но многие тренды происходящей этнической трансформации были заданы ещё в советское время и только усилились в постсоветский период. Данные процессы в полной мере проявили себя на территории макрорегиона, который сейчас обычно называют Центрально-Азиатским. Изучение трендов в трансформации этнического пространства требует значительно временного интервала, что и предполагается осуществить в данном исследовании. Оно охватывает период в 120 лет, т. е. включает часть имперского периода в этнической истории макрорегиона. Для обозначения последнего в советское время и до революции использовались разные названия: Казахстан и Средняя Азия, Средне-Азиатские владения (Киргизский край и Туркестан). В нашей ситуации, когда название макрорегиона должно представлять как можно большую часть периода исследования, наиболее подходит его обозначение как Казахстанско-Среднеазиатский регион.

Изученность проблемы. Вопросы этнодемографической истории Казахстана и Средней Азии в обозначенный временной интервал рассмотрены в большом количестве научных трудов. Первая значительная группа исследований касается проблем национально-государственного размежевания Средней Азии в

20-е гг. XX в. (например,¹⁷⁶ и др.). Вторая, ещё более многочисленная, группа исследований посвящена собственно изучению этнодемографической истории народов и республик макрорегиона (например,¹⁷⁷ и др.), а также миграций определённых этнических групп (¹⁷⁸ и др.). В современных исследованиях очень актуальной темой является изучение этнической идентичности населения Центральной Азии. Причём эта тема популярна не толь-

---

¹⁷⁶ *Алибек С. Н.* «Вторая революция в Средней Азии»: присоединение Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей к Казахской АССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 106–108; *Алимардонов М. У.* Средняя Азия и образование Таджикской АССР: национально-территориальное размежевание и автономия // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 28–35; *Бочкарёва И. Б.* Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (106). С. 22–26; *Исмаилов А. И.* Из истории спорных территорий при национально-государственном размежевании в Средней Азии в 1924–1925 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 109–111.

¹⁷⁷ *Алексеев А. Н., Аубакирова Ж. С.* Население Казахстана в 50–80-е годы XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. С. 127–142; *Аубакирова Ж. С., Кабыкаев Е.* Казахи и русские в Казахстане: демографические изменения за 50 лет // Ползуновский альманах. 2017. № 3–2. С. 32–36; *Батырбаева Ш. Д.* Демографические потери киргизского населения в годы голода в начале 30-х годов XX в. (источники и методы их изучения) // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 6. С. 172–174; *Ганиев К.* Некоторые суждения о национальном составе населения Узбекистана (на основе Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг.) // Учёный XXI века. 2017. № 1–1 (26). С. 44–47; *Игнатьева Л. Н.* Формирование населения Казахстана в конце 40-х — 50-е годы XX в. // Востокведные исследования на Алтае. 2014. № 8. С. 145–158; *Кушубеков А. Т.* Основные тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов Кыргызстана в советский и постсоветский периоды // Наука и новые технологии. 2008. № 7–8. С. 75–78; *Сарсембаева Г. А.* Этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1897, 1926 и 1939 гг. // Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы всероссийской конференции. Институт проблем освоения Севера СО РАН. 2012. С. 279–283.

¹⁷⁸ *Айдарбаева Р. К.* Демографические последствия освоения целины в Казахстане // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопред-

ко в научных кругах молодых государств (например,¹⁷⁹ и др.), но и в западной науке (например,¹⁸⁰). В данных работах также часто присутствуют экскурсы в этнодемографическую историю как титульных народов республик¹⁸¹, так и русского населения¹⁸².

Материалы и методика исследования. В качестве источниковой базы исследования выступают данные переписей населения Российской империи (1897 г.) и СССР (1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), представленные на сайте

дельных территорий в 40-х — 90-х гг. XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2019. С. 84–93; *Габдулина А. Ж.* Вопросы демографии и миграции в Казахстане: история и современность // European Scientific Conference. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. С. 13–16; *Ситнянский Г. Ю., Бушков В. И.* Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИЭА РАН, 2016. 340 с.; *Субботина И. А.* Русские в Казахстане: миграционная ситуация накануне и после распада СССР // Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. С. 154–175; *Манаков А. Г., Соснина К. В.* Динамика численности в постсоветское время и география расселения в России титульных народов стран Центральной Азии // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2021. № 17. С. 35–49.

¹⁷⁹ *Атамурзаева Б. М.* Трансформации кыргызского этноса в советский период истории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 163–168; Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. М.: Наука, 2004. 224 с.

¹⁸⁰ *Kuru A.* Between the state and cultural zones: nation building in Turkmenistan // Centr. Asian survey. Oxford, 2002. Vol. 21, No. 1. P. 71–90; *Flynn M.* Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 267–288.

¹⁸¹ *Crowe D.* The Kazaks and Kazakstan: The struggle for ethnic identity and nationhood // Focus on Kazakstan 1): history, ethnicity and society / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhunusova, S. Sabol / Nationalities papers. N.Y., 1998. Vol. 26, No. 3. P. 395–419; *Esenova S.* Soviet nationality? Identity and ethnicity in Central Asia: historic narratives and Kazakh ethnic identity // J. of Muslim minority affairs. Abingdon. 2002. Vol. 22, No. 1. P. 11–38.

¹⁸² *Davis S., Sabol S.* The importance of being ethnic: minorities in postSoviet states

demoscore.ru, а также а также результаты переписей и учётов населения стран Центральной Азии в постсоветское время, в частности, представленные на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹⁸³.

Первый раунд переписей населения постсоветских стран пришёлся на 1999/2000 гг. (в 1999 г. в Казахстане и Кыргызстане, в 2000 г. в Таджикистане). Также в 2000 г. была проведена оценка национального состава населения в Узбекистане. Исключение составил Туркменистан, где перепись населения состоялась в 1995 г. Второй раунд переписей населения (2009/2010 гг.) в Центральной Азии также охватил не все страны. Перепись населения состоялась в 2009 г. в Казахстане и Кыргызстане, в 2010 г. — в Таджикистане. Кроме того, имеется официальная оценка национального состава населения Туркменистана на 2010 г. и Узбекистана — на 2013 г.

И, наконец, для анализа современной территориальной структуры этнического пространства Центрально-Азиатского региона была использована этническая статистика за 2017 г. на уровне административно-территориальных единиц (АТЕ) Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. По Туркменистану и Таджикистану на этот год дана оценка национального состава населения на уровне государств, без территориального среза.

Для выявления основных трендов в трансформации этнического пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона с конца XIX в. по настоящее время использовался целый ряд расчётных показателей: индекс этнической мозаичности Б. М. Эккеля; индекс этнической однородности (доля титульных народов

– The case of Russians in Kazakstan // Focus on Kazakstan1): history, ethnicity and society / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhususova, S. Sabol / Nationalities papers. N.Y., 1998. Vol. 26, No. 3. P. 473–491; *Rywkin M.* Kazakstan and the rest of Central Asia: fifteen shades of difference // Focus on Kazakstan1): history, ethnicity and society / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhususova, S. Sabol / Nationalities papers. N.Y., 1998. Vol. 26, No. 3. P. 573–579; *Fierman W.* Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64, No. 6. P. 1077–1100.

¹⁸³Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 16.04.2022).

в республиках); индекс этнической концентрации (или удельный вес титульных народов макрорегиона, проживающих в пределах своих национально-государственных образований); динамика численности и доли титульных народов и этнических групп в межпереписные периоды и др. Также использовалась методика оценки степени трансформации этнического пространства макрорегиона (на уровне АТЕ).

Динамика численности населения и доли титульных этносов. С 1897 по 2017 гг. численность населения Казахстанско-Среднеазиатского региона увеличилась с 7,7 млн чел. до 70,8 млн чел., т. е. более, чем в 9 раз. Рост численности титульных этносов макрорегиона (узбеков, казахов, киргизов, туркмен, таджиков и каракалпаков) немного превысил эту величину, и их суммарная доля в начале XXI в. уже превзошла уровень конца XIX в. (рис. 61).

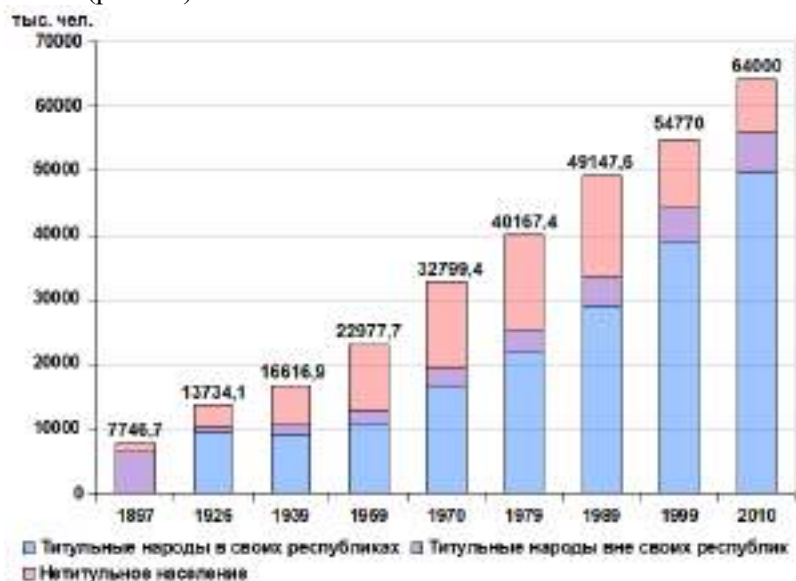

Рис. 61. Динамика численности населения Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1897 по 2010 гг.

Если в 1897 г. она составляла 82,4 % от всего населения Среднеазиатских владений Российской империи, то к 2017 г. приблизилась к 90 % населения стран Центральной Азии. В целом весь более чем вековой период этнодемографической истории макрорегиона можно разделить на два временных интервала, характеризующихся разными трендами в трансформации этнического пространства.

Переломным моментом, когда произошла смена основных тенденций в этнодемографических процессах в пределах макрорегиона, стала перепись населения 1959 г. Эта перепись зафиксировала минимальную долю титульных этносов в населении Казахстанско-Среднеазиатского региона за весь период исследования — 55,3 % (рис. 62).

Рис. 62. Изменение суммарной доли титульных народов республик Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1897 по 2010 гг.

Соответственно, до 1959 г. основным трендом трансформации этнического пространства был значительный миграцион-

ный приток населения извне макрорегиона, который заметно превышал темпы демографического воспроизводства титульных этносов Казахстана и Средней Азии. С 1959 г. данный тренд сменился на прямо противоположный. Во-первых, произошло значительное уменьшение миграционного притока извне макрорегиона, а в дальнейшем и миграционный отток нетитульного населения. Это сопровождалось демографическим взрывом коренного населения Казахстанско-Среднеазиатского региона, что стало ещё более значимым фактором быстрого роста доли титульных народов, который продолжается и в наше время.

Индекс этнической мозаичности. Миграционный приток из разных частей многонационального государства вплоть до 1959 г. вел к нарастанию полиэтничности населения Казахстанско-Среднеазиатского региона. Её можно измерить с помощью индекса этнической мозаичности (ИЭМ). Этот показатель в своё время предложил Б. М. Эккель¹⁸⁴. Данный показатель может быть рассчитан на любом территориальном уровне по формуле $ИЭМ=1-\sum (P_i)^2$, где P_i — доля i -ой национальности ($i=1,2,\dots$) в регионе исследования. Результаты расчёта ИЭМ на уровне макрорегиона по итогам всех переписей населения, начиная с 1897 г., представлены на рисунке 63.

Стремительный рост ИЭМ между переписями населения 1897 и 1926 гг. объясняется двумя причинами. Во-первых, это значительный миграционный приток населения, включая колонизацию Степи ещё в дореволюционный период. Только на территорию современного Казахстана за 1896–1916 гг. прибыло 1,5 млн переселенцев¹⁸⁵. В этот период русское и украинское население превратилось в важный компонент этнической структуры населения макрорегиона. Так, если в 1897 г. русские (великороссы) составляли только 7,5 % населения Среднеазиатских вла-

---

¹⁸⁴Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

¹⁸⁵Davis S., Sabol S. The importance of being ethnic: minorities in postSoviet states – The case of Russians in Kazakstan // Focus on Kazakstan1): history, ethnicity and society / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhusunova, S. Sabol / Nationalities papers. N.Y., 1998. Vol. 26, No. 3. P. 477.

дений Российской империи, а украинцы (малороссы) — 1,3 %, то в 1926 г. их доля выросла до 12,5 и 7 % соответственно (рис. 64 и 65).

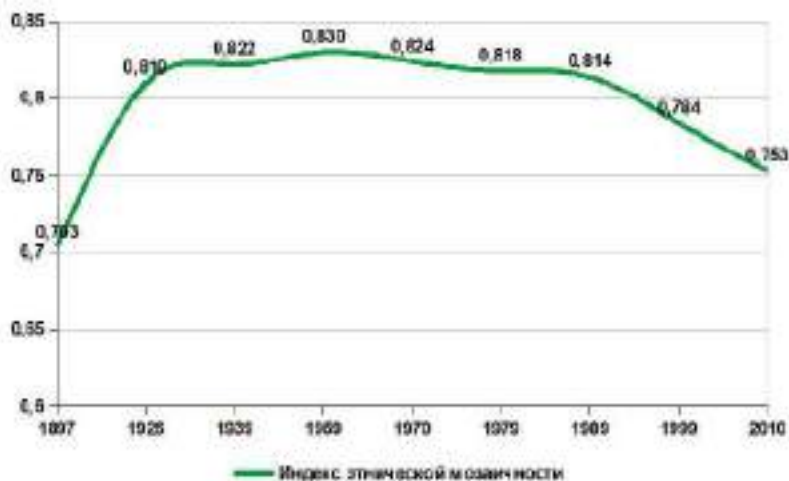

Рис. 63. Динамика индекса этнической мозаичности Казах-
станско-Среднеазиатского региона с 1897 по 2010 гг.

Второй причиной стало значительное уменьшение в пределах макрорегиона доли казахов (киргиз-кайсаков). Если в 1897 г. казахи были основным этносом в регионе (49 % от всего населения), то к 1926 г. они уступили лидерство узбекам (28,4 %), а их доля уже не дотягивала до 28 %. Кроме собственно демографических потерь казахского населения, связанного с восстанием 1916 г. и гражданской войной¹⁸⁶, нужно отметить специфику переписи населения 1897 г., которая не охватывала два ханства (Хива и Бухара), находящиеся в вассальной зависимости от Российской империи. Именно там была сконцентрирована значительная часть узбеков, что и проявилось в итогах переписи населения 1926 г.

¹⁸⁶ Crowe D. The Kazaks and Kazakhstan: The struggle for ethnic identity and nationhood // Focus on Kazakhstan 1: history, ethnicity and society / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhunusova, S. Sabol / Nationalities papers. N.Y., 1998. Vol. 26, No. 3. P. 395–419.

Таким образом, к 1926 г., когда закончился первый этап национально-государственного размежевания в Средней Азии, в пределах макрорегиона не было явного этнического лидера, о чём свидетельствует очень высокий показатель ИЭМ, превышающий 0,8. Преодоление этой отметки ИЭМ в обратную сторону произошло только в постсоветский период, а в советское время показатель оставался на крайне высоком уровне, хотя можно наблюдать перелом в его динамике, который опять же пришёлся на 1959 г. К этому времени макрорегион испытал ещё две значительные внешние миграционные волны, связанные с коллективизацией в 1930-е гг. и подъёмом целины во второй половине 1950-е гг.¹⁸⁷.

После 1959 г. наблюдается уменьшение величины ИЭМ, объясняемое отмеченным выше трендом на уменьшение миграционного притока извне, а затем переходу к миграционному оттоку нетитульного населения (особенно с 70-х гг. XX в.), переросшему в массовую эмиграцию в постсоветский период. В то же время демографический взрыв коренного населения привёл к повышению доли титульных народов, особенно узбекского этноса, превратившегося в явного лидера по удельному весу в пределах макрорегиона (свыше 43 % в 2010 г.). Снижение ИЭМ заметно ускорилось в постсоветское время и показатель стал стремительно приближаться к уровню конца XIX в.

Доля титульных народов в населении республик. В число важнейших инструментов для изучения этнодемографических процессов входит анализ динамики удельного веса титульных этносов в пределах своих национально-территориальных образований. Также этот показатель можно назвать «индексом этнической однородности». Динамика численности и доли титульных народов в населении республик Казахстанско-Среднеазиатского региона представлена на рисунках 64–67.

---

¹⁸⁷ Айдарбаева Р. К. Демографические последствия освоения целины в Казахстане // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х — 90-х гг. XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2019. С. 84–93.

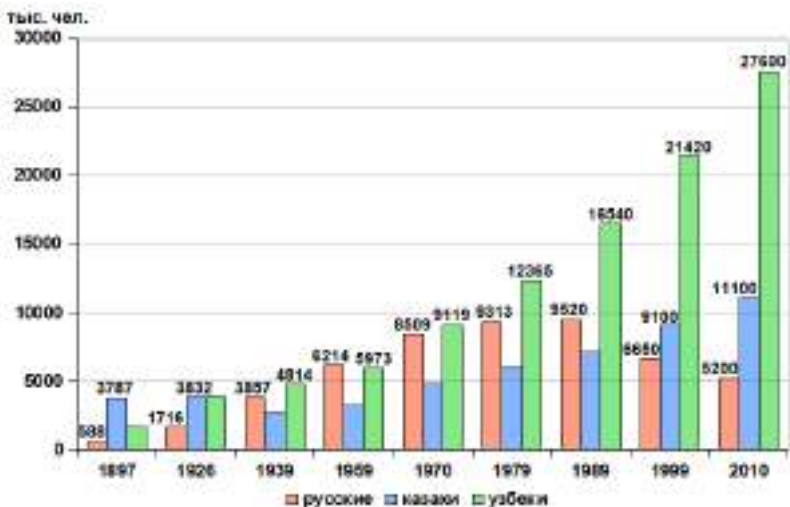

Рис. 64. Динамика численности русских, казахов и узбеков в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1897 по 2010 гг.

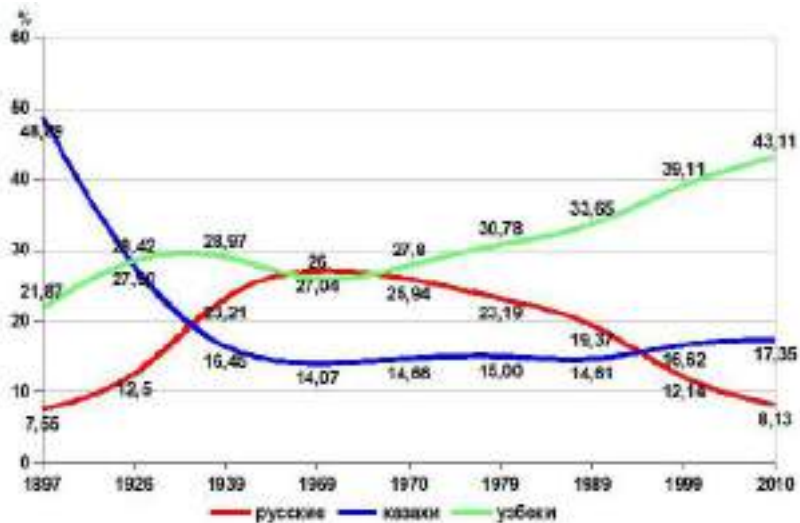

Рис. 65. Изменение доли русских, казахов и узбеков в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1897 по 2010 гг.

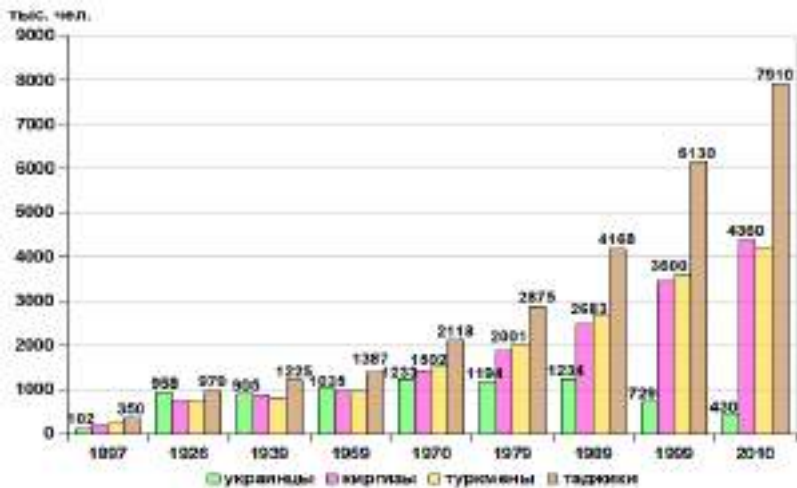

Рис. 66. Динамика численности украинцев, киргизов, туркменов и таджиков в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1897 по 2010 гг.

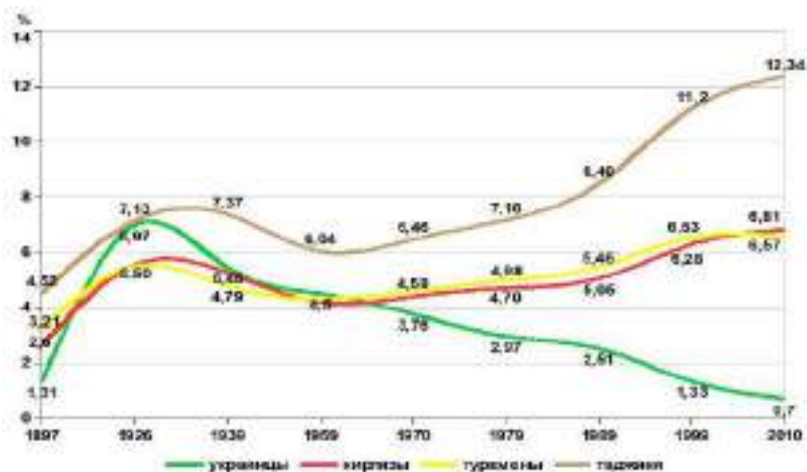

Рис. 67. Изменение доли украинцев, киргизов, туркменов и таджиков в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1897 по 2010 гг.

Выше уже были объяснены причины значительного снижения доли титульных народов во всех республиках макрорегиона с 1926 по 1959 гг. При этом можно отметить одну интересную особенность миграционных процессов. Миграции нетитульного, особенно русского населения, шли в первую очередь в города макрорегиона. Так, например, в 1939 г. городские поселения концентрировали половину русского населения, и в них почти каждый второй житель являлся русским. В 1959 г. в большинстве республиканских столиц макрорегиона доля русских составляла свыше половины населения, и их в полной мере можно было тогда назвать преимущественно русскоязычными.

Также особое внимание нужно обратить на Казахстан и Киргизию, испытавших наиболее значительное уменьшение доли титульных этносов. Вместе с большим миграционным притоком нетитульного населения (это касалось, в первую очередь, северных частей республик), здесь нужно отметить и другую причину. В период между переписями населения 1926 и 1939 гг. произошло катастрофическое сокращение численности титульного населения Казахстана. Всего за 13 лет количество казахов в республике уменьшилось с 3,7 млн до 2,3 млн чел., что и привело к уменьшению доли титульного этноса сразу на 19,3 % (с 57,1 до 37,8 %). Попытки изменения традиционного уклада жизни казахов привели не только к гибели части этноса, но и к значительному миграционному оттоку казахов в смежные республики и за границу (по оценке, до 600 тыс. чел.)¹⁸⁸.

Последующая с 1959 г. динамика доли титульных народов определялась, с одной стороны, демографическим взрывом коренного населения, с другой стороны, миграционным оттоком нетитульного населения республик. Во всех республиках, особенно в постсоветский период, быстро уменьшалась доля русских. В Таджикистане к этому добавилось резкое сокращение доли узбеков, которая в период с 1959 по 1989 гг. держалась на уровне 23 % населения республики, а к 2010 г. сократилась до

---

¹⁸⁸ *Esenova S.* Soviet nationality? Identity and ethnicity in Central Asia: historic narratives and Kazakh ethnic identity // *J. of Muslim minority affairs*. Abingdon. 2002. Vol. 22, No. 1. P. 11–38.

14 %. Таким образом, в постсоветское время явно обозначилась тенденция к концентрации титульных этносов на территориях своих государств.

Концентрация титульных народов в своих республиках. Показатель, который показывает удельный вес титульного этноса, проживающего в своем национально-территориальном образовании, от общей численности народа, проживающего в стране, называется «индексом этнической концентрации». Можно рассчитать отдельно индекс этнической концентрации титульных народов национально-территориальных образований как на уровне Казахстанско-Среднеазиатского региона, так и на уровне Советского Союза (или постсоветского пространства). На рисунке 68 представлена динамика индекса концентрации титульных народов республик на уровне макрорегиона, начиная с 1926 г., т. е. фактически сразу после национально-государственного размежевания в Средней Азии.

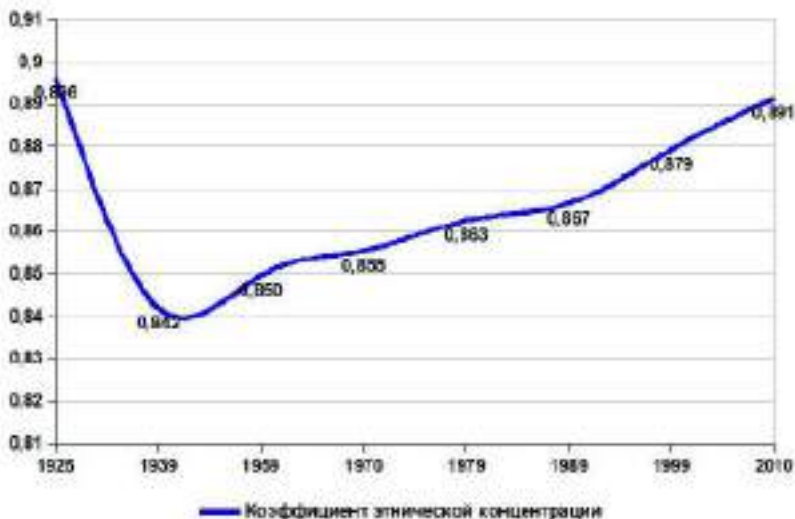

Рис. 68. Динамика коэффициента этнической концентрации титульных народов республик (в сумме) в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1926 по 2010 гг.

В отличие от динамики рассмотренных выше показателей, степень концентрации титульных народов на территории своих республик была минимальной в 1939 г., после чего начался медленный рост индекса этнической концентрации. К 2010 г. величина показателя фактически вышла на уровень 1920-х гг. Одной из важнейших причин снижения показателя с 1926 по 1939 г. являлся уже отмеченный ранее отток значительной части казахского этноса из своей республики.

Достаточно интересна динамика данного показателя в республиках по отдельности (рис. 69).

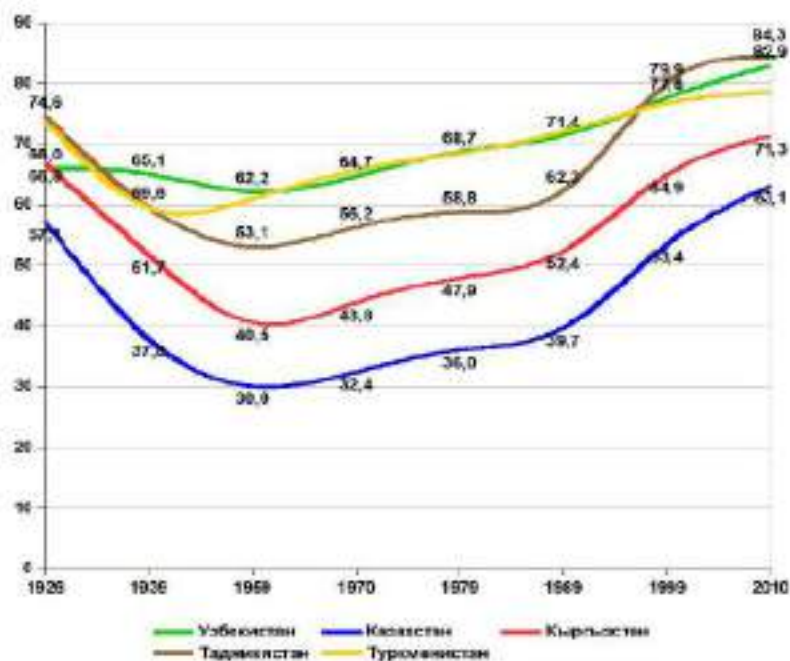

Рис. 69. Изменение доли титульных народов, проживающих в пределах своих республик, от общей их численности в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона с 1926 по 2010 гг.

Во-первых, лидерами по данному показателю на протяжении почти всего анализируемого периода выступали Туркмени-

стан и Каракалпакстан (выше 0,9), а аутсайдером — Таджикистан (менее 0,8). В Кыргызстане и Казахстане этот показатель держался на уровне около 0,9, в Узбекистане — от 0,85 до 0,9. Во-вторых, в Таджикистане и Каракалпакстане наблюдался рост показателя сразу с 1926 г. В-третьих, в конце советского периода, а именно в 1980-е гг., отмечалось небольшое падение показателя в Таджикистане, Узбекистане и Каракалпакстане. В постсоветское время можно отметить усилившийся отток узбеков (в 1990-е гг.) и киргизов (в 2000-е гг.) из своих республик, что привело к временному уменьшению в них индекса этнической концентрации.

Что же касается показателя концентрации титульных народов в пределах СССР (или постсоветского пространства), то его динамика примерно такая же, что и в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона. Тем не менее, имеется и своя специфика. Опять же, но ещё в большей степени, заметно снижение концентрации казахов в своей республике между переписями 1926 и 1939 гг. Также нужно отметить, что небольшое уменьшение показателя концентрации титульных народов произошло в 1980-е гг., причём во всех республиках, что свидетельствовало о зарождающемся новом тренде, а именно, миграционном оттоке части титульного населения макрорегиона в другие республики СССР. Правда, в постсоветское время произошло возвращение к традиционной динамике данного показателя, даже несмотря на нарастание миграционного оттока титульного населения с начала XXI в., особенно из Кыргызстана и Узбекистана, в меньшей степени — из Таджикистана.

Трансформация этнического пространства макрорегиона. В процессе разработки концепции этнокультурного пространства нами была создана методика оценки степени трансформации этнического пространства, апробированная, в частности, и в пределах Казахстанско-Среднеазиатского региона¹⁸⁹. Эта методика опирается на соотношение динамики титульных

---

¹⁸⁹ Манаков А. Г., Хохрин А. Г. Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 55–70.

народов республик и русского населения. Благодаря этой методике можно оценить основные тренды в трансформации этнического пространства региона на уровне АТЕ. На рисунке 70 представлен результат такой оценки в период между 1939 и 2017 гг. Следует отметить, что в 1939 г. административно-территориальное деление республик было очень близким к современной сетке АТЕ (особенно это касается территорий Казахстана и Кыргызстана), что облегчило задачу пространственно-временного анализа. Правда, из анализа выпали АТЕ Туркменистана и Таджикистана из-за отсутствия достоверной этнической статистики по этим государствам на 2017 г.

Рис. 70. Трансформация этнического пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона в период между 1939 и 2017 гг.

Современные границы: 1 — государств, 2 — Республики Каракалпакстан, 3 — административно-территориальных единиц; трансформация этнического пространства: 4 — наиболее радикальная, 5 — сильная, 6 — средняя, 7 — слабая, 8 — наименьшая; 9 — особый тип трансформации этнического пространства.

По степени трансформации этнического пространства макрорегиона с 1939 по 2017 гг. крупные города и прочие АТЕ республик разделены на шесть категорий: 1) *наиболее радикальная трансформация* (охватывает все крупные города; здесь доля титульных народов выросла более, чем на 40 %, а доля русских уменьшилась более, чем на 25 %); 2) *сильная трансформация* (рост доли титульных народов от 30 до 40 %, уменьшение доли русских от 20 до 30 %); 3) *средняя трансформация* (рост доли титульных народов от 20 до 30 %, уменьшение доли русских от 10 до 20 %); 4) *слабая трансформация* (рост доли титульных народов от 10 до 20 %, уменьшение доли русских от 5 до 10 %); 5) *наименьшая трансформация* (рост доли титульных народов и уменьшение доли русских не превышает 10 %); 6) *особый тип трансформации* (рост доли титульного населения не превысил 15 %, но при этом доля русских или уменьшилась незначительно, или же выросла).

Пояс областей с сильной и средней степенью этнической трансформации протянулся по югу Казахстана и северу Кыргызстана, а также включает столичную область Узбекистана. Именно эти АТЕ подверглись до 1939 г. значительной русской колонизации, после чего испытали максимальный отток русского населения. В эту же категорию входит Акмолинская область Казахстана, образующая своеобразный «островок» на севере республики. Внестоличные территории Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана, а также юго-западной части Киргизии отнесены к категории регионов с низким уровнем этнической трансформации. В этих республиках русская колонизация первой половины XX в. была ограничена переселением в города, особенно в столичные. Особый тип трансформации характеризует три области Северного Казахстана, где рост доли титульного этноса не привёл к заметному уменьшению доли русского населения. И это произошло даже несмотря на миграционный отток русских в последние десятилетия. Это объясняется достаточно высоким удельным весом в советское время в этих областях украинского и иного русскоязычного населения, которое в

постсоветский период сменило своё этническое самосознание в пользу «русских».

Выводы. В трансформации этнического пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона с конца XIX в. по настоящее время чётко выделяется два почти равных по продолжительности этапа, рубеж которых соответствует переписи населения 1959 г. На первом этапе в качестве основных трендов трансформации этнического пространства макрорегиона можно обозначить следующие: 1) повышение степени полиэтничности территории; 2) значительный миграционный приток населения извне макрорегиона (русского, украинского и др.); 3) уменьшение доли титульных народов республик. В наибольшей степени обозначенные тренды коснулись территории Казахстана и северной части Киргизии, а также всех республиканских столиц.

На втором этапе трансформации этнического пространства макрорегиона основные тренды поменяли свой знак на прямо противоположный. Господствующими стали следующие тренды: 1) повышение уровня этнической однородности территории; 2) миграционный отток нетитульного населения макрорегиона; 3) рост доли титульных народов республик; 4) повышение степени концентрации титульных этносов в пределах своих национально-государственных образований. Эти тренды характеризовали территорию всех республик Казахстанско-Среднеазиатского региона, но при этом наиболее радикальную этническую трансформацию пережили крупные города республик, области южной половины Казахстана и северной части Кыргызстана.

ПРОГНОЗ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ НА СРЕДНЕСРОЧНУЮ И ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

Этнодемографический прогноз в странах Центральной Азии осложняется отсутствием чётких среднесрочных и долгосрочных перспектив в развитии политической и социально-экономической ситуации в данном макрорегионе. Процессы естественного воспроизводства и особенно наиболее изменчивый компонент этнодемографического прогноза — миграционный обмен населения — в значительной степени зависят от геополитического сценария, которому будут следовать государства Центральной Азии в ближайшие десятилетия.

В последнее время достаточно много исследований было посвящено изучению проблем евразийской интеграции и оценке её перспектив на постсоветском пространстве (например,¹⁹⁰ и др.). Также рассматривались иные возможные геополитические сценарии развития постсоветских государств¹⁹¹. Например,

---

¹⁹⁰Белащенко Д. А., Толкачев В. В., Шоджонов И. Ф. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 543–559. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559; Вардомский Л. Б. Евразийская интеграция и большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3 (44). С. 9–26. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-9-26; Коровникова Н. А. ЕАЭС как интеграционный проект современного евразийства: принципы, особенности, сценарии // Русская политология. 2019. № 2 (11). С. 17–23.

¹⁹¹Дружинин А. Г. Классики «евразийства» о русско-тюркском взаимодействии (взгляд на прошлое, обращенный в будущее) // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 3–15. DOI: 10.37490/S221979310010263-2; Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107; Крылов А. Б., Мальшиева Д. Б. Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год // Россия и но-

в статьях Е. Н. Заборцевой¹⁹² и А. В. Михалева¹⁹³ говорится о новых геополитических подходах, отражающих международное соперничество за доминирование в бывших советских республиках Центральной Азии, оказавшихся втянутыми в «Большую игру» крупных геополитических игроков. Наибольший интерес в этом плане вызывает целый спектр сценариев развития макро-региона на среднюю и дальнюю перспективу, рассмотренных в работах А. А. Казанцева¹⁹⁴.

Именно эти геополитические сценарии взяты нами за основу при осуществлении оценки этнодемографических и языковых процессов в странах Центральной Азии на период до середины XXI в.

Авторами была разработана **методика**, позволяющая оценить ход этнодемографических процессов в ближайшие три десятилетия при условии реализации определённых геополитических сценариев. Рассматриваемый временной интервал может быть охарактеризован как находящийся на грани среднесрочного и долгосрочного прогнозов. Поэтому за основу берутся геополитические сценарии как на среднюю, так и дальнюю перспективу.

Ранее нами были выявлены основные тренды этнодемографического развития молодых государств Центральной Азии. Наша методика позволяет оценить отклонения от основной линии трендов исходя из особенностей этнодемографической ди-

---

вые государства Евразии. 2011. № 1 (10). С. 44–58.

¹⁹² *Zabortseva Ye. N.* From the “Forgotten Region” to the “Great Game” Region: On the Development of Geopolitics in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 168–176. DOI: 10.1016/j.euras.2012.03.007.

¹⁹³ *Михалев А. В.* Новая Большая игра как неокOLONиальный дискурс // *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. 2019. № 3 (36). С. 10–25. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10301.

¹⁹⁴ *Казанцев А. А.* Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего // *Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 2015. № 3 (13). С. 34–56; *Казанцев А.* Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего // *Россия и мусульманский мир*. 2016. № 7 (289). С. 51–66.

намики в постсоветский период, связанных с политической обстановкой в этих странах. К примеру, в три первых постсоветских десятилетия, согласно оценкам С. Я. Суцего, в общей убыли русского населения в Центрально-Азиатском макрорегионе доля миграционного оттока составляла от 70 до 98 % в зависимости от страны и временного интервала¹⁹⁵. При этом рекордных значений данная доля, как и миграционный отток русских в абсолютных значениях, достигла в Таджикистане в последнем десятилетии XX в., когда республика была в состоянии гражданской войны (1992–1997 гг.).

Наш прогноз этнодемографических процессов опирается на четыре основных тренда, которые стали проявлять себя ещё в позднесоветский период: 1) миграционный отток нетитульных народов республик, в т. ч. русского населения; 2) рост доли титульных этносов в молодых государствах; 3) повышение степени этнической однородности территорий; 4) рост концентрации титульных народов в своих республиках. К этим трендам добавлена выявленная нами и другими авторами главная тенденция в постсоветской трансформации русского языкового пространства, а именно, стремительное уменьшение количества людей, свободно владеющих русским языком и называющих его родным¹⁹⁶.

Оценка хода этнодемографических и языковых процессов до середины XXI в. опирается как на итоги наших исследований, в частности, включающих прогноз динамики численности населения государств Центральной Азии на этот период¹⁹⁷, так и

---

¹⁹⁵ Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.

¹⁹⁶ Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.; Манаков А. Г., Хохрин А. Г. Владение русским языком в странах постсоветского пространства: динамика с 1989 по 2010 гг. // Известия Русского географического общества. 2021. Т. 153. № 2. С. 3–17. DOI: 10.31857/S086960712102004X.

¹⁹⁷ Manakov A. G., Suvorkov P. E. Population projections for Russia and countries of Central and Eastern Asia in 21st century // Geography and Natural Resources. 2018. Vol 39. No. 1. P. 16–22. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2018-1(22-30).

результаты исследований других авторов, некоторые из которых включают прогнозы на среднесрочную перспективу. Так, в работе¹⁹⁸ изучена динамика численности населения Центральной Азии в постсоветский период на региональном уровне. Результаты анализа миграционного оттока русских из Центральной Азии, а также его прогноз до 2050 г. в Казахстане представлены в трудах С. Я. Суцего¹⁹⁹. Вопросы эмиграции из центральноазиатских государств в Россию рассмотрены в работах А. Г. Дружинина²⁰⁰, С. Н. Перемышлина²⁰¹, трудовой миграции — в статье А. А. Казанцева и Л. Ю. Гусева²⁰². Имеются работы, посвящённые образовательной миграции из стран Центральной Азии в Россию, например, статьи²⁰³ и др.

---

¹⁹⁸ Дементьев В. С. Региональные различия в динамике населения постсоветского пространства в 1989–2018 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 29–41. DOI: 10.37490/S221979310009584-5.

¹⁹⁹ Суций С. Я. Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 22–37; Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.

²⁰⁰ Дружинин А. Г. «Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 42–54. DOI: 10.37490/S221979310008579-9.

²⁰¹ Перемышлин С. Н. Современные тенденции и направления развития миграции в евразийском пространстве: политологический анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 6. С. 92–102. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-6-92-102.

²⁰² Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Возможные сценарии развития миграционных процессов в контексте евразийской интеграции // Международная аналитика. 2019. № 4 (30). С. 18–27.

²⁰³ Лобарёв Д. С., Калыкова Ч. И. Современные тенденции образовательной миграции в государствах Центральной Азии // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 92–102. DOI: 10.37490/S221979310016612-6; Теренина Н. К., Красильникова И. Н., Калыкова Ч. И. Образовательная миграция как фактор регионального демографического развития // Демография и этнокультурная география: тенденции развития в современном мире. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным уча-

Достаточно активно в научной литературе обсуждаются вопросы статуса и степени востребованности русского языка в постсоветском мире, в т. ч. в Центрально-Азиатском макрорегионе²⁰⁴. Целый ряд авторов рассматривает русский язык в качестве «мягкой силы» России в странах ближнего зарубежья²⁰⁵, обращая внимание на сокращающиеся возможности использования данного геополитического инструмента по причине чётко обозначившегося в постсоветский период сужения русского языкового пространства.

А. А. Казанцевым²⁰⁶ предложено четыре среднесрочных геополитических сценария развития Центральной Азии, которые расположены в порядке снижения их вероятности (по мнению самого разработчика). Наиболее вероятен имеющий негативную оценку сценарий *«Интенсификации новой Большой игры»*, когда в ходе обострения противостояния России и Запада в ка-

---

стием 1 октября 2021 г. Псков: Псковский государственный университет, 2021. С. 105–110.

²⁰⁴ *Боженкова Н. А., Пантелеева А. П.* Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 6–15; *Cheskin A., Kachuyevski A.* The Russian-speaking populations in the post-soviet space: language, politics and identity // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 71. No. 1. P. 1–23. DOI: 10.1080/09668136.2018.1529467; *Fierman W.* Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100; *Ivanchenko V. S., Chimiris E. S.* Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics // Political Science Issues. 2020. Vol. 10. No. 3 (42–44). P. 305–315. DOI: 10.35775/PSI.2020.42.3.005.

²⁰⁵ *Шагбанова Х. С., Бобкова Е. А.* Русский язык как язык межнационального общения на пространстве СНГ: текущее состояние и перспективы развития // Образование и право. 2018. № 12. С. 278–285; *Шульга Е. П.* Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 6 (34). С. 54–60.

²⁰⁶ *Казанцев А. А.* Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2015. № 3 (13). С. 34–56; *Казанцев А.* Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего // Россия и мусульманский мир. 2016. № 7 (289). С. 51–66.

честве новых геополитических игроков в макрорегионе начинают выступать Китай и Турция. Высокую вероятность имеет сценарий *«Постепенный упадок»*, в котором усиливают свои позиции негосударственные игроки (в т. ч. террористические, криминальные и коррупционные сети), но при этом ситуация не выходит полностью из под контроля государственных структур. Менее вероятен сценарий, имеющий характер катастрофы, а именно, *«Центральноазиатский взрыв»*, в котором главными игроками становятся обозначенные выше негосударственные структуры. И, наконец, в качестве наименее вероятного рассматривается сценарий *«Успешного международного сотрудничества»* государств Центральной Азии, в т. ч. и с Россией, включая военно-политическое сотрудничество в рамках ОДКБ, экономическую интеграцию в рамках ЕАЭС и ШОС.

После ухода американцев из Афганистана снижается вероятность реализации прозападного (проамериканского) пути развития макрорегиона как самостоятельного геополитического сценария, т. к. именно Афганистану была отведена важнейшая роль в становлении «Большой Центральной Азии» как геостратегического региона, имеющего большую важность для американских национальных интересов²⁰⁷. Для этого в стратегии США в Центральной Азии на период с 2019 по 2025 гг. была отмечена необходимость развития и укрепления сотрудничества между Афганистаном и государствами Центрально-Азиатского региона²⁰⁸. В среднесрочной перспективе геополитическая борьба Запада за Центральную Азию может быть рассмотрена как часть «Большой игры», с переходом к другим сценариям развития в дальней перспективе.

---

²⁰⁷ Гарбузарова Е. Г. Геополитические подходы к исследованию понятия «Центральная Азия» // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (4). С. 550–558. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-550-558.

²⁰⁸ United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-centralasia-2019-2025-advancing-sovereignty-andeconomic-prosperity/> (дата посещения: 25.10.2021).

Кроме обозначенных геополитических сценариев на среднюю перспективу, нами были рассмотрены пять предложенных А. А. Казанцевым долгосрочных политических сценариев развития Центральной Азии. Суть сценариев изложена в авторской интерпретации, но с небольшими корректировками с нашей стороны, связанными с последними политическими событиями в макрорегионе. В частности, нами добавлен ещё один геополитический сценарий («Тюркский мир»). Данные геополитические сценарии обычно являются продолжением среднесрочных сценариев, раскрытых выше. Однако прямого соответствия нет. Например, сценарий «постепенного упадка», по нашему мнению, может перерасти фактически в любой из шести обозначенных ниже сценариев.

Сценарий 1. *«Синоцентричный мир»*, т. е. экономическая и политическая интеграция с Китаем. В качестве условий для реализации этого сценария А. А. Казанцев называет уже состоявшийся на данный момент уход американцев из Афганистана, а также неудачи в евразийской интеграции. В частности, этот сценарий предполагает распространение китайского языка и культуры среди элиты общества государств Центральной Азии.

Сценарий 2. *«Тюркский мир»* как сценарий нового варианта пантюркистского проекта во главе с Турцией. В 2009 г. был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), который в 2021 г. переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). Ныне в ОТГ входят Турция, Азербайджан, Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан. Кроме того, странами-наблюдателями являются Туркменистан и Венгрия. Как считают А. А. Ирхин и О. А. Москаленко²⁰⁹, данный проект ныне имеет в большей мере цивилизационное (панисламистское) измерение, чем националистическое (тюркское). Но нужно отметить, что представление о главенстве как религиозного, так и тюркского

---

²⁰⁹Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.

измерения здесь нарушает Венгрия, которая присутствует в ОТГ в статусе наблюдателя.

Сценарий 3. «*Центральноазиатская интеграция*», т. е. интеграция государств Центральной Азии по европейскому образцу. Так в 1994 г. было создано Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), включающее Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан; в 1998 г. создано единое экономическое пространство (ЕЭП), к которому присоединился Таджикистан; в 2002 г. состоялось преобразование ЦАЭС в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС), но в 2005 г. она была объединена с Евразийским экономическим сообществом²¹⁰. А. А. Казанцев считает, что сейчас такой проект может быть реализован в заметно меньших масштабах в виде экономического или военного союза двух-трёх государств. Тем не менее, на наш взгляд, вероятность такого сценария повышается благодаря усилению позиций в макрорегионе Узбекистана, что может привести к реанимации данного проекта при лидирующей роли этого государства.

Сценарий 4. «*Халифат*» как геополитический сценарий развития возможен при условии роста исламского экстремизма в сочетании с межклановыми конфликтами, разворачивающимся на фоне значительных социально-экономических проблем. Данный сценарий едва ли может быть реализован в пределах всего макрорегиона и к тому же в значительной степени зависит от развития событий в Афганистане.

Сценарий 5. «*Полный распад*» в долгосрочной перспективе возможен, если в ближайшие десятилетия не удастся решить пограничные споры и внутренние конфликты в республиках, ныне балансирующих на грани «несостоявшихся государств» (наибольшей «хрупкостью» сейчас характеризуются Кыргызстан и Таджикистан). В наиболее экстремальном варианте этого

---

²¹⁰ Султанов Ш. М. Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 20–26. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-1-20-26.

сценария южная часть макрорегиона может повторить путь, ранее пройденный Афганистаном.

Сценарий 6. «*Реинтеграция постсоветского пространства*» возможна, если России в рамках евразийской интеграции в среднесрочной перспективе удастся сформировать достаточно эффективную и потому притягательную для соседних стран модель социально-экономического развития. Однако время работает против реализации данного сценария и с каждым годом такая вероятность всё более снижается.

Ниже представлена наша оценка этнодемографических и этнокультурных последствий реализации среднесрочных и долгосрочных геополитических сценариев в Центральной Азии (табл. 11).

1. Численность всего населения Центральноазиатского макрорегиона с 1989 по 2017 гг. выросла с 49,1 до 70,8 млн чел., т. е. на 44 %. Осуществлённый нами долгосрочный демографический прогноз позволил оценить численность населения Центральной Азии в 2050 г. в 88,5 млн чел. (по среднему прогнозируемому сценарию)²¹¹, что больше на 25 % по сравнению с 2017 г. Суммарная численность титульных народов республик Центральной Азии выросла в период между 1989 и 2017 гг. с 28,6 до 55,6 млн чел., т. е. почти вдвое, и их доля в населении макрорегиона увеличилась с 58,2 до 79,5 %. К середине столетия доля титульных народов государств Центральной Азии может превысить 80 млн чел., а доля в населении макрорегиона будет выше 90 %. В случае реализации негативных геополитических сценариев снижение высокого уровня рождаемости маловероятно (как результат низкого уровня жизни и исламизации населения), и продолжающийся демографический взрыв в Центральной Азии на фоне многочисленных конфликтов приведёт к массовому бегству населения из макрорегиона. С другой стороны, наиболее вероятно постепенное снижение естественного прироста титульных народов в случае усиления интеграционных процес-

---

²¹¹Manakov A. G., Suvorkov P. E. Population projections for Russia and countries of Central and Eastern Asia in 21st century // Geography and Natural Resources. 2018. Vol 39. No. 1. P. 16–22. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2018-1(22-30).

сов в рамках ЕАЭС или с Китаем, способствующих повышению уровня жизни населения в макрорегионе.

Таблица 11

Отклонения от основной линии трендов этнодемографической и языковой трансформации Центральной Азии при реализации разных геополитических сценариев на среднюю и дальнюю перспективу

Показатели, характеризующие тренды этнодемографической и языковой трансформации (или этнокультурной трансформации)	Среднесрочные геополитические сценарии					
	«Новая Большая игра»		«Постепенный упадок»	«Центральноазиатский взрыв»	«Успешное международное взаимодействие»	
	Долгосрочные геополитические сценарии					
	«Синоцентричный мир»	«Тюркский мир»	«Центральноазиатская интеграция»	«Халифат»	«Полный распад»	«Реинтеграция постсоветского пространства»
1. Темпы роста численности титульных народов	*	**	**	***	***	*
2. Темпы миграционного оттока русских	**	**	**	***	***	*
3. Темпы выезда на постоянное место жительства титульных народов	**	*	*	***	***	**
4. Темпы роста этнической однородности государств	**	**	**	*	*	*
5. Темпы роста концентрации титульных народов в своих государствах	*	**	**	*	*	*
6. Темпы уменьшения степени владения русским языком	**	***	**	***	***	*
Темпы этнокультурной трансформации в целом	**	**	**	***	***	*

Примечания: *** — ускорение процессов; ** — минимальные отклонения от основной линии тренда; * — замедление процессов.

2. Численность русского населения в пределах Центральноазиатского макрорегиона с 1989 по 2017 гг. сократилась почти в два раза — с 9,5 до 4,8 млн чел. Даже при вполне закономерном замедлении темпов убыли русского населения к середине XXI столетия его численность в Центральной Азии может уменьшиться до 2,5–3 млн чел. Это примерно на четверть меньше, чем современная численность русских в Казахстане. Поэтому прогнозируемое нами в негативных геополитических сценариях ускорение миграционного оттока русского населения будет означать почти полное выбытие русских из всех государств макрорегиона, за исключением Казахстана. Но и в Казахстане русское население будет высокими темпами покидать северные области республики, являвшиеся преимущественно русскими регионами на протяжении большей части советского периода.

3. В обозримой перспективе будет сохраняться тенденция к активной эмиграции из Центральной Азии, охватывающей все направления, включая трудовую и образовательную миграцию с перспективой остаться в стране пребывания. В случае реализации катастрофических геополитических сценариев безудержный демографический рост населения и многочисленные конфликты спровоцируют неконтролируемый массовый отток населения, который несёт реальные угрозы безопасности России.

4. В позднесоветское время (начиная с 1959 г.) и в постсоветский период по мере увеличения доли титульных народов республик Центральной Азии росла степень их этнической однородности. На наш взгляд, темпы данного процесса могут существенно замедлиться как при реализации наиболее негативных, так и позитивных геополитических сценариев, сопровождающихся ростом межгосударственного миграционного обмена (в первом случае — в результате перемещения масс беженцев).

5. В постсоветский период ускорился процесс концентрации титульных народов Центральной Азии в своих государствах. В целом с 1989 по 2010 гг. доля титульных народов центральноазиатских республик, проживающих в пределах макрорегиона, выросла с 86,7 до 89,1 %. Это произошло из-за увеличения естественного прироста титульного населения республик,

и даже возрастающий миграционный отток из макрорегиона не мог преломить данный тренд. Тем не менее, замедление данного процесса возможно или в случае массового бегства населения из макрорегиона (при осуществлении негативных геополитических сценариев), или же существенного снижения естественного прироста титульных народов (при реализации средних или позитивных сценариев).

6. По нашим оценкам²¹², основанных на результатах переписей населения Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, а также источниках²¹³, за первые два постсоветских десятилетия численность жителей Центральной Азии, свободно владеющих русским языком, уменьшилась с 25,9 до 22,8 млн чел., т. е. на 12 %. При сохранении таких же темпов уменьшения количества жителей государств Центральной Азии, владеющих русским языком, к середине XXI в. эта цифра может сократиться до 17–18 млн чел. Но с учётом роста численности населения макрорегиона это будет означать, что только каждый пятый житель Центральной Азии будет знать русский язык, в то время как в 1989 г. эта доля составляла около 53 %, а на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. — 37 %. Замедление темпов сокращения жителей макрорегиона, владеющих русским языком, возможно только при углублении евразийской интеграции, а ускорение этих темпов — в случае реализации проекта «Тюркский мир» или же геополитических сценариев катастрофического характера.

---

²¹²Манаков А. Г., Хохрин А. Г. Владение русским языком в странах постсоветского пространства: динамика с 1989 по 2010 гг. // Известия Русского географического общества. 2021. Т. 153. № 2. С. 3–17. DOI: 10.31857/S086960712102004X.

²¹³Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социально-прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.; Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости. Аналитический отчет по результатам вторичного анализа данных. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН), 2009. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

Выводы. Глубина этнодемографической и языковой трансформации Центрально-Азиатского макрорегиона будет наибольшей в случае реализации негативных геополитических сценариев, характеризующихся ростом исламского экстремизма в сочетании с межклановыми конфликтами и пограничными спорами. Осуществление данных политических сценариев грозит неконтролируемым ростом населения, сопровождаемым потоками беженцев внутри макрорегиона и за его пределы, выбытием из Центральной Азии подавляющей части русского населения.

Глобальная перестройка этнокультурного пространства макрорегиона произойдет и в случае активизации «Большой игры» с участием Китая и Турции. В первую очередь, начнется постепенное вытеснение русского языка из культурно-бытовой сферы стран Центральной Азии. Вместе с тем, сохранится на высоком уровне миграционный отток русского населения. И в целом при таком геополитическом сценарии является маловероятным изменение основной линии тренда этнодемографических процессов, заданного в первые три постсоветских десятилетия.

Наименьшая глубина трансформации этнокультурного пространства Центральной Азии связывается нами с углублением евразийской интеграции. В случае, если интеграция даст существенный социально-экономический эффект, появляются шансы скорректировать господствующую в постсоветский период основную линию динамики этнодемографических и языковых процессов. Последнее позволит существенно снизить влияние факторов, ныне работающих на культурное и политическое отдаление государств Центральной Азии от России.

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП С 1959 ГОДА И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ²¹⁴

П. Э. Суворков, И. В. Ермолин, А. Г. Манаков

МЕТОДИКА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА: ОЦЕНКА ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

На изменение этнической структуры населения любой страны или региона оказывает влияние целая совокупность факторов, что заставляет исследователей принимать нетривиальные решения в ходе прогнозирования этнодемографических процессов. В связи с тем, что представители этнически-смешанных семей нередко обозначают свою этническую принадлежность исходя из ситуации, сложившейся в момент выбора, прогнозирование воспроизводства этнических групп требует использования вероятностных моделей. Данные положения в большей мере опираются на идеи, высказанные представителями инструменталистского направления в изучении этничности.

---

²¹⁴Раздел подготовлен на основе публикаций: *Манаков А. Г., Соколов А. С.* Динамика этнических групп Эстонии, Латвии и Литвы с 1959 г. и прогноз до 2061 г. // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 3. С. 37–55. DOI: 10.37490/S221979310020972-2; *Манаков А. Г., Соколов А. С., Суворков П. Э.* Формирование этнической и языковой структуры населения Республики Беларусь и этнодемографический прогноз до 2069 года // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 35–55. DOI: 10.37490/S221979310018073-3; *Манаков А. Г., Суворков П. Э., Ермолин И. В.* Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии // Современная Европа. 2021. № 7. С. 27–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>.

Участниками проекта была разработана методика прогноза в рамках этнической демографии — научной дисциплины, сложившейся на стыке демографии, этнографии и антропологии. Её становление в отечественной науке можно отнести к 50–70-м гг. XX в. И, хотя по этнической демографии уже имеются значительные методологические наработки, она до сих пор редко упоминается как самостоятельная область научных исследований. В то же время интерес к изучению изменений в этнической структуре населения проявляется как со стороны отечественных, так и зарубежных специалистов.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступают как фундаментальные труды по этнической демографии — В. И. Козлова²¹⁵, А. Г. Волкова²¹⁶, Д. Д. Богоявленского²¹⁷ и др. Также нужно отметить работы, где освещены вопросы использования математических методов в демографии — И. Г. Венецкого²¹⁸ и др., и, в частности, математического моделирования собственно этнических процессов — Д. М. Эдиева²¹⁹, Т. Вилсона²²⁰, Е. Л. Сороко²²¹.

---

²¹⁵Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977. 240 с.

²¹⁶Волков А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–26.

²¹⁷Богоявленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8 (256). С. 55–61; Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. 2012. № 531–532. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/s_map.php#1. (дата обращения: 11.01.2020).

²¹⁸Венецкий И. Г. Математические методы в демографии. 1971. М.: Статистика. 296 с.; Венецкий И. Г. Вероятностные методы в демографии. М.: Финансы и статистика, 1981. 223 с.

²¹⁹Ediev D. M. Extrapolative projections of mortality: towards a more consistent method, part I: the central scenario. Working Paper 3. Vienna Institute of Demography, Austria. 2008. [Электронный ресурс]: URL: http://www.oecw.ac.at/vid/download/WP2008_03.pdf; Ediev D. M. An approach to improve the consistency of mortality projections obtained by the Lee-Carter method // Eurostat methodologies and working papers. Work session on demographic projections. Bucharest, 10–12 October 2007. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P. 101–115.

Показатели, которые используются в демографии, не всегда позволяют полноценно описать процессы воспроизводства этнических групп. К числу таких процессов, относятся, например, истинная ассимиляция, этнически-смешанные браки, миграции представителей отдельных национальностей. Для решения этой задачи необходимы микроданные на уровне индивидов, семей и домохозяйств, которые позволяют создать по итогам переписей специальные демографические таблицы²²². В случае невозможности получения таких данных создаются ограничения в ходе анализа и прогноза изменений в этнической структуре населения.

К числу основных показателей, которые позволяют охарактеризовать этническую структуру населения, относятся численность представителей этнических групп и их доля в населении определенной территории на конкретную дату. При изучении изменений в этнической структуре населения, необходимых для осуществления этнодемографического прогноза в Эстонии, Латвии и Литве, нами были использованы такие источники, как

---

²²⁰*Wilson T.* A multistate model for projecting regional populations by Indigenous status: an application to the Northern Territory, Australia // *Environment and Planning*. 2009. No. 41(1). P. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.1068/a402>; *Wilson T.* The sequential propensity household projection model // *Demographic Research*. 2013. No. 28 (24). P. 681–712. DOI: 10.4054/DemRes.2013.28.24; *Wilson T.* The future of Australia's Indigenous Population, 2011–61 // *Population Studies*. 2016. No. 70(3). P. 311–326. DOI: 10.1080/00324728.2016.1224372; *Wilson T., Barnes T.* Continuing Challenges in Attempting to Measure the Size, and Changing Size, of Australia's Indigenous Population // *People and Place*. 2007. Vol. 15. No. 3. P. 12–21. DOI: 2120/10.1080/00049182.2014.986786.

²²¹*Сороко Е. Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. 2014. Том 1. № 4. С. 96–123; *Сороко Е. Л.* Показатели для описания этно-демографических процессов. Тезисы неопубликованного выступления. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2015. 13 с.; *Сороко Е. Л.* () Моделирование третьего демографического перехода // *Материалы XIX Апрельской конференции. Сессия Р-11. Демографические процессы и развитие*, 2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://conf.hse.ru/2018/program/> (дата обращения: 02.10.2021).

²²²*Сороко Е. Л.* Показатели для описания этно-демографических процессов. Тезисы неопубликованного выступления. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2015. 13 с.

итоги ревизий населения, административно-полицейского и церковного учёта в дореволюционный период, Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., переписей населения республик в период их первой независимости в 1920–30-е гг., советских и постсоветских переписей, а также текущего административного учета в странах Балтии в постсоветский период.

Особо нужно отметить постсоветскую этническую и демографическую статистику. Например, в Эстонии в рамках текущего учёта осуществляется пересчёт данных о демографических событиях в разрезе отдельных этнических групп. Это облегчает задачу оценки вероятности заимствования детьми идентичности определенной этнической группы, и в целом позволяет дать оценку вероятности таких явлений, как «истинная ассимиляция» и ресамоидентификация. Также появляется возможность выявления и оценки так называемого парадокса «отрицательной смертности» (термин предложен Д. Д. Богоявленским²²³). Результаты, полученные для Эстонии, могут быть с некоторой долей условности распространены на остальные страны Балтии, где статистика не позволяет выполнить подобные расчеты.

В нашем исследовании использовался модифицированный когортно-компонентный метод прогнозирования. Данный метод позволяет учесть неравномерное распределение населения по возрасту, и благодаря этому имеет достаточно высокую точность. При этом основой для этнодемографического прогнозирования для нас послужили модели, которые были предложены Е. Л. Сороко²²⁴. Первая особенность данных моделей — учёт вероятности образования этнически-смешанных браков. Вторая особенность — учёт самоидентификации детей, родившихся в

---

²²³Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. 2012. № 531–532. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/s_map.php#1. (дата обращения: 11.01.2020).

²²⁴Сороко Е. Л. Моделирование третьего демографического перехода // Материалы XIX Апрельской конференции. Сессия Р-11. Демографические процессы и развитие, 2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://conf.hse.ru/2018/program/> (дата обращения: 02.10.2021).

моноэтнических и этнически-смешанных семьях. Модели позволяют «разнести» по разным этническим группам детей, родившихся в смешанных семьях. Часть детей будет перенимать этническое самосознание отца, а часть — матери. Возможен также и сценарий ресамоидентификации взрослых, что влияет как на возрастную структуру представителей этнической группы, так и на заимствование этнической идентичности потомками. Фактически можно говорить о том, что наличие смешанных браков в любом случае предполагает появление некоего аморфного с точки зрения этничности индивидов состояния — «этнических метисов».

Ниже представлены результаты прогнозирования численности представителей этнических групп в рассматриваемых странах. Использованный нами метод можно назвать экспресс-оценкой воспроизводственного потенциала этнической группы, так как этнические процессы в этом случае рассматриваются не дифференцированно, а на основании косвенного признака, а именно, поло-возрастной структуры.

Необходимо отметить, что в своём анализе мы исходили из предположения, что внешние миграции представителей этнических групп отсутствуют, чтобы в первом приближении иметь возможность оценки сугубо «вложенных» этнических процессов — истинной ассимиляции, образования смешанных семей, заимствования этнической идентичности детьми, рожденными в смешанных семьях. Безусловно, что в случае, если миграции представителей этнической группы будут весьма интенсивными, итоговая картина может оказаться совершенно иной, нежели представляется в результате выполненного сценарного моделирования.

В исследовании использовался базовый прогноз, разработанный в приложении DemProj, очищенный от влияния миграции, который опирается на данные Отдела народонаселения ООН пересмотра 2019 г. Ввиду высокой вариативности прогноза динамики представителей малочисленных этнических групп, этнические группы с численностью менее 1000 чел. на 2011 г. были объединены в синтетическую группу «другие».

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП С 1959 ГОДА И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ДО 2061 ГОДА В ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЕ

Общей проблемой Эстонии, Латвии и Литвы в постсоветский период стала депопуляция, вызванная естественной убылью и миграционным оттоком населения. Сокращение численности происходит как в титульном населении этих стран, так и во всех этнических группах, хотя и в разной степени. На изменение удельного веса этнических групп оказывают влияние не только миграционные процессы, но и сложившаяся на данный момент поло-возрастная структура данных этнических сообществ, предопределяющая их естественное воспроизводство. Этим объясняется актуальность оценки воспроизводственного потенциала этнических групп, не связанная с механическим движением населения.

Изучению демографических процессов и странах Балтии посвящён большой пласт отечественной и зарубежной научной литературы. Например, это работы Д. В. Житина и А. А. Ивановой²²⁵, Т. Ю. Кузнецовой²²⁶, Н. В. Мкртчяна и Л. Б. Карачуриной²²⁷, А. Берзиньш и П. Звидриньш²²⁸, Д. Ясилионис, В. Станкунене, А. Маслаускайте, Д. Стумбрис²²⁹, Т. Михальски²³⁰ и многих других авторов. Также значительное количество исследова-

²²⁵Житин Д. В., Иванова А. А. Демографическое развитие стран Балтии. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 112 с.

²²⁶Кузнецова Т. Ю. Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе: региональный анализ // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 50–57; Кузнецова Т. Ю. Территориальная дифференциация демографического развития в регионах Балтийского моря // Региональные исследования. 2008. № 3 (18) С. 58–62.

²²⁷Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4.

²²⁸Berzins A., Zvidrins P. Depopulation in the Baltic States // Lithuanian Journal of Statistics. 2011. Vol. 50. No. 1. P. 39–48. DOI: 10.15388/LJS.2011.13931.

ний посвящено изучению динамики национального состава населения Эстонии, Латвии и Литвы в досоветский, советский и постсоветский периоды²³¹.

В качестве информационной базы анализа выступают материалы переписей населения, проведённых в Эстонии, Латвии и Литве в советское время (в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.²³²) и постсоветский период (переписи населения 2000, 2011 и 2021 гг. в Эстонии, 2000 и 2011 гг. в Латвии, 2001, 2011 и 2021 гг. в Литве), а также текущего учёта населения 2019 г. в Латвии²³³. При осуществлении этнодемографического прогноза была использо-

²²⁹*Jasilionis D., Stankūnienė V., Maslauskaitė A., Stumbrys D. Lietuvos demografinių procesų diferenciacija. Vilnius, 2015. 200 p.*

²³⁰*Michalski T. The main demographic and health problems of the former Soviet part of Baltic Europe. J. Wendt (ed.), Baltic Europe on the Eve of Third Millenium, Gdańsk, 2001. P. 113–119; Michalski T. Changes in the Demographic and Health Situation Among Post-Communist Members of the European Union. Pelplin: Bernardinum, 2005. 95 p.*

²³¹*Кабузан В. М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М., 2009. 152 с.; Казьмина О. Е. Динамика численности национальных групп Эстонии в XX в. // Расы и народы. Вып. 21. М.: Наука, 1991. С. 79–99; Казьмина О. Е. Динамика этнической структуры населения Латвии в XX веке // Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1991. С. 187–216; Манаков А. Г., Чученкова О. А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии в постсоветский период // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2017. № 11. 2017. С. 86–102; Манаков А. Г., Чученкова О. А. Изменение национального состава населения Эстонии и Латвии в советский период // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2017. № 10. С. 44–60; Манаков А. Г., Чученкова О. А. Этнический состав населения на территории Эстонии и Латвии по результатам дореволюционных переписей (1881 и 1897 гг.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2016. № 9. С. 84–99. Хрущёв С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 91–102.*

²³²Demoskop Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?су=2> (дата обращения: 15.06.2022).

²³³Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat-mashke.org/> (дата обращения 15.06.2022).

вана статистика Отдела народонаселения ООН²³⁴.

Для трёх стран Балтии был разработан прогноз динамики численности населения (включая миграционные процессы) вплоть до 2096 г.²³⁵. Для этого был использован базовый демографический прогноз, опирающийся на данные Отдела народонаселения ООН. Кроме того, была дана экспресс-оценка воспроизводственного потенциала этнических групп стран Балтии вплоть до 2061 г.²³⁶. Эта оценка представляет собой модифицированный вариант когортно-компонентного метода этнодемографического прогнозирования, в основе которого лежит передвижка возрастов. В соответствии с этим методом, показатели, относящиеся ко всему населению, распределяются по возрастам и полу когорт, которые были сформированы в различные временные интервалы. Особенностью экспресс-оценки является то, что она не учитывает внешние миграции представителей национальных групп. Всё внимание при осуществлении экспресс-оценки обращено на «вложенные» этнические процессы, т. е. создание этнически-смешанных семей и заимствование этнической идентичности рождённых в этих семьях детей.

Нужно отметить, что осуществлённая ранее экспресс-оценка воспроизводственного потенциала этнических групп стран Балтии относилась к периоду с 2011 по 2061 гг. Однако после опубликования прогноза был открыт доступ к результатам переписей населения 2021 г. в Эстонии и Литве. Поэтому был осуществлён перерасчёт численности этнических групп стран

---

²³⁴WPP. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2019. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 15.06.2022).

²³⁵Манаков А., Суворков П., Станайтис С. Имитационное моделирование миграций и прогноз численности населения в странах Балтии до 2096 года // *Geografija ir edukacija: mokslo almanachas* (5) / Lietuvos edukologijos universitetas, Geografijos edukacinių tyrimų centras; [sudarytojai Regina Venckienė, Zigmąs Kairaitis]. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2017. С. 19–39.

²³⁶Манаков А. Г., Суворков П. Э., Ермолин И. В. Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии // *Современная Европа*. 2021. № 7. С. 27–38.

Балтии до 2061 г., опираясь на результаты данных переписей, а также текущего учёта населения Латвии 2019 г.

Динамика численности населения Эстонии, Латвии и Литвы по итогам переписей советского и постсоветского периодов, а также прогноз их численности (без учёта возможных миграций) до 2061 г. представлена на рисунке 71.

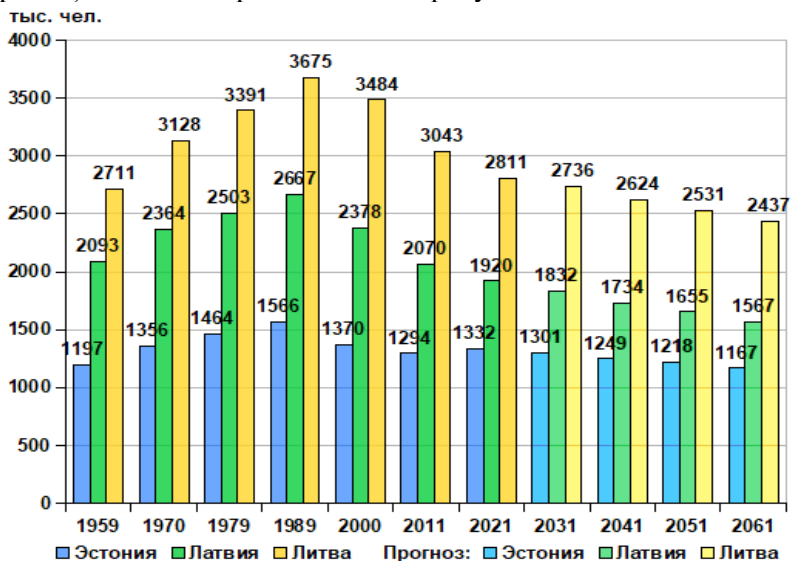

Рис. 71. Динамика численности населения республик Прибалтики / стран Балтии с 1959 по 2021 гг. и прогноз до 2061 г., тыс. чел.

Общим трендом динамики населения трёх республик Прибалтики в советский период был рост численности, и потому максимальная численность населения в них была зафиксирована по итогам последней Всесоюзной переписи 1989 г.

Общим трендом динамики в постсоветское время является сокращение численности населения всех трёх стран Балтии. Исключение составил период между переписями 2011 и 2021 гг. в Эстонии, когда был зафиксирован небольшой рост численности населения. Этот рост был связан с миграционным притоком на-

селения, т. к. весь этот период сохранялась естественная убыль населения. Итоги переписи населения 2021 г. были использованы для корректировки осуществлённой ранее экспресс-оценки численности этнических групп Эстонии на период до 2061 г. Но в целом поло-возрастная структура населения Эстонии позволяет говорить о более низких темпах уменьшения численности населения по сравнению с двумя другими странами Балтии.

Наибольшее падение численности населения к 2061 г. (по сравнению с 1989 г. в 1,7 раза) ожидается в Латвии. В Литве за этот же период население может уменьшиться в 1,5 раза, в Эстонии же ожидается сокращение населения в 1,34 раза. В итоге суммарная численность населения стран Балтии, даже при условии прекращения миграционного оттока, который в постсоветский период стал определяющим фактором динамики населения этих государств²³⁷, может уменьшиться по сравнению с 1989 г. примерно в полтора раза (с 7,9 до 5,2 млн чел.).

Изменение численности основных этнических групп Эстонии. Наиболее многочисленными этническими группами Эстонии, которые включены в анализ вместе с титульным этносом (эстонцы составили 69,1 % от всего населения согласно итогам переписи 2021 г.), являются русские (23,7 %), украинцы (2,1 %), белорусы (0,9 %) и финны (0,6 %). Схожую динамику численности по итогам переписей населения с 1959 г. и экспресс-оценки до 2061 г. имеют такие этнические группы, как русские, украинцы и белорусы (рис. 72).

---

²³⁷Манаков А., Суворков П., Станайтис С. Имитационное моделирование миграций и прогноз численности населения в странах Балтии до 2096 года // Geografija ir edukacija: mokslo almanachas (5) / Lietuvos edukologijos universitetas, Geografijos edukacinių tyrimų centras; [sudarytojai Regina Venckienė, Zigmąs Kairaitis]. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2017. С. 19–39.

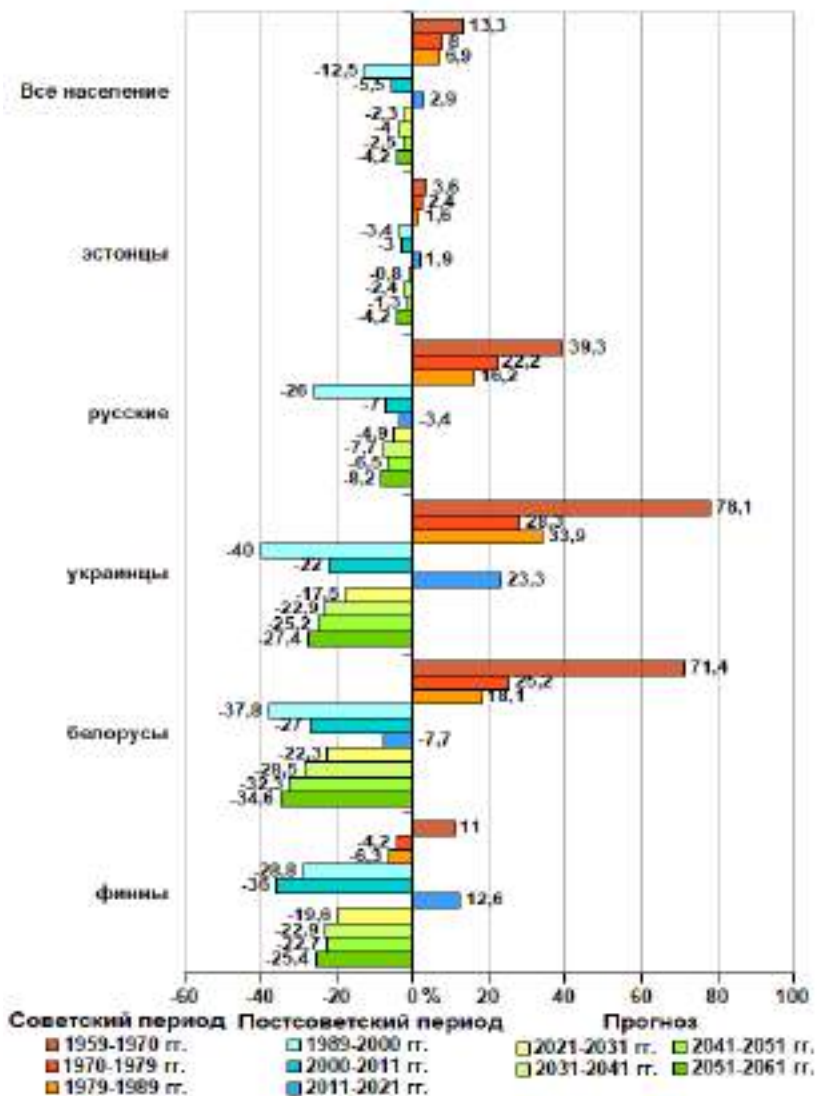

Рис. 72. Изменение численности основных этнических групп Эстонии в межпереписные периоды с 1959 по 2021 гг. и прогноз (средний вариант) до 2061 г., %

Общий тренд в этой динамике характеризуется следующими чертами: 1) быстрый рост численности за счёт миграционного притока в советский период, особенно с 1959 по 1970 гг., с последующим замедлением темпов прироста; 2) резкое уменьшение численности в постсоветский период, особенно в 1990-е гг. из-за миграционного оттока, с последующим замедлением темпов убыли (исключение — миграционный прирост украинцев во втором десятилетии XXI в.); 3) постепенное нарастание убыли из-за старения этнических групп в прогнозный период с 2021 по 2061 гг.

Финны характеризуются иной динамикой по периодам, однако имеются и общие черты с изменением численности рассмотренных выше этнических групп. Главной общей чертой является сокращение численности в постсоветский период (кроме интервала с 2011 по 2021 гг.), которое также объясняется старением данной этнической группы. Хотя в советский период в целом шло сокращение численности финнов в Эстонии, но в 1960-е гг. наблюдался небольшой рост, что может быть следствием положительного естественного прироста. А вот в период между переписями 2011 и 2021 гг. прирост численности финнов объясним небольшим миграционным притоком в Эстонию.

Из анализа выпала ныне крайне малочисленная этническая группа Эстонии — евреи. Если в советский период евреев можно было включить в число относительно многочисленных групп Эстонии, то в постсоветское время произошло многократное уменьшение этой этнической группы из-за ускоренного миграционного оттока. Так, в 1959 г. евреи составляли 0,45 % населения Эстонии (5,4 тыс.), в 1989 г. — 0,26 % (4,1 тыс.), а в 2021 г. — только 0,15 % (1,9 тыс.).

Что касается динамики по периодам численности титульного этноса Эстонии, то она в большей мере соответствует динамике всего населения республики. Небольшое увеличение численности по причине положительного естественного прироста наблюдался в советский период, затем последовало сокращение из-за перехода с 1991 г. к естественной убыли, которое было усугублено миграционным оттоком в первые два постсоветских

десятилетия. Небольшой рост численности во втором десятилетии XXI в. был вызван миграционным притоком, и данная тенденция едва ли будет продолжена в дальнейшем. Старение населения будет вести к нарастанию естественной убыли, и для стабилизации численности титульного этноса Эстонии необходимы значительные возвратные миграции эстонцев из других стран.

Тем не менее, даже без возвращения эстонцев из зарубежья их доля в населении Эстонии будет продолжать расти, хотя и очень низкими темпами. Как видно на рисунке 73, за динамике удельного веса эстонцев в населении Эстонии в значительной степени отвечает этническая группа русских.

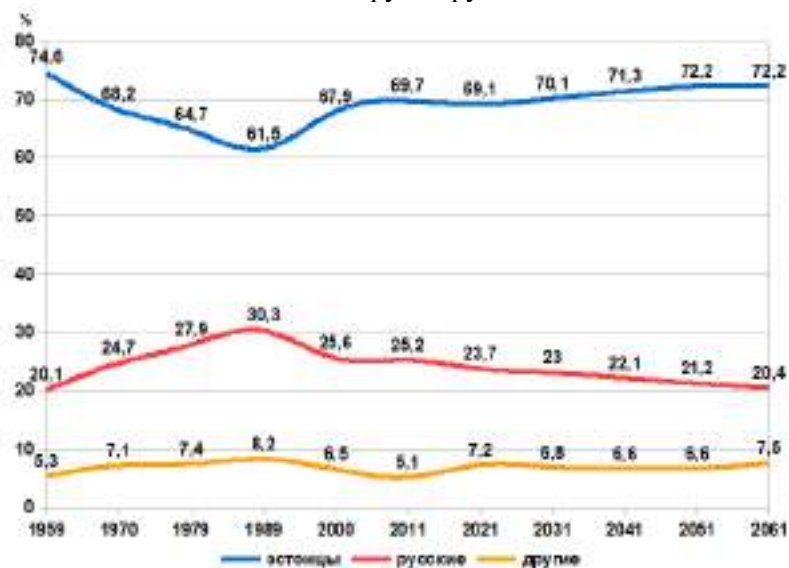

Рис. 73. Изменение доли эстонцев, русских и остального населения Эстонии с 1959 по 2021 гг. и прогноз (средний вариант) по десятилетиям с 2021 по 2061 гг., %

Доля русских стремительно росла в советский период, достигнув 30,3 % в 1989 г. Тогда же доля эстонцев достигла своего минимума — 61,5 %. Наиболее быстрое расхождение доли эстонцев и русских происходило в первое постсоветское десяти-

летие. В этот период, по оценкам С. Я. Суцего²³⁸, более половины сокращения русского населения приходилось на миграционный отток. Затем это расхождение стало замедляться, миграционный отток русских несколько сократился, ведущим фактором динамики стало естественное движение.

При этом во втором десятилетии XXI в. на динамике доли эстонцев стал отражаться рост численности других этнических групп и этнически «неопределившихся». Из-за этого между переписями населения 2011 и 2021 гг. произошло даже небольшое уменьшение доли титульного этноса в населении страны. Тем не менее, наметившиеся в постсоветское время тренды сокращения доли русских и роста доли эстонцев должны сохраниться в ближайшие десятилетия как отражение сложившейся возрастно-половой структуры, но только в случае, если радикально не изменится миграционный обмен населения Эстонии с другими странами.

Изменение численности основных этнических групп Латвии. Наиболее многочисленными этническими группами Латвии, включёнными в анализ вместе с титульным этносом (латыши составили 62,3 % от всего населения в 2019 г.), являются русские (24,9 %), белорусы (3,2 %), украинцы (2,2 %), поляки (2,0 %) и литовцы (1,2 %). Как и в Эстонии, схожую динамику численности по итогам переписей населения с 1959 г. и экспресс-оценки до 2061 г. имеют такие этнические группы, как русские, белорусы и украинцы (рис. 74). Общий тренд в динамике этих этнических групп характеризуется такими же чертами, как и в Эстонии.

Также общие черты имеет динамика таких этнических групп Латвии, как поляки и литовцы. Эти народы, а также рассмотренные выше белорусы, имеют давнюю историю проживания на территории Латвии.

---

²³⁸Суцкий С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

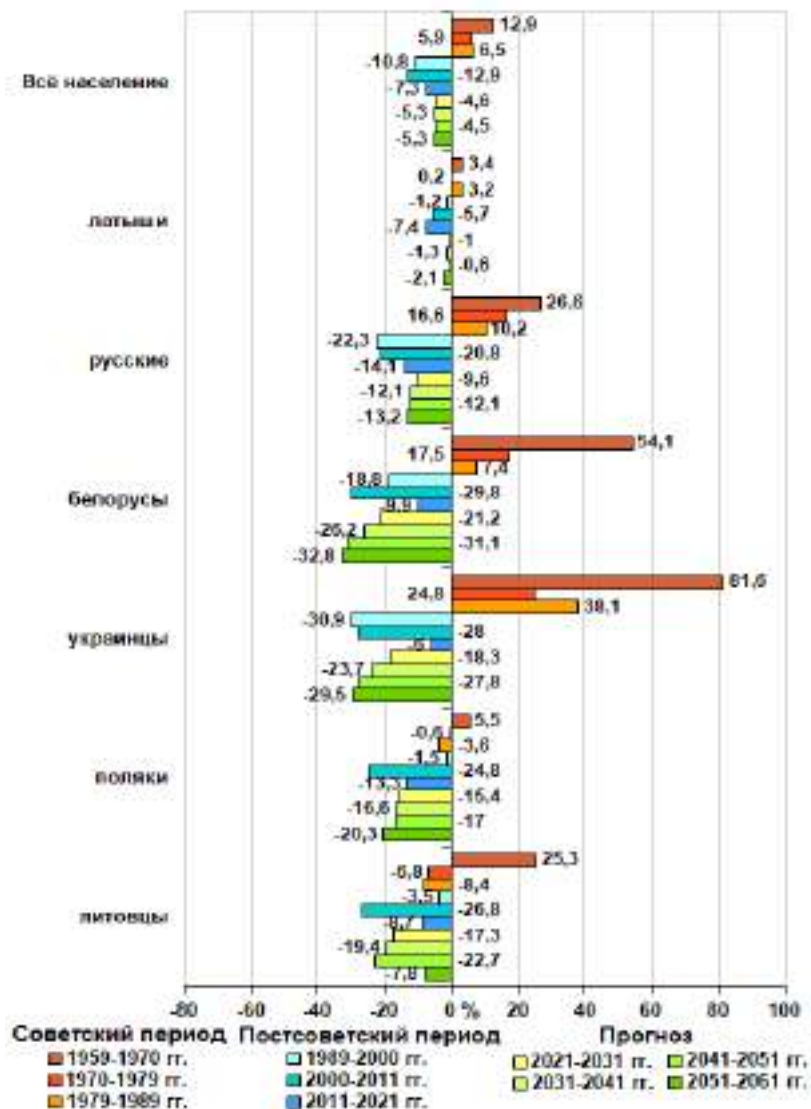

Рис. 74. Изменение численности основных этнических групп Латвии в межпереписные периоды с 1959 по 2019 гг. и прогноз (средний вариант) до 2061 г., %

Рост численности поляков и литовцев был зафиксирован только в 1960-е гг., в дальнейшем же происходило уменьшение этих этнических групп, причём максимальное сокращение их пришлось на первое десятилетие XXI в. В перспективе ожидается сохранение этого тренда по причине старения представителей этих этнических сообществ в Латвии.

Достаточно многочисленной в советской Латвии была этническая группа евреев. Так, в 1959 г. их было 36,5 тыс., а доля в населении Латвии составляла 1,7 %. Однако уже к 1989 г. численность этой этнической группы уменьшилась до 23 тыс. (0,9 %), а перепись населения 2011 г. зафиксировала в стране всего 6,4 тыс. евреев (0,3 %). Таким образом, с 1959 по 2011 гг. численность евреев уменьшилась в 5,7 раза, и евреи выпали из основных этнических групп Латвии, хотя в прошлом восточная часть страны (Латгалия) входила в состав Речи Посполитой и, соответственно, была включена в «черту оседлости» еврейского населения в период Российской империи.

Как и в Эстонии, динамика численности титульного этноса республики имеет те же закономерности, что и динамика численности всего населения Латвии. В советский период происходил рост численности латышей, хотя и небольшой. Постсоветский период характеризуется уменьшением численности титульного этноса, в т. ч. и по причине значительного миграционного оттока (особенно в первом десятилетии XXI в.). В последующем ожидается сохранение данной тенденции из-за старения представителей титульного этноса. Данный тренд может быть изменён только в случае радикальных изменений в миграционном обмене Латвии с другими странами.

Как и в Эстонии, динамика доли титульного этноса Латвии зависит от изменения численности русского населения, но чуть более заметную в этом играют и другие этнические группы, традиционно проживающие на её территории (поляки, евреи, белорусы). В конце советского периода доля латышей снизилась до критического уровня (52 %), в то время как доля русских превысила треть населения Латвии (рис. 75).

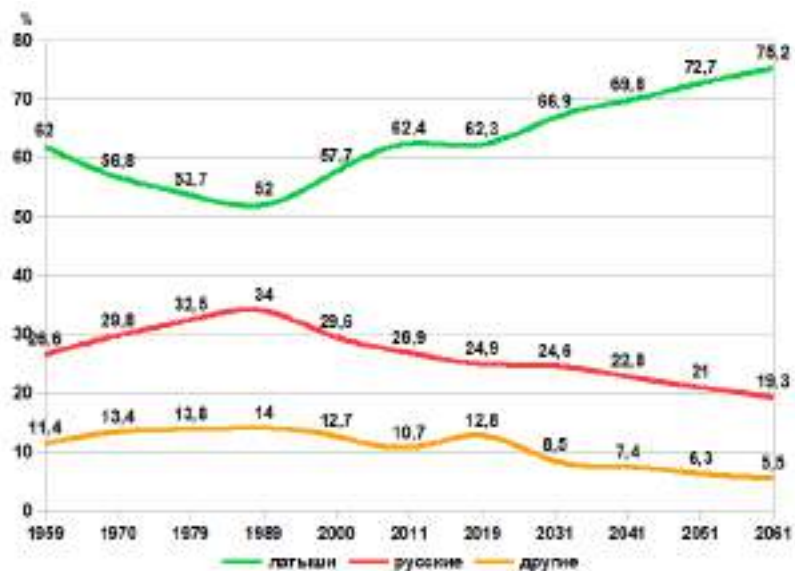

Рис. 75. Изменение доли основных этнических групп Латвии с 1959 по 2019 гг. и прогноз (средний вариант) по десятилетиям с 2021 по 2061 гг., %

Первые два постсоветских десятилетия характеризуются быстрым ростом доли латышей на фоне стремительного сокращения удельного веса русских и других этнических групп из-за их значительного миграционного оттока. По оценкам С. Я. Суцего²³⁹, миграционный отток обеспечивал от 50 до 85 % убыли русского населения в разные годы постсоветского периода.

Несмотря на небольшой «сбой» в 2010-е гг., предполагается, что отмеченная тенденция будет характеризовать и прогнозный период до 2061 г. Стремительное старение русского населения может привести к падению доли русских к 2061 г. до 19 %, в то время как удельный вес латышей может превзойти три четверти населения Латвии. Таким образом, доля титульного

²³⁹Суцкий С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

этноса в Латвии может даже превзойти долю эстонцев в Эстонии. Негативным же последствием такой динамики является значительное сокращение всего населения Латвии, и может оказаться так, что к 2061 г. число жителей в ней лишь на 400 тыс. будет превышать численность населения Эстонии, хотя, например, в 1989 г. этот разрыв составлял 1,1 млн чел.

Изменение численности основных этнических групп Литвы. Вместе с титульным этносом Литвы (литовцы составляли 84,6 % населения страны в 2021 г.) в число анализируемых этнических групп были включены поляки (6,5 %), русские (5 %), белорусы (1 %) и украинцы (0,5 %). Все эти этнические сообщества имеют схожую динамику численности по десятилетним интервалам, начиная с 1959 г., а также в прогнозируемый период до 2061 г. (рис. 76). Хотя имеются и некоторые специфические особенности.

Первой особенностью является более быстрый рост в советский период численности белорусов и украинцев по сравнению с русскими. Сразу же нужно отметить, что доля русских в Литве перед распадом СССР была намного ниже, чем в двух других республиках Прибалтики. Во-вторых, в советский период, благодаря высокому естественному приросту, достаточно быстро увеличивалась численность титульного этноса, лишь немного уступающая по темпам роста русскому населению. В-третьих, рост численности в советский период испытывало также и польское население Литвы.

В первое постсоветское десятилетие наиболее интенсивно сокращалась численность всех трёх восточно-славянских народов, т. е. русских, белорусов и украинцев, и в заметно меньшей степени — поляков. Уменьшение же численности литовцев в 1990-е гг. было минимальным, став более значительным в 2000-е гг. В этот же период из-за миграционного оттока резко сократилась численность евреев. В советский период евреев можно было отнести к числу многочисленных этнических групп Литвы. Но уже с 1959 до 1989 гг. их численность уменьшилась с 24,7 до 12,3 тыс. чел. (с 0,9 до 0,3 %), а в первые два постсоветских десятилетия — ещё в четыре раза (до 3 тыс., или 0,1 %).

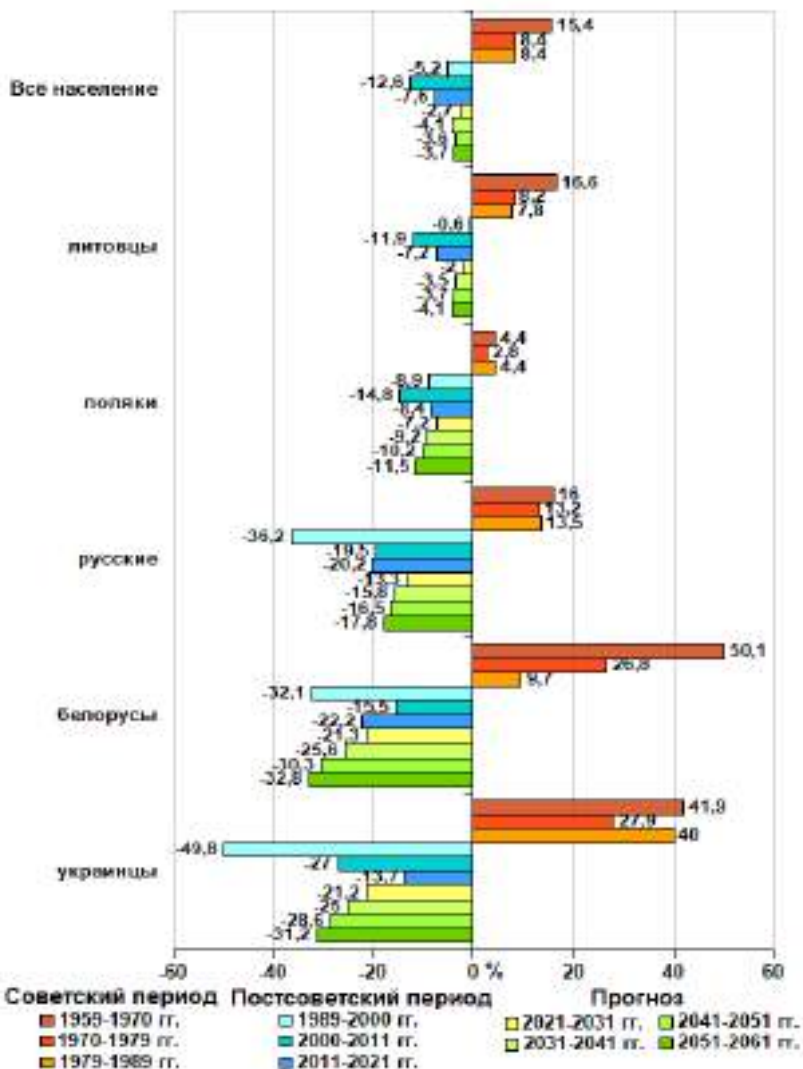

Рис. 76. Изменение численности основных этнических групп Литвы в межпереписные периоды с 1959 по 2021 гг. и прогноз (средний вариант) до 2061 г., %

В прогнозируемый период, т. е. до 2061 г., по темпам уменьшения численности из-за старения населения основные этнические группы Литвы располагаются в следующем порядке. Максимальное падение численности ожидается у белорусов, чуть в меньшей степени — у украинцев, затем следуют этнические группы русских и поляков. Минимальное падение численности, в случае отсутствия миграционного оттока, ожидается у литовцев.

В советский период в Литве была самая высокая доля титульного этноса среди трёх республик Прибалтики. Она немного увеличилась в постсоветский период, причём, как и в других странах Балтии, это произошло пропорционально уменьшению удельного веса русского населения (рис. 77).

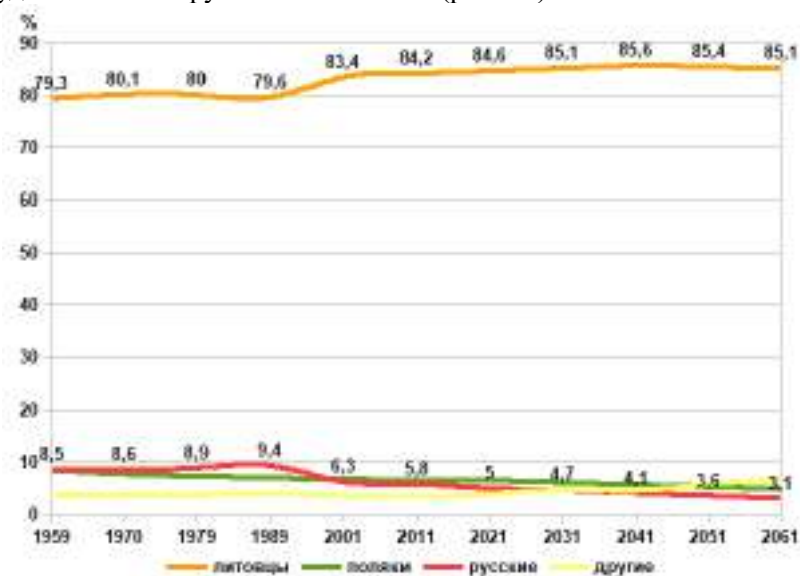

Рис. 77. Изменение доли основных этнических групп Литвы с 1959 по 2021 гг. и прогноз (средний вариант) по десятилетиям с 2021 по 2061 гг., %

Главной причиной сокращения русского населения в Литве в постсоветский период стал миграционный отток, в первые

два десятилетия XXI в. обеспечивающий, по оценке С. Я. Суцего²⁴⁰, не менее 85 % общей убыли численности этой этнической группы.

Но в последующем произойдёт замедление роста доли литовцев, т. к. несмотря на продолжающееся падение доли русских, ожидается небольшое увеличение удельного веса других этнических групп Литвы. В целом же стабилизация доли титульного этноса сопровождается значительным сокращением численности всего населения Литвы. Уже в 2021 г. в Литве проживало на четверть меньше жителей, чем в 1989 г. К 2061 г. величина падения численности населения государства может достигнуть трети по сравнению с итогами последней советской переписи.

Выводы. В постсоветский период чётко обозначился тренд на сокращение численности населения всех трёх стран Балтии, который сохранится и в ближайшие десятилетия. Даже в случае прекращения миграционного оттока из стран Балтии численность населения Латвии к 2061 г. может сократиться в 1,7 раза (по сравнению с 1989 г.), в Литве — в 1,5 раза, в Эстонии — в 1,34 раза. Суммарная численность населения стран Балтии только за счёт фактора естественной убыли может уменьшиться по сравнению с 1989 г. примерно в полтора раза (с 7,9 до 5,2 млн чел.).

Среди этнических сообществ всех трёх стран Балтии по динамике численности в советский и постсоветский периоды чётко выделяется группа, включающая русских, украинцев и белорусов. Эта группа характеризуется следующими чертами демографической динамики: 1) быстрый рост численности за счёт миграционного притока в советский период, особенно с 1959 по 1970 гг., с последующим замедлением темпов прироста; 2) резкое уменьшение численности в постсоветский период, особенно в 1990-е гг. из-за миграционного оттока, с последующим замедлением темпов убыли; 3) постепенное нарастание убыли из-

---

²⁴⁰Суцкий С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

за старения этнических групп в прогнозный период с 2021 по 2061 гг.

В Латвии и Литве представлена достаточно многочисленная этническая группа поляков. Их численность мало менялась в советский период, но в постсоветский период началось их уменьшение, и по причине постепенного старения этой этнической группы ожидается дальнейшее сокращение численности поляков в прогнозный период.

Особый тип динамики численности характеризует евреев, которых в советский период можно было отнести к числу наиболее многочисленных этнических групп в республиках Прибалтики (особенно в Латвии и Литве, территория которых частично или полностью входила в «черту оседлости» в досоветский период). Их миграционный отток начался ещё в позднесоветское время, а в постсоветский период они покинули категорию многочисленных этнических групп стран Балтии.

В динамике численности титульных этносов стран Балтии также имеются общие черты, а именно, небольшой рост в советский период, сокращение в постсоветский период (одновременно по причине естественной убыли и миграционного оттока), а также уменьшение по причине старения в прогнозный период. Тем не менее, доля титульных этносов в населении стран Балтии будет продолжать расти, хотя и не высокими темпами. Исключение составляет Латвия, где ожидается быстрое увеличение доли титульного этноса, но негативной чертой этого сценария демографического развития будет быстрое сокращение всего населения Латвии.

А. Г. Манаков, А. С. Соколов, П. Э. Суворков

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ГРУПП С 1959 ГОДА И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ДО 2061 ГОДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Республика Беларусь характеризуется уникальными для постсоветских государств особенностями этнолингвистических процессов, а именно, разнонаправленностью изменений в этнической структуре населения, с одной стороны, и в использовании русского и белорусского языков, с другой стороны. Такая ситуация стала следствием билингвистичности значительной части населения и референдума 1995 г., закрепившего за русским языком статус государственного, наравне с белорусским. В итоге, вместе с зафиксированным уменьшением численности русского населения в республике происходил рост категории граждан, называющих родным русский язык. Тем самым, Республика Беларусь стала ещё и ярким примером влияния на этнолингвистические процессы политического фактора, опосредованного итогами референдума 1995 г.

В качестве информационной базы данного раздела монографии выступили результаты переписей населения, проведённых на территории Республики Беларусь в советское время (Всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.²⁴¹) и постсоветский период (национальные переписи населения 1999, 2009 и 2019 гг.²⁴²).

---

²⁴¹Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 28.09.2021).

²⁴²Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. 55 с.; Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 28.09.2021).

В научной литературе наиболее пристальное внимание уделяется изучению языковых процессов, происходящих в Республике Беларусь, в первую очередь, вопросам использования белорусского и русского языков в быту²⁴³ и в целом проблематике белорусско-русского билингвизма²⁴⁴. В ряде работ рассмотрены изменения в этнической структуре населения Республики Беларусь в постсоветское время (²⁴⁵ и др.). Также изучаются вопросы, связанные с самоидентификацией и динамикой численности проживающих в республике разных этнических групп²⁴⁶.

---

²⁴³ *Соколов А. С.* Региональные аспекты динамики использования русского языка населением Белоруссии в 2009–2019 годах // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 127–149. DOI: 10.17323/demreview.v8i1.12396; *Соколов А. С.* Современная языковая ситуация в Белоруссии и её динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 4. С. 66–82; *Старичёнок В. Д.* Русский язык в Беларуси: состояние, перспективы // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 2. С. 76–80.

²⁴⁴ *Маслова В. А.* Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 255–259; *Хентшель Г., Киттель Б.* Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране // Социология. 2011. № 4. С. 62–78.

²⁴⁵ *Абухава А. М.* Этнічныя супольнасці Беларусі ў канцы ХХ — пачатку ХХІ ст.: дынаміка колькасці і рассялення // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2018. Том 10. № 1. С. 31–39; *Касперович Г. И.* Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111; *Суццый С. Я.* Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30; *Eberhardt P.* Przemiany narodowościowo-językowe ludności Białorusi na przełomie XX i XXI wieku // Sprawy Narodowościowe. Seria nowa. 2015. No. 43. P. 75–85. DOI: 10.11649/sn.2013.019.

²⁴⁶ *Балич Н. Л., Харитонов И. Н.* Этническое самосознание и практики национальных общностей Беларуси // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 132–149; *Ластовский А. Л.* Этнокультурная идентичность поляков в Беларуси // Социология. 2011. № 1. С. 121–129; *Злотников А. Г., Маньшин Р. В.* Диаспоры кавказских народов в Республике Беларусь // Демографический и

Прогнозирование этнодемографических процессов строится на основе когортно-компонентного метода, модифицированный вариант которого был назван нами экспресс-оценкой воспроизводственного потенциала этнических рупп. Экспресс-оценка не учитывает внешние миграции этнических групп и концентрирует внимание на «вложенных» этнических процессах, связанных с образованием этнически смешанных семей и заимствованиями этнической идентичности рождённых в этих семьях детей. В связи с данным обстоятельством, результаты этнодемографического прогноза будут точнее, если Республика Беларусь в прогнозируемый период не будет испытывать значительного миграционного обмена с другими государствами. В работе использовался базовый прогноз, опирающийся на данные Отдела народонаселения ООН (после пересмотра 2017 г.). Этнодемографический прогноз, очищенный от влияния миграции, был разработан в приложении DemProj.

Динамика численности населения с 1959 по 2019 гг. и прогноз до 2069 г. В период с 1959 по 1989 гг. численность населения Белорусской ССР росла достаточно высокими темпами. Это было связано, в первую очередь, со сравнительно высоким естественным приростом, в особенности, в 1960-е гг., когда в республике ещё преобладало сельское население, характеризующееся в то время расширенным воспроизводством. Демографическая ситуация изменилась в последнем десятилетии XX в., но в первые годы суверенитета Республики Беларусь численность населения в молодом государстве поддерживалась благодаря возвратной миграции (реэмиграции) белорусов, хотя в то же время был отток части русского населения (в т. ч. из-за вывода войск в середине 1990-х гг.²⁴⁷).

миграционный портрет Кавказа. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. С. В. Рязанцева, Г. И. Гаджимурадовой. М.: Экон-Информ, 2019. С. 115–124; *Biaspamiatnykh M.* Language and Identity in Transforming Borderlands (Case of North-West Belarus) // Santalka: Filosofija, Komunikacija. 2007. Vol. 15. No. 1. P. 55–67. DOI: 10.3846/coactivity.2007.06.

²⁴⁷*Касперович Г. И.* Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы между-

Но уже в эти же 1990-е гг. Республика Беларусь перешла к суженному воспроизводству населения. Некоторые позитивные явления в демографических процессах, позволившие говорить о возвращении к простому воспроизводству населения, обозначились к концу первого десятилетия XXI в. Так, в статье Е. А. Антиповой²⁴⁸ раскрыта разнонаправленная динамика процессов естественного воспроизводства городского и сельского населения Республики Беларусь в период с 2007 по 2013 гг. Благодаря снижению смертности в городских поселениях в этот период обозначился естественный прирост населения, в то время как в сельской местности продолжались процессы депопуляции. В связи с высоким удельным весом городского населения в республике данная тенденция дала возможность сделать относительно благоприятный прогноз динамики населения Республики Беларусь на ближайшую перспективу (9 491 185 в 2025 г. и 9 458 653 чел. в 2030 г.²⁴⁹). Однако уже перепись 2019 г. зафиксировала более значительное сокращение населения по сравнению с данным прогнозом.

На этом фоне осуществлённый нами прогноз численности населения Республики Беларусь до 2069 г. выглядит более пессимистичным. На рисунке 78 представлены результаты данного прогноза по среднему демографическому сценарию.

народной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111.

²⁴⁸ Антипова Е. А. Демографическое развитие Республики Беларусь в XXI веке: тенденции, региональные различия, проблемы // Народнонаселение. 2016. № 1–1 (71–1). С. 5–15.

²⁴⁹ Там же, с. 14.

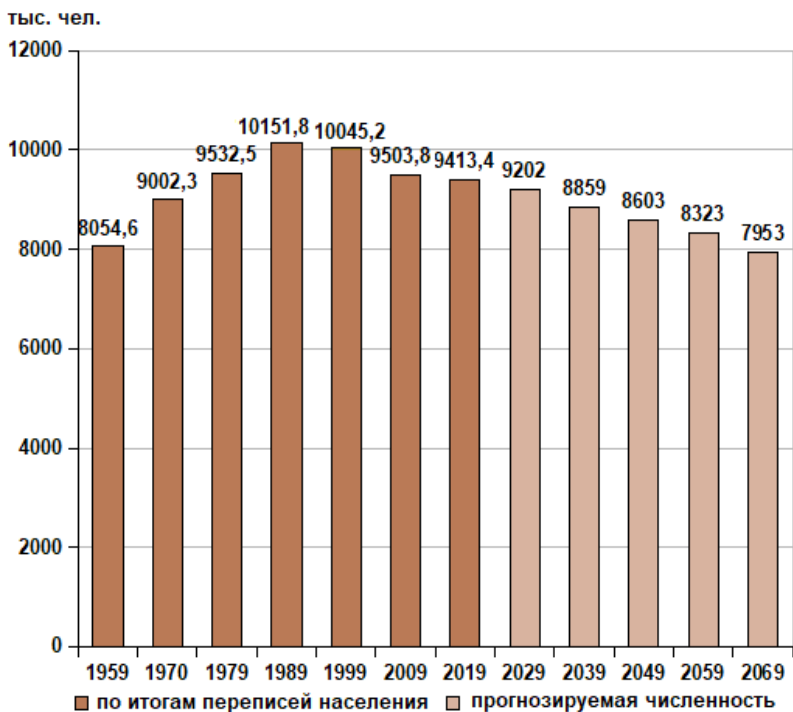

Рис. 78. Динамика численности населения Белорусской ССР / Республики Беларусь с 1959 по 2019 гг. и прогноз до 2069 г., тыс. чел.

Изменение этнической структуры населения с 1959 по 2019 гг. Динамика численности представителей разных этнических сообществ республики в межпереписные периоды с 1959 по 2019 гг. представлена на рисунке 79.

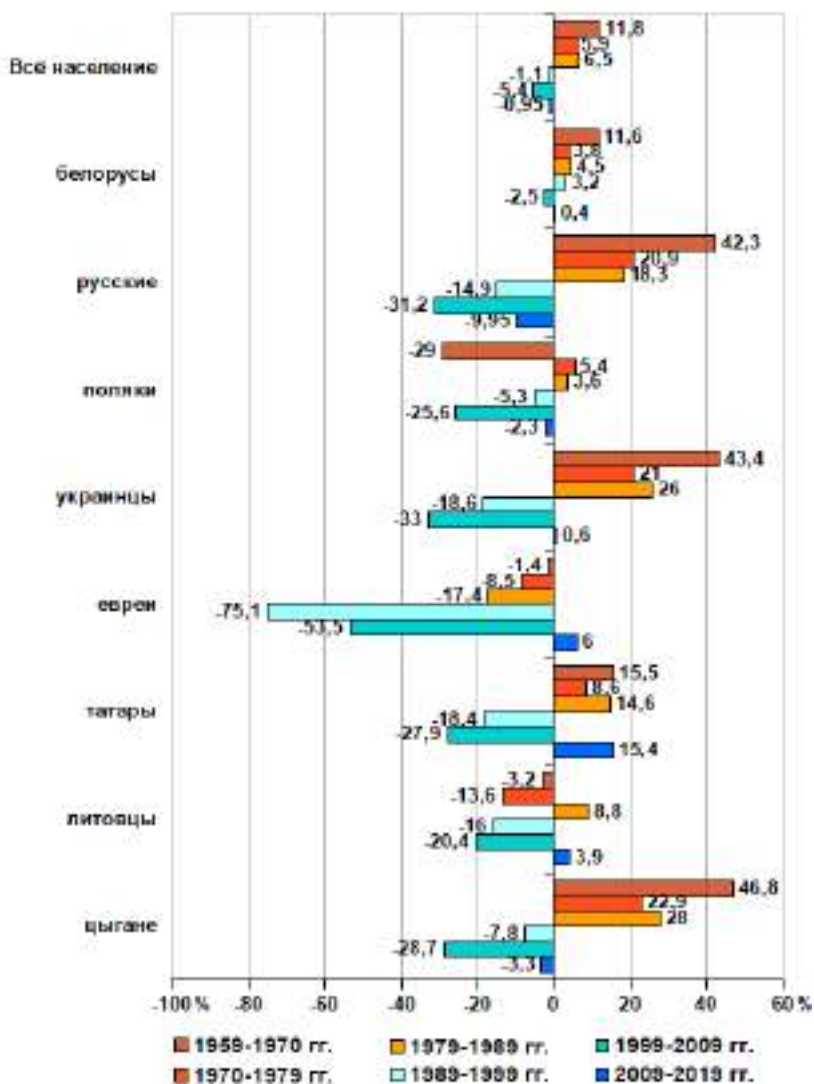

Рис. 79. Изменение численности этнических групп Белорусской ССР / Республики Беларусь в межпереписные периоды с 1959 по 2019 гг., %

Белорусы. В советское время наблюдался рост численности белорусов на территории республики, который был наиболее значительным в межпереписной период с 1959 по 1970 гг. Причиной этого являлся положительный естественный прирост, особенно высокий до 1970 г. из-за сохранения традиций повышенной рождаемости среди сельского населения. Именно в этот период началось активное переселение белорусов из сельской местности в города, где ещё некоторое время удавалось поддерживать традиции расширенного воспроизводства населения. Переломным в этом плане стало последнее десятилетие XX в. Хотя в целом в 1990-е гг. продолжался рост белорусов в республике, но он был обязан их миграционному притоку (реэмиграции) с территории других постсоветских государств. Особенно в этом плане выделялся 1992 г., в последующем интенсивность миграции снизилась²⁵⁰. В то же время обозначилась значительная естественная убыль белорусов на территории Республики Беларусь, и миграционный приток стал компенсирующим фактором, позволившим избежать значительного падения численности белорусов в молодом государстве.

В последующем, а именно в первом десятилетии XXI в., уже наблюдалось уменьшение численности белорусов в республике, соответствующее общему процессу развернувшейся здесь депопуляции. Положительные тенденции в демографической ситуации в Республике Беларусь обозначились после 2006 г.²⁵¹, что привело и к небольшому росту численности белорусов в период между переписями 2009 и 2019 гг. В качестве важнейшего фактора стабилизации численности белорусов стали собственно этнические процессы, а именно смена идентичности проживаю-

---

²⁵⁰ *Касперович Г. И.* Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111.

²⁵¹ Там же.

щих в республике представителей разных народов (особенно русских), характерная для этнически смешанных семей, в пользу титульного этноса Республики Беларусь. Так, например, в последние советские десятилетия в межэтнические браки вступали 70–75 % русских Белорусской ССР²⁵². В 2000-е гг. среди русских доля лиц с двойственной идентичностью (русско-белорусской) составляла порядка 45–50 %.

Русские. В советский период в республике быстро росла численность и доля русского населения, преимущественно за счёт миграционного притока. Тогда же в данной этнической группе ещё сохранялся положительный естественный прирост. Немаловажным фактором была смена национальной идентичности билингвов (в основном белорусско-русских) в пользу русского этноса. Данный процесс резко прервался с распадом СССР, сменившись на прямо противоположный. Также в 1990-е гг. обозначились миграционный отток и естественная убыль русского населения.

Согласно оценкам С. Я. Суще²⁵³, в последнем десятилетии XX в. в общей величине убыли русского населения в Республике Беларусь миграционный отток составлял около 10 % (который также включал вывод войск в середине 1990-х гг.²⁵⁴), а в первом десятилетии XXI в. — лишь 1–2 %. При этом основной причиной уменьшения численности русских в республике была смена этнической идентичности, которая составляла 65–70 % убыли русских в 1990-е гг., и 83–86 % — в 2000-е гг. Второй по значимости причиной сокращения русского населения в респуб-

---

²⁵²Население СССР. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 230–231.

²⁵³*Суций С. Я.* Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

²⁵⁴*Касперович Г. И.* Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111.

лике была естественная убыль, которая составляла, по оценкам С. Я. Суцкого, 27–35 % в 1990-е гг. и 14–17 % в 2000-е гг.²⁵⁵.

Республика Беларусь выступила в первые два десятилетия после распада СССР в качестве лидера на всём постсоветском пространстве по смене этнической идентичности русского населения. Однако в 1990-е гг. по сокращению численности русских (на 14,9 %) республика занимала последнее место среди стран ближнего зарубежья. Но уже в 2000-е гг. убыль русских выросла до 31,2 %, и Республика Беларусь вышла в пятёрку лидеров по данному показателю, уступив только четырём среднеазиатским республикам. В 2010-е гг. убыль русских значительно снизилась (менее 10 %), и Республика Беларусь вернулась в тройку стран с минимальным сокращением русских (по оценкам, наименьшие потери русского населения в этот период характеризовали Эстонию и Казахстан²⁵⁶).

Русское население всегда было в большей степени сконцентрировано в городах республики, особенно в г. Минске. Важно отметить, что именно городское русское население, в т. ч. столичное, в период с 1989 по 2019 гг. подверглось большей смене этнической идентичности, чем сельское²⁵⁷.

Поляки. По сравнению с другими этническими общностями Республики Беларусь поляки наименее урбанизированы. Именно этим можно объяснить уменьшение их численности в период с 1959 по 1970 гг., когда происходила интенсивная миграция сельского населения Белорусской ССР в города, что способствовало смене их этнической идентичности в пользу титульного народа республики. Связано это с тем, что между белорусами и местными поляками достаточно малая культурная дистанция. Так, более половины поляков считает белорусский

---

²⁵⁵Суцкий С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 11.

²⁵⁶Там же.

²⁵⁷Там же, с. 23.

язык родным, широко распространены белорусско-польские браки²⁵⁸.

В период между 1970 и 1989 гг. численность поляков немного выросла, что объясняется положительным естественным приростом в данной этнической группе в это время. В постсоветский период, особенно в первом десятилетии XXI в., вновь обозначилось уменьшение численности поляков, связанное как с отрицательным естественным приростом, так и сменой идентичности в пользу титульного этноса Республики Беларусь.

Украинцы. Положительную динамику украинцев до 1989 г. определял естественный и миграционный прирост. Украинцы в своём большинстве — городские жители, и их характеризует высокая степень интеграции в белорусскую культуру. Как и для русских, основными причинами уменьшения их численности в постсоветский период стали смена этнической идентичности и естественная убыль. При этом небольшой рост их численности в последнем десятилетии был связан с притоком с территории Украины, особенно беженцев в связи с военным конфликтом в Донбассе с 2014 г.²⁵⁹.

Евреи. Главной причиной сокращения численности евреев с 1959 по 1989 гг. была их миграция в крупные города СССР. Кроме того, свою роль сыграли такие факторы, как интеграционная стратегия в отношении белорусского общества, развитие межнациональной брачности. Со второй половины 1980-х гг. к этим причинам добавился миграционный отток в дальнее зарубежье, в основном в Израиль, США и Германию²⁶⁰. В 1990-е гг. наблюдался максимальный отток евреев из Республики Беларусь, в 2000-е гг. обозначилось некоторое уменьшение их мигра-

---

²⁵⁸Касперович Г. И. Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111.

²⁵⁹Там же.

²⁶⁰Там же.

ционного оттока. При этом в 2010-е гг. впервые произошёл небольшой рост численности евреев в республике.

Татары. Численность татар росла до 1989 г. в связи с естественным и миграционным приростом. С 1989 по 2009 гг. их численность снижалась как вследствие естественной убыли, так и собственно этнических процессов, т. е. смены идентичности в пользу титульного народа. Во втором десятилетии XXI в. в Республике Беларусь произошло восстановление положительного прироста татар.

Литовцы. Их численность уменьшалась с 1959 по 1979 гг. вследствие миграционного оттока и этнических процессов²⁶¹, эти же процессы возобновились в период с 1989 по 2009 гг. после кратковременного роста в конце советского периода (с 1979 по 1989 гг.). Новый рост численности литовцев обозначился в 2010-е гг.

Цыгане. В советское время данная этническая группа по причине повышенной рождаемости испытывала самый высокий прирост среди всех народов, проживающих в Белорусской ССР. В постсоветский период динамика численности цыган мало отличалась от остальных национальных групп Республики Беларусь, испытывающих демографическую убыль и смену этнического самосознания в пользу титульного народа.

В обзоре не представлен ряд этнических групп, которые стали относительно многочисленными в Республике Беларусь в результате миграций только в постсоветский период. К ним относятся армяне, азербайджанцы, грузины и некоторые другие народы.

Переписи населения 2009 и 2019 гг. зафиксировали резкий рост численности граждан республики, не указавших свою национальную принадлежность. Увеличение данной категории населения статистически занизило удельный вес белорусов и представителей других национальностей в Республике Беларусь по сравнению с предыдущими переписями населения. Перерасчёт доли представителей разных национальностей от числа тех, кто обозначил свою этническую принадлежность, позволяет увидеть

---

²⁶¹ Там же.

более стремительный рост удельного веса белорусов в XXI в. по сравнению с их долей от всего населения Республики Беларусь, обычно обозначаемой в итогах переписей (табл. 12).

Таблица 12

Национальный состав населения Белорусской ССР / Республики Беларусь по итогам переписей с 1959 по 2019 гг., %

	Доля от населения, указавшего национальность, %							Доля от всего населения, %	
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2019 г.	2009 г.	2019 г.
Белорусы	81,1	80,98	79,39	77,86	81,22	85,70	86,55	83,72	84,89
Русские	8,18	10,42	11,90	13,22	11,37	8,46	7,66	8,26	7,51
Поляки	6,69	4,25	4,23	4,11	3,94	3,17	3,08	3,10	3,06
Украинцы	1,65	2,12	2,42	2,87	2,36	1,71	1,73	1,67	1,70
Евреи	1,86	1,64	1,42	1,1	0,28	0,14	0,15	0,14	0,15
Татары	0,11	0,11	0,11	0,12	0,1	0,08	0,09	0,08	0,09
Цыгане	0,06	0,08	0,09	0,11	0,1	0,08	0,07	0,07	0,07
Литовцы	0,1	0,09	0,07	0,07	0,06	0,05	0,06	0,05	0,06
Другие	0,25	0,31	0,37	0,54	0,57	0,61	0,61	2,90	2,48

Причины роста численности категории лиц, не определившихся со своей этнической принадлежностью, могут быть раскрыты благодаря обзору современной языковой ситуации в Республике Беларусь. Но можно сразу отметить, что данное явление свидетельствует о сложности национальной самоидентификации в этнически смешанных семьях, и это, в свою очередь, отражает специфику этнодемографического прогноза, результаты которого представлены ниже.

Прогноз численности этнических групп до 2069 г. В таблице 3 представлен прогноз численности и удельного веса этнических групп Республики Беларусь до 2069 г. Прогноз по каждой этнической группе дан по трём сценариям — «низкому», «среднему» и «высокому». В случае сохранения наметившихся в постсоветский период тенденций по самоидентификации населения, ожидается значительный рост доли белорусов (рис. 13) при уменьшении удельного веса почти всех остальных

этнических групп (исключение могут составить евреи и цыгане), а также доли тех, кто не определился со своей национальностью. Наиболее значительные потери в численности и удельном весе ожидаются в двух этнических группах — русских и украинцах. Из традиционных для республики этнических групп также заметно может сократиться численность литовцев, в меньшей степени — поляков и татар.

Таблица 13

Прогноз численности и удельного веса основных этнических групп Республики Беларусь на 2069 г.

Этническая группа	Численность по итогам переписи 2019 г., чел.	Доля в населении в 2019 г., %	Прогноз численности в 2069 г., тыс. чел.*	Динамика численности с 2019 по 2069 гг., %*	Доля в населении в 2069 г., %
Белорусы	7990719	84,89	7 309–7 430	[-9; -7]	91,90–93,42
Русские	706992	7,51	223–232	[-68; -67]	2,81–2,92
Поляки	287693	3,06	155–167	[-46; -42]	1,95–2,10
Украинцы	159656	1,70	47–50	[-71; -69]	0,59–0,63
Евреи	13705	0,15	12–22	[-13; 57]	0,15–0,27
Татары	8445	0,09	4,2–7,3	[-50; -14]	0,05–0,09
Цыгане	6848	0,07	6,6–11	[-4; 61]	0,08–0,14
Литовцы	5287	0,06	2,1–3,5	[-61; -34]	0,03–0,04
«неизвестные»	187692	1,99	72–77	[-62; -59]	0,90–0,96
Другие	60114	0,64	36–48	[-20; -41]	0,45–0,61
Всего	9413446	100	7 866–8 047	[-16; -15]	100

* справочная оценка, исходя из средней рассчитанной численности населения страны.

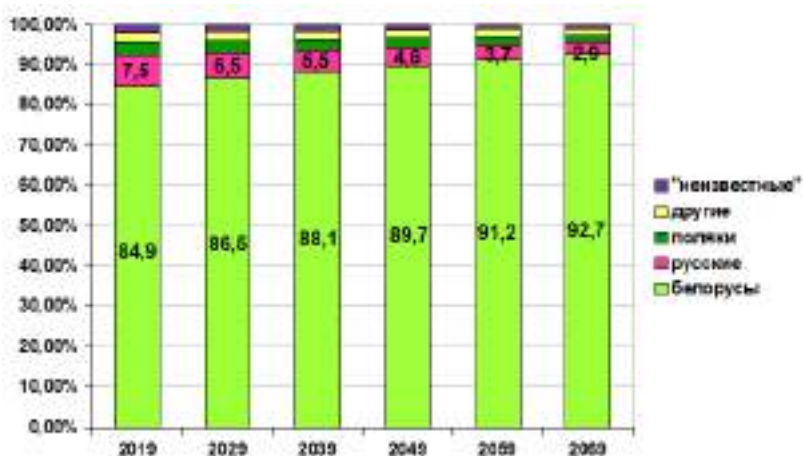

Рис. 80. Изменение этнической структуры населения Республики Беларусь до 2069 г. по среднему варианту этнодемографического прогноза

Численность представителей титульного этноса республики также будет уменьшаться, но заметно медленнее, чем население Республики Беларусь в целом, и потому их доля во всём населении будет расти. Главную роль в этом должна сыграть смена идентичности в пользу титульного этноса представителей других народов, проживающих в республике. Данная тенденция может быть прервана только в результате изменения факторов, имеющих политический характер.

Динамика численности этнических групп Республики Беларусь согласно среднему варианту прогноза по десятилетним интервалам с 2019 по 2069 гг. представлена на рисунке 81. Здесь можно увидеть быстрое нарастание со временем ассимиляционных процессов среди украинского и русского населения, чуть в меньшей степени — среди литовцев.

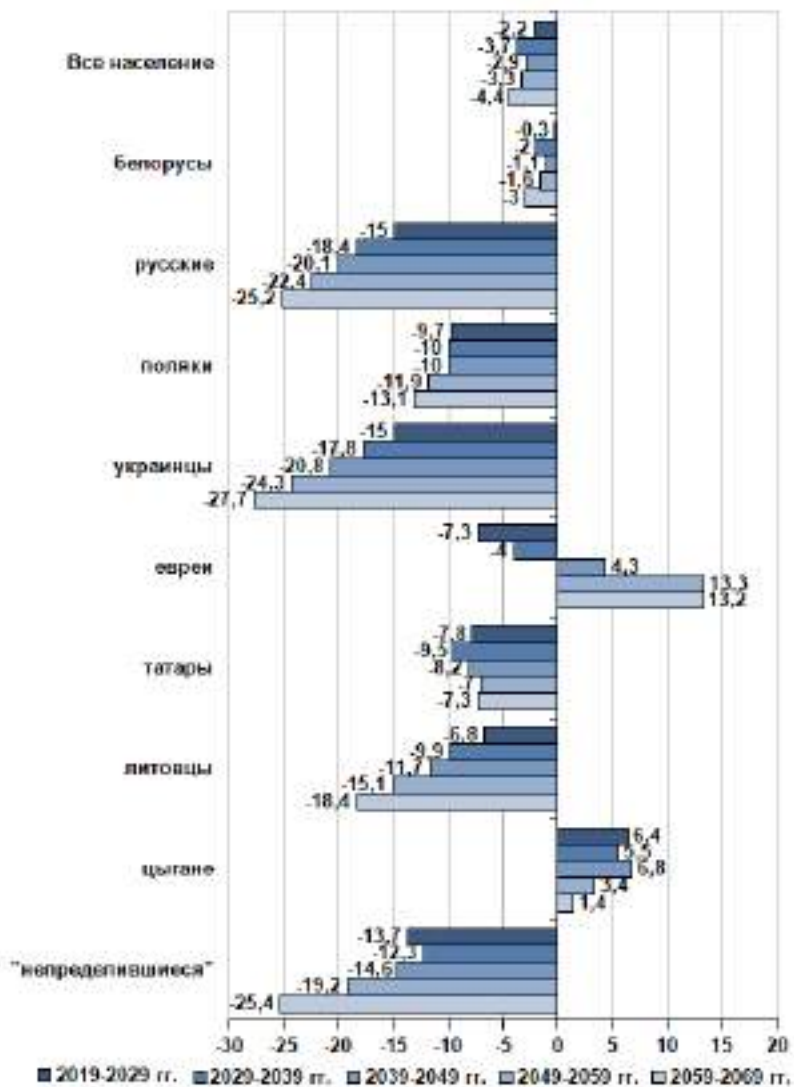

Рис. 81. Динамика численности этнических групп Республики Беларусь согласно результатам прогноза (средний вариант) по десятилетиям с 2019 по 2069 гг., %

Также нарастающими темпами ожидается сокращение численности неопределёвшихся со своей национальной принадлежностью. Уменьшение численности некоторых этнических групп (белорусов, поляков и татар) прогнозируется более стабильным по десятилетиям. И, наконец, согласно среднему и высокому вариантам прогноза, ожидается рост численности таких этнических групп, как цыгане и евреи. Что касается евреев, то их численность, в соответствии со средним вариантом прогноза, может начать расти в 40-е гг. XXI в., хотя в ближайшие два десятилетия прогнозируется уменьшение данной этнической группы.

Языковая ситуация и её прогноз на ближайшие десятилетия в зависимости от разных геополитических сценариев развития. В советское время доля населения, определявшая свой родной язык как белорусский, постепенно снижалась (с 76,6 % в 1970 г. до 65,5 % в 1989 г.), а русский — возрастала (с 21,2 в 1970 г. до 31,9 % в 1989 г.). Перепись 1999 г. зафиксировала существенный рост доли населения, называющего белорусский язык родным, — 73,7 %. Это связано с такими факторами, как массовая эмиграция еврейского населения, в большинстве (90,0 %) называвшего родным языком русский, смена этнической самоидентификации русского населения, смена идентификации родного языка национальных меньшинств с языков своих этнических групп и русского на белорусский, особенно среди русских (с 2,2 % в 1989 г. до 9,1 % в 1999 г.), украинцев (с 5,8 % до 14,3 %) и евреев (с 2,1 % до 17,1 %), некоторое повышение этой доли у белорусов (с 80,2 % до 85,6 %), идеологическое давление первых лет независимости, постулировавшее, что родным языком белоруса и гражданина Республика Беларусь может быть только белорусский. Сказалась также слабая распространённость понимания «родного языка» как первого языка, усвоенного в раннем детстве.

Для оценки реальной языковой ситуации в программу переписи 1999 г. впервые к вопросу о родном языке был добавлен вопрос о языке бытового общения респондента. Результаты переписи показали существенное расхождение ответов на эти два вопроса. Так, доля населения, указавшего русский язык как

язык бытового общения, в 2,6 раза превысила долю назвавших русский язык родным.

В дальнейшем идеологический прессинг в этом вопросе стал снижаться, прекратилась принудительная белоруссизация, следствием чего стало значительное снижение доли населения, называющего белорусский язык родным. Кроме того, результатом политических процессов 1990-х гг. стала существенная политизация языкового вопроса. Белорусский язык стал ассоциироваться с националистическими и оппозиционными политическими силами, приобрёл роль маркера определённых идеологических конструкций и социальных общностей²⁶².

Это не могло не отразиться на результатах переписей в части языковых вопросов, т. к. ответы на них у значительной части респондентов стали способом выражения определённых взглядов или отношения к определённым политическим и социальным явлениям. Это создало сложности в интерпретации результатов последующих переписей населения 2009 и 2019 гг., на которые в значительной степени оказала влияние текущая социально-политическая ситуация. Кроме того, перед каждой переписью разворачивается широкомасштабная агитация со стороны националистических средств массовой информации, деятелей культуры, призывающих указывать в качестве родного и домашнего языка белорусский язык вне зависимости от реальной ситуации, объясняя это вопросом национального престижа. Дополнительными факторами является тенденция относить к белорусскому языку любые формы смешанной русско-белорусской речи вне зависимости от того, элементы какого языка в данной речи преобладают, отсутствие возможности выбора при ответе таких вариантов, как «оба языка», «трасянка (смешанная речь)», продолжающаяся слабая распространённость понимания понятия родного языка как языка, усвоенного первым в раннем детстве. Результаты переписей 1999–2019 гг. по языковым вопросам в региональном разрезе представлены в таблице 14.

---

²⁶²Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и её динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 4. С. 66–82.

Таблица 14

Родной язык и язык бытового общения населения Республики Беларусь в 1999–2019 гг.

Регионы (области, столица)	родной язык						язык бытового общения					
	белорусский			русский			белорусский			русский		
	1999	2009	2019	1999	2009	2019	1999	2009	2019	1999	2009	2019
Брестская, в т. ч. город село	76,0	53,7	77,0 ¹	21,3	42,6	20,1 ¹	39,1	26,7	26,0	60,2	70,1	71,4
	66,5	41,0	74,5 ¹	31,0	54,9	22,6 ¹	18,8	9,8	7,6	80,8	86,9	90,4
	90,8	77,7	82,9 ¹	6,3	19,3	13,9 ¹	70,5	58,9	36,8	28,2	38,1	61,7
Витебская, в т. ч. город село	71,1	52,5	45,3	27,5	44,2	51,6	31,7	22,4	12,6	67,9	73,2	85,0
	64,0	43,7	40,6	34,6	52,3	55,9	15,3	10,8	6,6	84,4	84,4	90,6
	85,4	76,3	61,0	13,1	22,2	36,9	65,2	53,8	32,7	34,4	42,9	66,0
Гомельская, в т. ч. город село	75,2	54,5	47,0	22,7	41,8	50,0	34,5	22,7	14,5	65,0	72,0	83,3
	68,3	45,7	42,9	29,4	50,2	54,0	16,4	10,4	9,6	83,2	84,4	88,1
	90,1	78,5	60,4	8,2	19,2	36,6	73,5	55,7	30,5	26,0	38,8	67,5
Гроднен- ская, в т. ч. город село	72,6	59,2	54,5	21,5	36,1	41,7	53,6	35,1	37,9	44,7	56,5	60,1
	64,6	47,9	47,7	30,9	47,1	48,4	33,8	18,7	29,4	65,0	73,9	68,5
	86,0	84,2	75,2	6,0	11,6	21,3	86,7	71,3	63,6	10,8	17,7	34,7
Минская, в т. ч. город село	83,6	69,4	59,5	15,2	27,4	37,3	58,5	38,9	37,4	41,3	56,0	60,1
	76,9	60,0	52,4	21,8	36,6	44,2	38,3	21,9	27,9	61,5	72,8	69,3
	90,8	81,0	68,3	8,2	16,0	28,8	80,3	59,9	48,9	19,6	35,1	48,9
Могилёв- ская, в т. ч. город село	76,8	55,1	46,1	21,8	41,9	46,6	30,3	19,6	25,1	69,4	76,5	68,2
	71,1	46,8	41,7	27,4	49,5	50,3	14,0	10,0	22,7	85,6	86,0	70,0
	90,5	80,8	62,8	8,6	17,9	32,5	68,8	49,8	34,4	31,0	46,6	61,5
г. Минск	61,9	35,2	48,7	36,7	52,6	48,6	12,9	5,8	34,1	86,9	82,1	64,0
Беларусь, в т. ч. город село	73,7	53,2	54,1 ²	24,1	41,5	42,3 ²	36,7	23,4	26,0	62,8	70,2	71,4
	66,9	44,0	49,8 ²	31,1	49,8	46,6 ²	19,8	11,3	21,3	79,8	81,9	75,9
	89,2	79,7	69,2 ²	8,3	17,7	27,6 ²	74,7	58,7	42,1	24,5	36,2	55,8

¹по расчётным данным в Брестской области в 2019 г. доля населения, считающего родным белорусский язык, составляет 47,5 %, из них городского — 40,7 %, сельского — 63,6 %; доля населения, считающего родным русский язык составляет 40,0 %, из них городского — 47,1 %, сельского — 31,4 %;

²с учётом пересчитанных значений по Брестской области в целом по Респуб-

лике Беларусь в 2019 г. доля населения, считающего родным белорусский язык, составляет 49,9 %, из них городского — 45,4 %, сельского — 65,6 %; доля населения, считающего родным русский язык составляет 45,2 %, из них городского — 49,7 %, сельского — 29,9 %.

Как видно из таблицы, в целом доля русского языка и как родного, и как языка домашнего общения, возрастает. Особенно быстрый рост характерен для сельского населения по доле русского языка как языка домашнего общения. Это связано с естественной убылью населения старших возрастных групп, распространением среди сельского населения за последние 20 лет Интернета, социальных сетей и других средств социальных коммуникаций. Однако по результатам переписи 2019 г. отмечены аномальные результаты по вопросу о родном языке по Брестской области, свидетельствующие, по нашему мнению, об административном воздействии на них, которое привело к искажению реальных данных и занижению результатов для русского языка. Доказательства административного искажения, основанные на статистическом анализе результатов переписи, приведены нами в работе²⁶³.

На рисунке 82 представлена доля представителей отдельных национальностей, называющих родным русский и белорусский языки, во время переписей населения 1999, 2009 и 2019 гг.

Некоторое увеличение доли отдельных национальностей (русские, украинцы, евреи), назвавших белорусский язык родным в 2019 г., также связаны с аномальными результатами в Брестской области. Так, в ней проживает 23,6 % украинцев и по официальным данным русский язык назвали родным 41,4 % при среднереспубликанском значении для украинцев 62,4 %. Доля евреев в Брестской области, назвавших родным русский язык, составила 38,3 % при среднереспубликанских данных 83,6 % (табл. 15).

---

²⁶³ Соколов А. С. Региональные аспекты динамики использования русского языка населением Белоруссии в 2009–2019 годах // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 127–149. DOI: 10.17323/demreview.v8i1.12396.

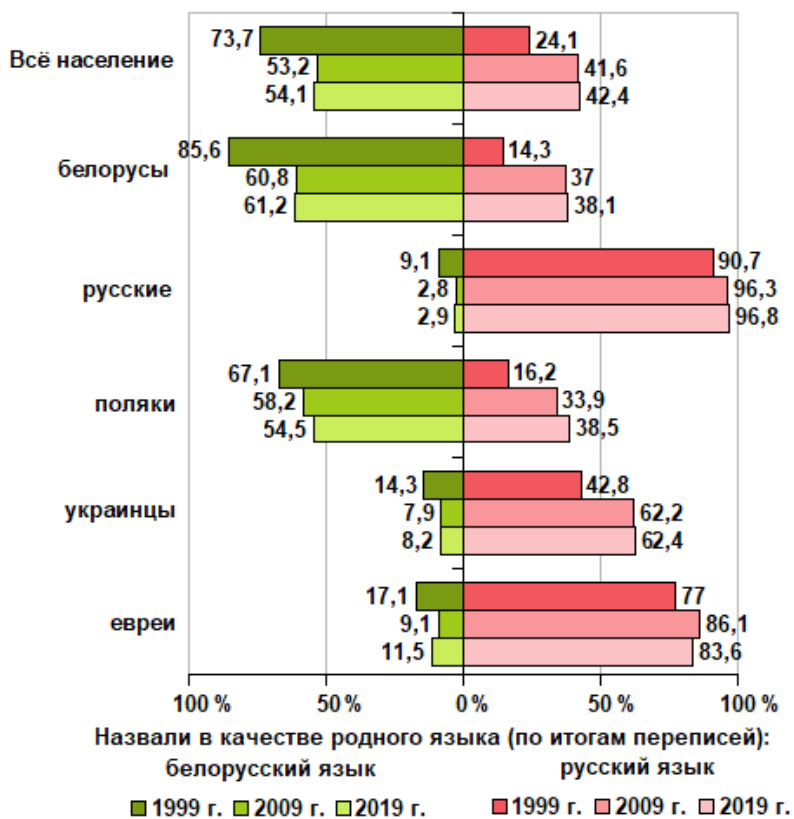

Рис. 82. Белорусский и русский как родные языки в разных этнических сообществах Республики Беларусь по итогам переписей 1999, 2009 и 2019 гг., %

С 2009 по 2019 гг. по официальным данным доля евреев в Брестской области, указавших родным белорусский язык, возросла в 2,4 раза, украинцев в 2,9 раза, русских в 4,3 раза. Для остальных регионов в целом такой рост зафиксирован только у евреев всего в 1,1 раза. Согласно официальным данным переписи 2019 г. в Брестской области проживает 54,0 % всех русских

Республики Беларусь, указавших своим родным языком белорусский, тогда как в 2009 г. эта доля равнялась 10,6 %.

Таблица 15

Русский язык как родной для отдельных национальностей в Брестской области и других регионах Республики Беларусь в 2009 и 2019 гг., %

Националь- ность	2009		2019	
	Брестская область	остальные регионы в целом	Брестская область	остальные регионы в це- лом
русские	96,7	96,2	88,1	98,2
украинцы	51,5	64,5	41,4	68,9
евреи	81,4	86,3	38,3	86,9

Перепись 2019 г. по сравнению с 2009 г. зафиксировала небольшой рост доли населения (на 1,2 %), использующего в быту русский язык, и одновременно выросла (на 2,5 %) доля тех, кто в быту использует белорусский язык (рис. 83).

Однако заметно сократилась (на 6,0 %) доля городского населения, указавшего русский язык в качестве языка домашнего общения. Главным образом, это произошло за счёт больших городов (более 100 тыс. жителей) во всех регионах, кроме Витебской области, особенно в г. Минске. Другие социолингвистические исследования, напротив, фиксируют снижение реального использования белорусского языка в крупных городах. Такая ситуация сложилась вследствие повышения уровня оппозиционных настроений в крупных городах со времени переписи 2009 г., что повлекло за собой увеличение доли людей, выбравших при переписи белорусский язык как один из символов оппозиционности²⁶⁴. Среди сельского населения ни в одном регионе не наблюдается снижения доли русского языка как языка бытового общения.

²⁶⁴ Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и её динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 4. С. 66–82.

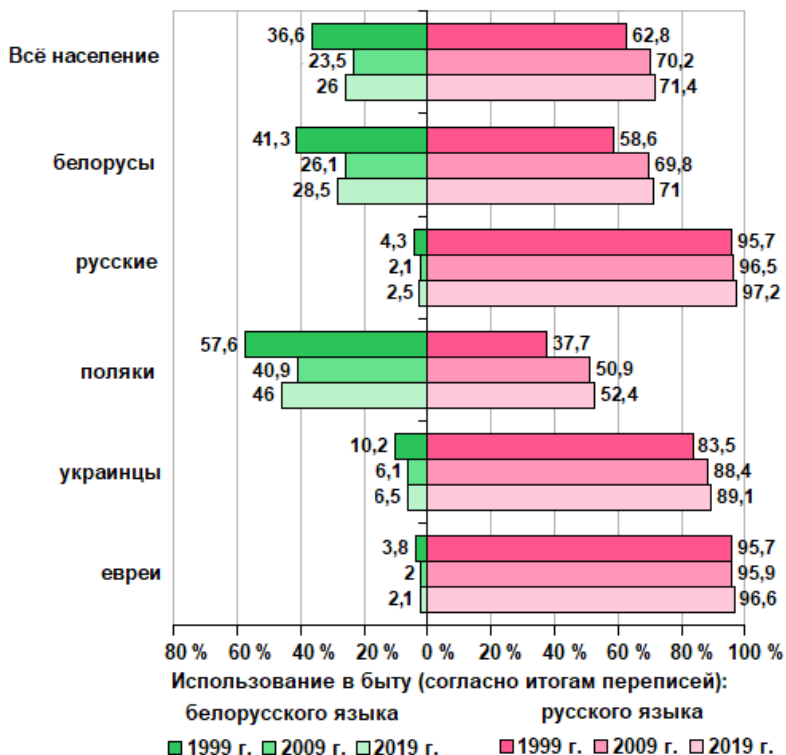

Рис. 83. Использование белорусского и русского языков в быту в разных этнических сообществах Республики Беларусь по итогам переписей 1999, 2009 и 2019 гг., %

Прогноз развития языковой ситуации достаточно сложен, т. к. на неё (а точнее, на результаты переписей) влияет множество разнородных факторов. Следует ожидать дальнейшего заметного увеличения доли называемого родным языком и языком домашнего общения русский язык сельского населения; для городского населения при сохранении текущей геополитической ситуации вероятны медленный рост этой доли или изменения флуктуационного характера. При усилении политической интеле-

грации с Россией возможны процессы обратной смены идентичности на русскую (как было в Крыму после воссоединения с Россией). При смене геополитического вектора на прозападный возможно медленное уменьшение доля населения, называющего русский язык родным, однако во многом это будет зависеть от ситуации в экономике и отношения населения к прозападному курсу. Весьма вероятно при таком сценарии исключение вопроса о языке домашнего общения из программы переписей, поскольку за это выступают националистические политические силы, т. к. результаты переписей по данному вопросу противоречат их идеологическим конструкциям.

Выводы. К числу наиболее многочисленных этнических групп Республики Беларусь, вместе с титульным этносом традиционно проживающих на её территории, относятся русские, поляки, украинцы, евреи, татары, литовцы и цыгане. В случае сохранения наметившихся в постсоветский период тенденций в самоидентификации населения, в ближайшие полвека ожидается значительный рост доли белорусов при уменьшении удельного веса почти всех остальных этнических групп (исключение могут составить евреи и цыгане), а также доли тех, кто не определился со своей национальностью.

Наиболее значительные потери в численности и удельном весе должны произойти в этнических группах русских и украинцев. Из традиционных для республики этнических групп также заметно может сократиться численность литовцев, в несколько меньшей степени — поляков и татар. При этом численность представителей титульного этноса республики будет уменьшаться, но заметно медленнее, чем население Республики Беларусь в целом. Пополнение титульного этноса республики должно происходить за счёт смены идентичности в его пользу представителей других народов, проживающих на территории Республики Беларусь. Данная тенденция может быть прервана только в результате изменения факторов, имеющих геополитический характер.

Что касается прогнозирования языковой ситуации в Республике Беларусь, то в ближайшие десятилетия следует ожидать

дальнейшего увеличения доли населения, называющего русский язык родным и языком домашнего общения. При сохранении текущей геополитической ситуации это особенно будет характеризовать сельское население, в меньшей степени — городских жителей. В случае смены геополитического вектора на прозападный возможно медленное уменьшение доля населения, называющего русский язык родным. Курс на усиление политической интеграции с Россией может в перспективе привести к процессам обратной смены идентичности на русскую.

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП УКРАИНЫ С 1959 ГОДА И ОЦЕНКА НА 2021 ГОД

Украина является единственной из европейских стран ближнего зарубежья, которая в постсоветский период провела всего одну национальную перепись населения, которая состоялась в 2001 г. Первоначально предполагалось, что следующая перепись населения будет проведена в 2010 г., но она была отложена до 2020 г. Но и в 2020 г. перепись населения не состоялась, а была перенесена на 2023 г. В 2022 г. стало очевидным, что и эта перепись проведена не будет, во всяком случае, в границах Украины на 2014 г. Тем не менее, существует потребность в оценке как численности населения Украины, так и её национального состава для понимания хода демографических и этнолингвистических процессов в течение двух десятилетий, прошедших после последней переписи на её территории.

Целью исследования является выявление особенностей динамики наиболее многочисленных этнических и языковых групп на территории Украины в период с 1959 г., а также оценка их численности вплоть до 2021 г.

В качестве информационной базы исследования выступают материалы переписей населения, проведённых на Украине в советское время (в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.²⁶⁵) и постсоветский период (перепись населения 2001 г.²⁶⁶). При осуществлении оценки численности этнических групп на 2011 и 2021 гг. была использована статистика Отдела народонаселения ООН²⁶⁷.

---

²⁶⁵Demoskop Weekly. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (дата обращения: 15.06.2022).

²⁶⁶Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (дата обращения: 20.01.2021); Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.-mashke.org/> (дата обращения: 15.06.2022).

Несмотря на то, что на территории Украины в постсоветский период была проведена только одна перепись населения, к её результатам было привлечено достаточно пристальное внимание. Её итогам было посвящено много работ, опубликованных как на украинском языке²⁶⁸, так и на русском языке²⁶⁹. При этом в работах российских авторов чаще всего обращается внимание на положение русских на Украине, их этнической и языковой ассимиляции в постсоветский период²⁷⁰. Русскоязычие на территории Украины рассматривается также в контексте вопросов

---

²⁶⁷WPP. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2019. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 15.06.2022).

²⁶⁸*Борисенко В. К.* Етнічний склад населення України // Українська етнологія / За ред. В. К. Борисенко. К.: Либідь, 2007. С. 60–69; *Крисаченко В. С.* Динаміка населення: популяційні, етнічні та глобальні виміри. К.: НІСД, 2005. 368 с.; *Лозинський Р. М.* Мовна ситуація в Україні (суспільно-географічний погляд). Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2008. 503 с.; *Скляр В.* «Поліетнічність» населення України і результати переписів 1989 та 2001 років // Українознавство. 2016. № 1 (58). С. 136–154.

²⁶⁹*Джаман В. А., Джаман Я. В., Мручковский П. В.* Этническая структура населения Украины и её динамика в период становления государственной независимости // География в школе. 2014. № 8. С. 26–35; *Тархов С. А.* Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвёртые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность (сборник докладов). М.: Эслан, 2004. С. 144–164; *Хмелько В. Е.* Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15.

²⁷⁰*Бирюкова С. Н.* Проблемы функционирования русского языка на Украине // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 3. С. 27–31; *Городяненко В. Г.* Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 89–96; *Ефимов С. А.* Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189; *Митрофанова И. В., Суцций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58; *Суцций С. Я.* Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

языковой политики в государствах ближнего зарубежья после распада СССР²⁷¹.

Динамика численности населения Украины по итогам переписей советского периода, единственной постсоветской переписи 2001 г., а также оценка численности (без учёта миграций) до 2021 г. представлена на рисунке 84.

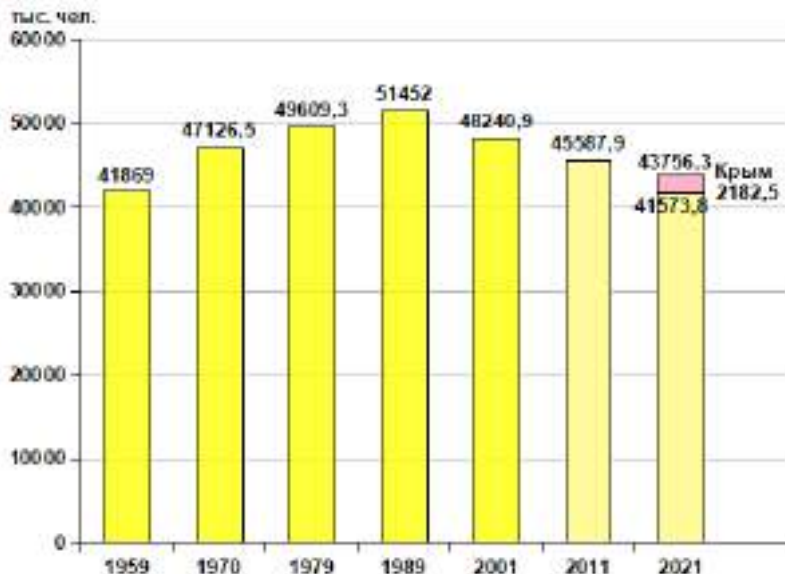

Рис. 84. Динамика численности населения Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка на 2011 и 2021 г., тыс. чел.

²⁷¹ *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социально-прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.; *Арефьев А. Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения: 25.01.2021); *Артунова М. А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178; *Cheskin A., Kachuyevski A.* The Russian-speaking populations in the post-soviet space: language, politics and identity // Europe-Asia Studies. 2019. Т. 71. № 1. С. 1–23; *Ivanchenko V. S., Chimiris E. S.* Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics // Political Science Issues. 2020. Vol. 10. No. 3 (42–44). P. 305–315.

Общим трендом динамики населения Украины в советский период был рост численности, и потому максимальная численность населения в них была зафиксирована по итогам последней Всесоюзной переписи 1989 г. Наиболее значительный прирост населения Украины был между переписями 1959 и 1970 гг. (+12,6 %), в последующем прирост сильно замедлился — до 5,3 % между переписями населения 1970 и 1979 гг., и до 3,7 % между переписями 1979 и 1989 гг. После распада Советского Союза население Украины стало стремительно сокращаться, и перепись населения 2001 г. зафиксировала падение численности населения страны на 6,2 % по сравнению с итогами последней Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Согласно нашим оценкам, которые опираются на тренд демографических процессов в период между 1989 и 2001 гг., численность населения Украины должна была бы сократиться с 2001 по 2011 гг. на 5,5 %, а с 2011 по 2021 гг. (в границах до 2014 г.) — на 4 %. Соответственно, падение численности населения Украины с учётом утраты Крыма более существенное и составляет 8,8 % в интервале с 2011 по 2021 гг.

Численность представителей основных этнических сообществ Украины по итогам Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Всеукраинской переписи 2001 г. и оценка их численности на 2011 и 2021 гг. представлены в таблице 16. Оценка на 2011 и 2021 гг., как и в случае с общей численностью населения Украины, дана в соответствии с основным этнодемографическим сценарием, который отражает характер этнических процессов, происходивших в период между переписями 1989 и 2001 гг.

По динамике численности в советский период, а точнее, с 1959 по 1989 гг., а также в постсоветский период, этнические сообщества Украины можно разделить на две основные группы (рис. 85). Первую группу составляют три восточнославянских народа (русские, украинцы и белорусы), а также молдаване и болгары, численность которых в советский период росла (исключение — болгары в 80-е гг. XX в.), а в постсоветский период — уменьшалась.

Таблица 16

Численность представителей основных этнических групп Украины по итогам переписей населения с 1959 по 2001 гг. и оценка (согласно основному сценарию) до 2021 г.

	Всесоюзные переписи				Всеукраинская перепись	Оценка согласно основному сценарию развития этнодемографических процессов		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.		2001 г.	2011 г.	2021 г.
Всё население	41869046	47126517	49609333	51452034	48240902	45587859	43756310	41573813
Украинцы	32158493	35283857	36488951	37419053	37541693	36994145	36685540	36085044
Русские	7090813	9126 331	10471602	11355582	8 334 141	6 206 347	4 566 752	3 559 193
Евреи	840 311	775 993	632 610	486 628	103 878	94 862	86 897	82 007
Поляки	363 297	295 107	258 309	219 179	144 130	99 396	68 650	66 054
Белорусы	290 890	385 847	406 098	440 045	275 763	217 933	164 437	153 468
Молдаване	241 650	265 902	293 576	324 525	258 619	209 521	169 251	166 476
Болгары	219 409	234 390	238 217	233 800	204 574	180 449	160 104	157 304
Крымские татары	193	3 554	6 636	46 917	248 193	249 188	249 282	2 903
Другие и не указавшие национальность	663 990	755 536	813 334	926 305	1 129 911	1 336 018	1 605 397	1 301 364

При этом динамика численности этих народов примерно соответствовала общим трендам в изменении всего населения Украины в межпереписные периоды, но имела разную интенсивность. Так, нужно отметить более интенсивный рост численности русских и белорусов в советский период, и особенно в 60-е гг. XX в., что свидетельствует об их значительном миграционном притоке. Рост численности украинцев несколько запаздывал на фоне общего увеличения населения Украины.

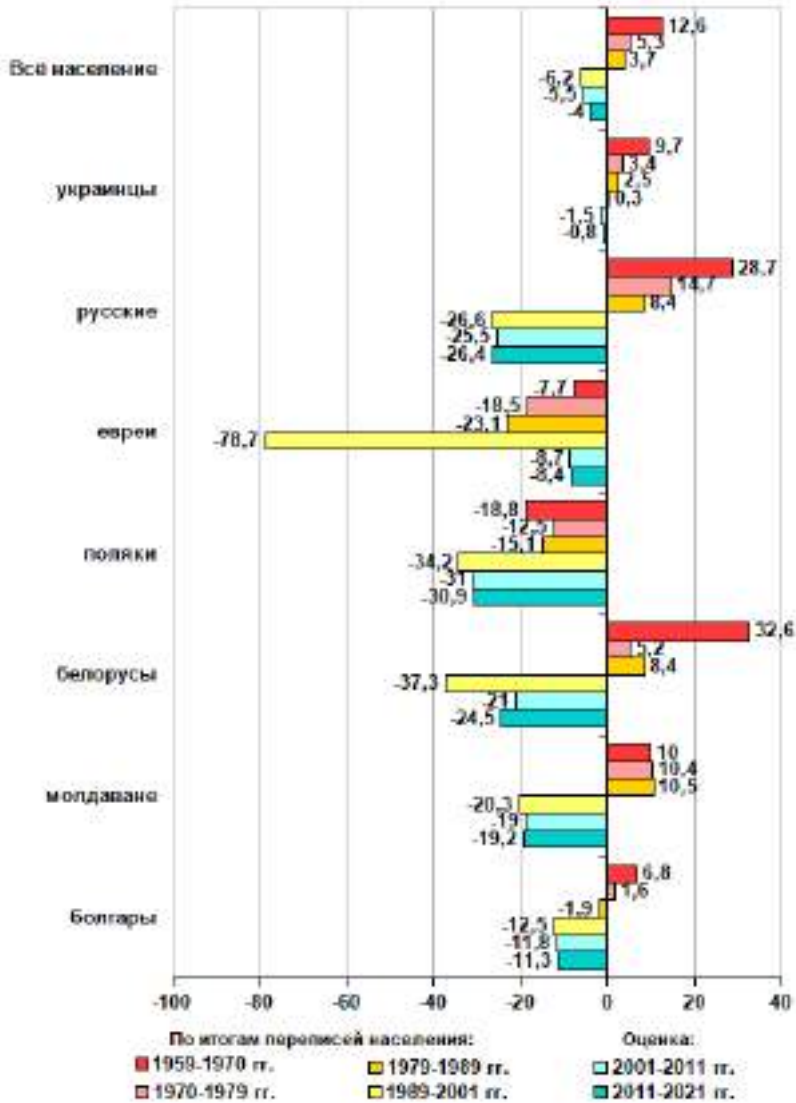

Рис. 85. Изменение численности основных этнических групп Украины в межпереписные периоды с 1959 по 2001 гг. и оценка (согласно основному сценарию) до 2021 г., %

В постсоветский период численность украинцев стала уменьшаться (даже несмотря на то, что сразу после распада Советского Союза отмечалась их миграция из России на родину²⁷²), но не столь интенсивно, как у нетитульных народов Украины. В этом свою роль сыграли сразу три процесса: естественная убыль, миграционный отток и ассимиляция со стороны титульного этноса. Так, к примеру, согласно оценкам С. Я. Суццего, сокращение русского населения на территории Украины в последнем десятилетии XX в. было наполовину вызвано сменой этнической самоидентификации, и по 25 % приходилось на миграционный отток и естественную убыль²⁷³.

Вторую группу образуют евреи, поляки, а также ряд европейских народов (например, венгры, словаки), численность которых уменьшалась на протяжении всего исследуемого интервала (с 1959 г.). Что касается евреев, то их численность была высока с досоветского времени, т. к. значительная часть территории будущей Украины до революции входила в пределы «черты оседлости» еврейского населения. После революции началось «растворение» этой «черты», т. е. выезд евреев за её пределы. Миграционный отток евреев постепенно нарастал, и достиг своего максимума в 90-е гг. XX в., когда бывшие советские евреи стали активно переезжать в Израиль. Также стабильно на протяжении всего анализируемого временного интервала, включая и постсоветский период, сокращалась численность поляков.

Особо нужно сказать об этнической группе крымских татар, которые после депортации в 1944 г., начиная с конца советского периода, но особенно активно в 1990-е гг. стали возвращаться на свою историческую родину²⁷⁴. Соответственно, их численность росла очень высокими темпами в 1980-е гг.

---

²⁷² Манаков А. Г., Муравьев А. Д. Картографический анализ динамики численности белорусов и украинцев в России с 1959 по 2010 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 108–119.

²⁷³ Суцций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

(в 7 раз) и в последнем десятилетии XX в. (в 5,3 раза). В последующем их численность должна продолжать расти за счёт положительного естественного прироста. Однако в 2014 г., вместе с другими народами Крыма, в подавляющем большинстве крымские татары стали российским народом, и лишь небольшая их группа осталась собственно на территории Украины.

Традиционно наиболее пристальное внимание в постсоветский период обращается на динамику и соотношение проживающего на территории Украины украинского и русского населения²⁷⁵. Это связано с достаточно быстрым сокращением численности русского населения в постсоветский период. Также предпринимались попытки оценить современную численность (по причине устаревания результатов Всеукраинской переписи 2001 г.) и перспективы динамики русского населения.

Так, например, И. В. Митрофанова и С. Я. Суцый оценили численность русского населения на территории Украины на 2020 г. (в границах после 2014 г.) в 3,7–4,1 млн чел.²⁷⁶. Наша оценка численности русских на 2021 г., учитывающая сохранение этнопроцессов на том же уровне, что и в 1990-е гг., немного ниже и соответствует около 3,6 млн чел. без Крыма (рис. 86).

---

²⁷⁴ Манаков А. Г., Петрова А. А. Картографирование расселения и динамики численности татар в советское и постсоветское время // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 41–52.

²⁷⁵ Ефимов С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189; Митрофанова И. В., Суцый С. Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58; Суцый С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

²⁷⁶ Митрофанова И. В., Суцый С. Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 55.

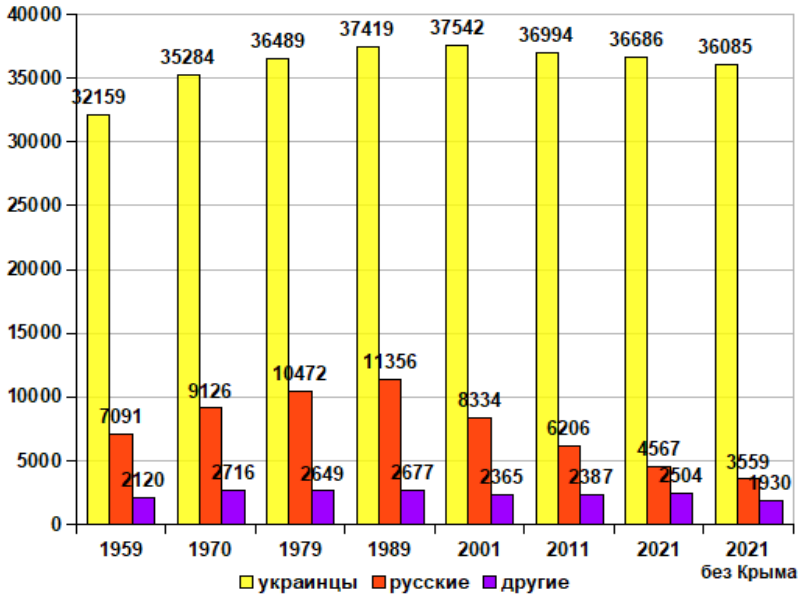

Рис. 86. Динамика численности украинцев, русских и других этнических групп на территории Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка на 2011 и 2021 г., тыс. чел.

Эта оценка дана в соответствии с основным сценарием прогноза, предполагающего сохранение до 2021 г. трендов этнодемографических процессов, заданных между переписями 1989 и 2001 гг. В случае реализации данного сценария доля украинцев в населении Украины в 2021 г. в её границах до 2014 г. должна была бы составлять 83,8 %, а русских — 10,4 % (или, соответственно, 87 % и 8,6 % в новых границах, т. е. без Крыма). Динамика удельного веса украинцев и русских в населении Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка до 2021 гг. отражена на рисунке 87.

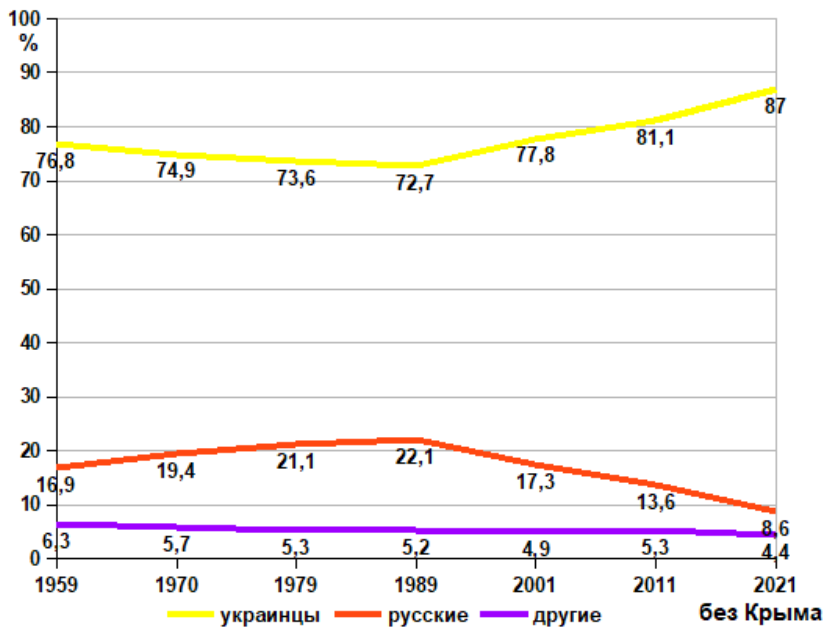

Рис. 87. Изменение доли украинцев, русских и остального населения Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка (по основному сценарию) на 2011 и 2021 гг., %

Однако нами были рассчитаны и другие сценарии течения этнодемографических процессов, которые могли бы быть реализованы в случае иной национальной политики молодого украинского государства (рис. 88).

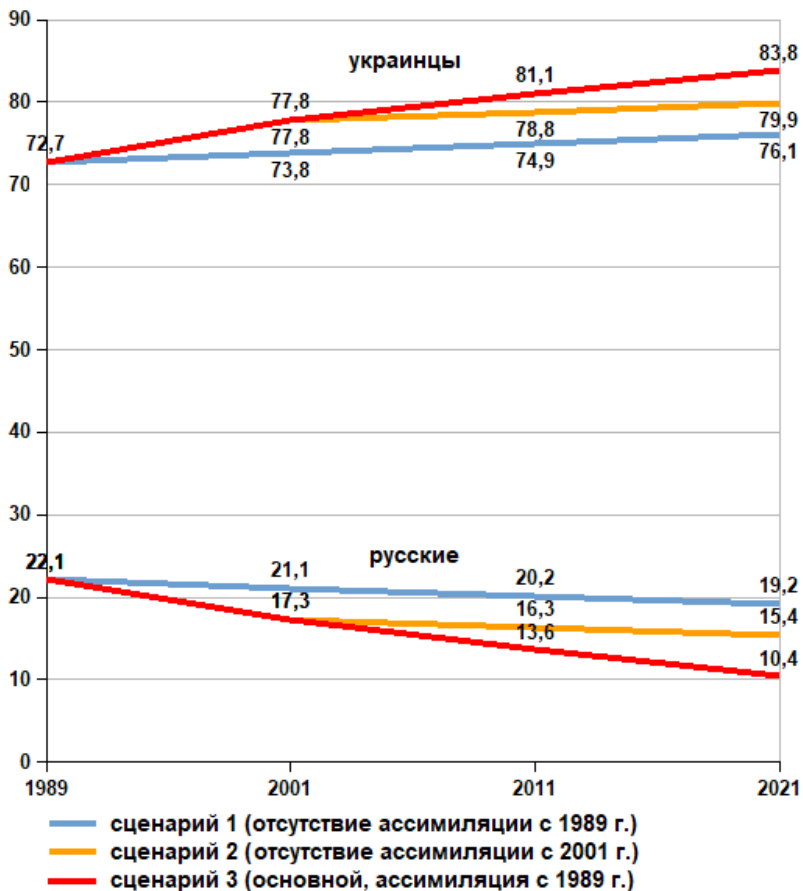

Рис. 88. Изменение удельного веса украинцев и русских в населении Украины с 1989 по 2021 гг. по разным сценариям развития этнодемографических процессов в зависимости от национальной политики государства, %

Первый сценарий можно условно считать советским, так как он исключает влияние политических факторов на ход этнодемографических процессов. То есть он предполагает сохранение процессов, заложенных в советский период, таких, как соб-

ственно демографический прирост (в постсоветский период — убыль) и естественная ассимиляция этнических сообществ. Но сценарий не учитывает возможные миграции населения, которые в меньшей мере поддаются демографическому прогнозированию, т. к. зависят от совокупности социально-экономических и политических факторов. Согласно данному сценарию, т. е. в условиях отсутствия миграционной подпитки русского населения на Украине, доля русских должна была бы уменьшаться, но незначительно — с 22,1 % в 1989 г. до 19,2 % в 2021 г., т. е. почти на 3 %. Доля украинцев в населении Украины за это время должна была бы вырасти с 72,7 до 76,1 %, т. е. на 3,4 %.

Второй сценарий предполагает отсутствие ассимиляции по политическим причинам, но не сразу после распада Советского Союза, а в интервале с 2001 по 2021 гг. В случае реализации этого сценария доля украинцев в 2021 г. составляла бы 79,9 % населения Украины (рост с 1989 г. на 7,2 %), а русских — 15,4 % (падение на 6,7 %).

Третий, основной, сценарий хода этнодемографических процессов предполагает сохранение в первые два десятилетия XXI в. тренда этнической ассимиляции, заданного в 1990-е гг. Это самый негативный сценарий для русского населения, предполагающий ускоренную смену этнической самоидентификации русских в пользу титульного этноса. Согласно этому сценарию, доля русских с 1989 по 2021 гг. в границах Украины до 2014 г. должна уменьшиться с 22,1 до 10,4 %, т. е. на 11,7 % или более, чем вдвое. Доля украинцев в населении Украины при реализации данного сценария должна достигнуть 83,8 %, и увеличиться с 1989 г. на 11,1 %.

Вопрос о смене этнической идентичности напрямую связан с языковой ситуацией на территории Украины. Согласно результатам последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всеукраинской переписи 2001 г. достаточно большая группа идентифицировавших себя как «украинцы» называет в качестве родного русский язык (рис. 89).

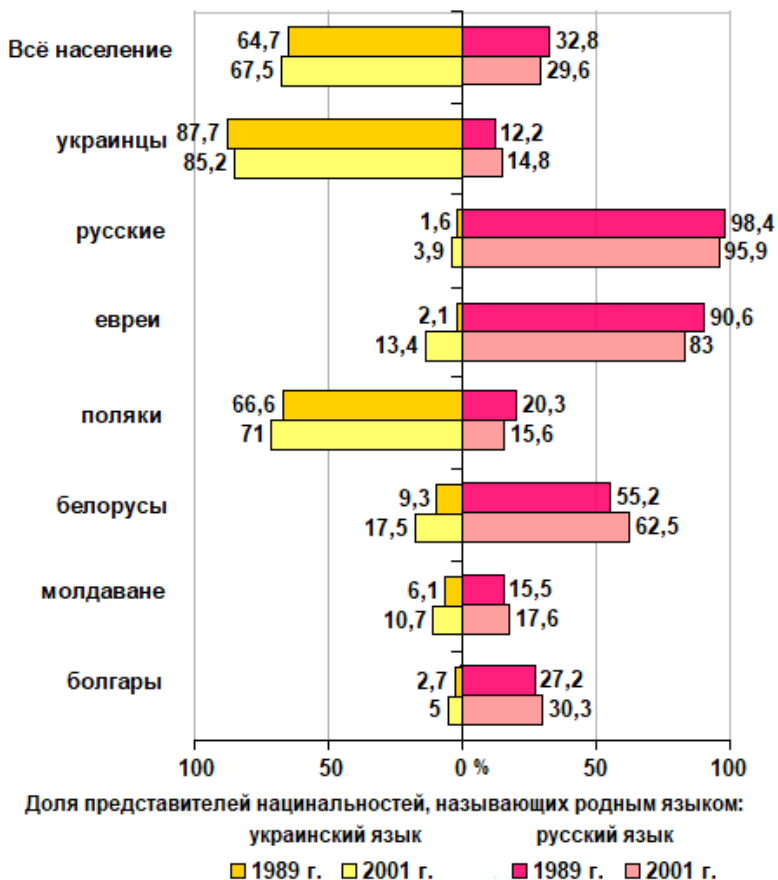

Рис. 89. Украинский и русский как родные языки в разных этнических сообществах Украины по итогам переписей населения 1989 и 2001 гг., %

Причём эта доля даже выросла с 1989 по 2001 гг. с 12,2 до 14,8 % при зеркальном сокращении доли тех, кто назвал родным украинский язык, что свидетельствует о вхождении к 2001 г. в состав «украинцев» тех, кто ранее идентифицировал себя ранее

как «русские»²⁷⁷. При этом сократилась доля русских, которые называют русский язык в качестве родного. И эта языковая ассимиляция является первым шагом для последующей «титализации» русских, т. е. смены идентичности в пользу титульного этноса.

Удельный вес людей, обозначивших украинский язык как родной, с 1989 по 2001 г. вырос во всех основных этнических группах Украины. Но при этом в ряде этнических групп (белорусы, молдаване, болгары) одновременно увеличилась доля тех, кто назвал родным русский язык.

Для оценки на 2021 г. количества тех, кто считает на Украине родным языком русский или украинский язык, по аналогии с динамикой этнических групп, нами были разработаны три сценария (рис. 90). Первый сценарий исходит из отсутствия языковой ассимиляции с конца советского периода. В случае реализации данного сценария доля русскоязычных к 2021 г. сократилась бы на 2,2 % (до 30,6 %), а доля украиноязычных — увеличилась бы на 2,3 % (до 67 %).

В случае, если политика по языковой ассимиляции прекратилась бы с 2001 г., доля украиноязычного населения выросла бы на 4,4 % (до 69,1 %), а русскоязычных — сократилась бы на 4,9 % (до 27,9 %). И наконец, реализация основного сценария, основанного на сохранении языковой ассимиляции в первые два десятилетия XXI в. на том же уровне, что и в 1990-х гг., предполагает сокращение к 2021 г. доли русскоязычных до 23,9 % (на 8,9 %), и увеличение доли украиноязычных до 72 % (на 7,3 %).

---

²⁷⁷ *Ефимов С. А.* Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 185.

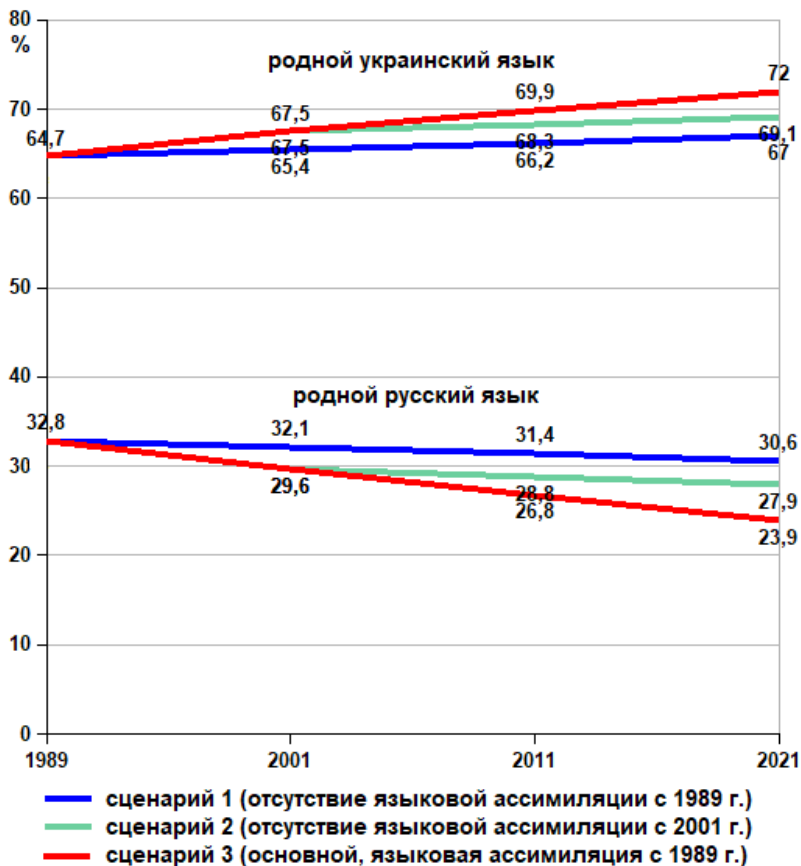

Рис. 90. Изменение удельного веса населения, называющего родным украинский и русский языки, с 1989 по 2021 гг. по разным сценариям развития языковых процессов в зависимости от национальной политики Украины, %

Нужно отметить, что достаточно лёгкая смена языковой идентичности с «русской» на «украинскую» объясняется широким развитием на территории Украины билингвизма, с чем связана и двойственная этническая идентичность достаточно

большой группы населения. И. В. Митрофанова и С. Я. Суций²⁷⁸ называют эту группу «биэтническим множеством» и на 2015 г. оценивали её численность в 11–12 млн чел. (их них порядка 2 млн «русских»). Соответственно, эти 2 млн являлись первыми претендентами на «титулизацию». Другое название этой категории населения с двойной этнической идентичностью — «биэтнофоры»²⁷⁹.

Выводы. В число наиболее многочисленных этнических сообществ Украины, динамика которых проанализирована в статье, входят русские, белорусы, евреи, поляки, молдаване и болгары. Также особо рассматриваются крымские татары. По динамике численности в советский и постсоветский периоды этнические сообщества Украины были разделены на две основные группы. Первую группу составляют три восточнославянских народа (русские, украинцы и белорусы), а также молдаване и болгары, численность которых в советский период росла (исключение — болгары в 80-е гг. XX в.), а в постсоветский период — уменьшалась. Вторую группу образуют евреи, поляки, а также ряд титульных народов соседних с Украиной стран (например, венгры, словаки), численность которых уменьшалась на протяжении всего исследуемого временного интервала.

В ходе исследования была дана оценка численности наиболее многочисленных этнических и лингвистических (по родному языку) сообществ Украины на 2021 г. в соответствии с тремя этнодемографическими сценариями. Первый сценарий является ныне уже не реализуемым, но важным для сравнительного анализа, т. к. исходит из хода ассимиляционных процессов, соответствующих советскому периоду, и отражает, в первую очередь, изменения в естественном движении этногрупп. Второй сценарий мог бы быть реализован в случае, если бы «титу-

---

²⁷⁸ Митрофанова И. В., Суций С. Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58.

²⁷⁹ Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.

лизация» этнических групп Украины прекратилась после 2001 г. Третий, основной, сценарий предполагает ход ассимиляционных процессов в период с 2001 по 2021 гг., аналогичный периоду с 1989 по 2001 гг.

Согласно основному сценарию, доля русских с 1989 по 2021 гг. в границах Украины до 2014 г. должна уменьшиться с 22,1 до 10,4 %, или более, чем вдвое (а без Крыма — до 8,6 %). Доля украинцев в населении Украины при реализации данного сценария должна достигнуть 83,8 %, и увеличиться с 1989 г. на 11,1 % (или до 87 % без Крыма). В случае реализации основного сценария по родному языку к 2021 г. доля русскоязычных должна уменьшиться до 23,9 % (на 8,9 %), а доля украиноязычных — увеличиться до 72 % (на 7,3 %).

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И УКРАИНА: Контрасты этнической и языковой идентичности

Республика Беларусь является единственной страной постсоветского пространства, где с начала XXI в. изменения в этнической и языковой структуре населения приобрели разную направленность. Такая ситуация является следствием билингвизма значительной части населения, а также референдума 1995 г. Референдум закрепил за русским языком статус государственного, наравне с белорусским, превратив Республику Беларусь в страну «государственного билингвизма». И, несмотря на продолжающееся сокращение собственно русского населения, в республике росло число граждан, называющих родным русский язык. Украина, несмотря на сходство с Республикой Беларусь по высокой доле билингвов и общему ходу этнодемографических процессов, является прямой противоположностью последней по динамике языковых групп населения.

В отличие от Республики Беларусь, которая за постсоветский период провела три переписи населения (в 1999, 2009 и 2019 гг.), Украина сумела провести всего одну национальную перепись населения, которая состоялась в 2001 г. Первоначально предполагалось, что следующая перепись населения будет проведена в 2010 г., но она была отложена до 2020 г. Но и в 2020 г. перепись населения не состоялась, а была перенесена на 2023 г. В 2022 г. стало очевидным, что и эта перепись проведена не будет. При этом перепись населения 2001 г. так и осталась единственной на Украине, проведённой в её границах на момент распада Советского Союза. Тем не менее, существует потребность в оценке национального и языкового состава населения Украины для понимания хода этнолингвистических процессов в течение двух первых десятилетий XXI в.

Целью исследования является сравнение хода этнических и языковых процессов в Республике Беларусь и Украине в постсоветский период. Для этого в ходе исследования была дана

оценка изменения численности основных этнических сообществ и лингвогрупп на Украине в период с 2001 по 2021 гг. в зависимости от сценария этнолингвистической динамики — собственно «украинского» и «белорусского».

Исследование опирается на результаты Всесоюзных переписей населения, размещённые на ресурсе “Demoskop Weekly”²⁸⁰; данные национальных переписей населения Республики Беларусь²⁸¹ и Украины²⁸², в т. ч. представленные на сайте “Population statistics of Eastern Europe & former USSR”²⁸³; оценочные и прогнозные данные Отдела народонаселения Организации Объединённых Наций²⁸⁴.

В динамике удельного веса титульных народов Белоруссии и Украины, а также доли русского населения в этих республиках, наблюдаются очень схожие, почти параллельные, изменения на протяжении большей части советского и постсоветского периодов (рис. 91). Общими трендами в этой динамике являются рост доли русского и уменьшения титульного населения в советский период, и обратная динамика — в постсоветский период.

---

²⁸⁰Demoskop Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?su=2> (дата обращения: 15.06.2022).

²⁸¹Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. 55 с.

²⁸²Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (дата обращения: 20.01.2021).

²⁸³Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://popstat.mashke.org/> (дата обращения 15.06.2022).

²⁸⁴WPP. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2019. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 15.06.2022).

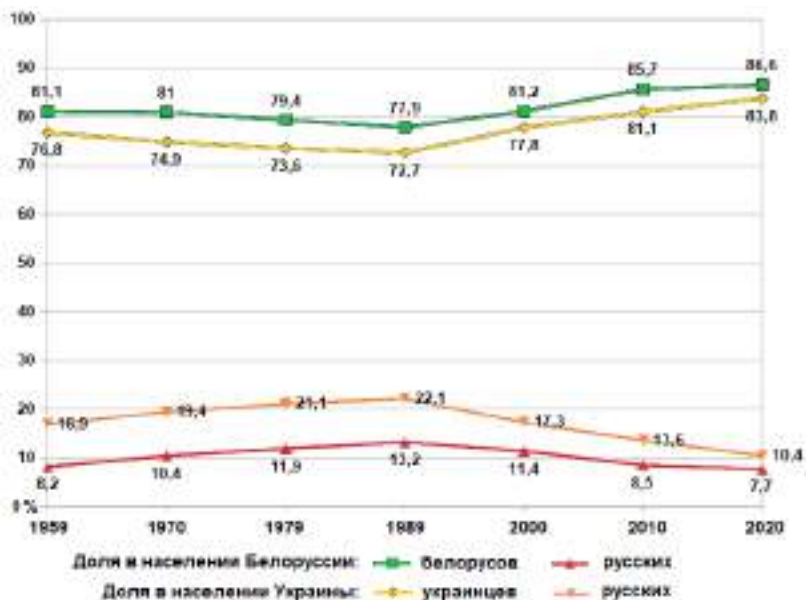

Рис. 91. Динамика доли титульного и русского населения в Белоруссии и Украине по итогам Всесоюзных переписей с 1959 по 1989 гг., национальных переписей 1999, 2009, 2019 гг. в Республике Беларусь и 2001 г. на Украине (с авторской оценкой на 2011 и 2021 гг. в границах до 2014 г.)

Но заметно также и более ускоренное сокращение доли русских Украины в первые два десятилетия XXI в. (согласно нашей оценке, которая опирается на этнодемографическую динамику 1990-х гг.). Потеря Украиной Крыма в 2014 г. ещё более ускорила этот процесс. Осуществлённая нами экспресс-оценка воспроизводства основных этнических сообществ Украины (в границах государства с 2014 г.) показала, что в 2021 г. доля украинцев должна быть на уровне 87 %, а доля русских должна уменьшиться до 8,6 %. То есть, к началу третьего десятилетия XXI в. по этим двум показателям Республика Беларусь и Украина фактически сравнялись. Но наше внимание в исследовании будет сконцентрировано не на процессах «титулизации» (фор-

мальной ассимиляции) русского населения в молодых государствах, а на особенностях языковой ситуации в них в постсоветский период, которая имела принципиально разные векторы изменений.

Как отмечает А. С. Соколов²⁸⁵, в первые годы независимости в Республике Беларусь существовала идеологическая установка, что только белорусский язык может быть родным языком белоруса и гражданина республики. Но ситуация изменилась радикально после проведения референдума 1995 г., по сути узаконившего в республике билингвизм благодаря предоставлению русскому языку статуса государственного, уравнив его в этом плане с белорусским языком. Однако предшествующая установка сдерживала белорусов в признании русского языка в качестве родного, даже если он был усвоен ими как первый язык в раннем детстве. Согласно итогам переписи населения 1999 г. доля тех, кто назвал белорусский язык родным, выросла по сравнению с последней советской переписью населения на 8,1 %, достигнув 73,7 %, а русский язык — уменьшилась на 7,8 %, до 24,1 % (рис. 92).

Нужно отметить, что программа переписи населения 1999 г. в Республике Беларусь, вместе с вопросом о родном языке, включала также и вопрос о языке бытового общения. В итоге оказалось, что сами белорусы дают принципиально разные ответы на эти вопросы. А точнее, доля тех белорусов, кто назвал русский языком бытового общения в 4 раза (58,6 % к 14,3 %) превысила долю тех, кто обозначил русский как родной язык. Схожая картина наблюдалась в большинстве других этнических сообществ республики. В целом же удельный вес жителей республики, назвавших русский языком бытового общения, в 1,7 раза превзошла долю тех, кто считал таковым белорусский язык.

---

²⁸⁵ Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и ее динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 4. С. 66–82.

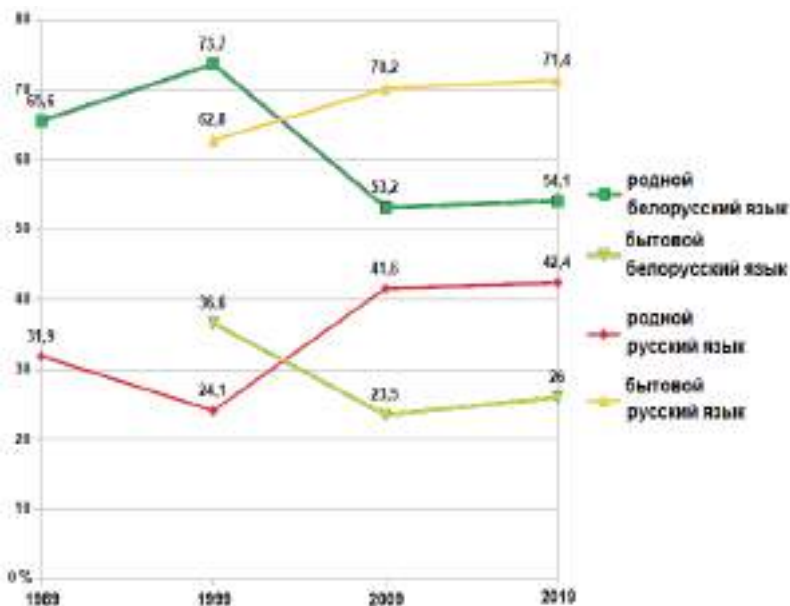

Рис. 92. Динамика удельного веса населения Республики Беларусь, называющего родным белорусский и русский языки, а также использующих эти языки в быту (по итогам переписей населения с 1989 по 2019 гг.)

Следующая перепись в Республике Беларусь, проведённая в 2009 г., не только показала увеличение доли населения, использующего в быту русский язык (на 7,4 %), но и выявила рост в 1,7 раза (до 41,6 %) тех, кто считает русский язык родным. Перепись 2019 г. подтвердила сложившиеся пропорции в использовании населением Республики Беларусь русского и белорусского языков. Также минимальные изменения произошли и в доле населения, называющего родным белорусский и русский языки. Но отголоски событий 1990-х гг. сохранились в виде политизации языкового вопроса. Обозначение приоритета белорусского или русского языков стало связываться с конкретными идеологическими конструкциями и приобрело роль маркера определенных политических сил.

Республика Беларусь и Украина начинали свою государственную историю почти в равной степени русскоязычными странами, где примерно четыре пятых населения составляли билингвы (с русским в качестве первого или второго языка) и собственно русское население. Небольшие различия в структуре русскоязычных можно проследить по итогам последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. Эти различия выражались в чуть более низкой доле собственно русского населения в Республике Беларусь по сравнению с Украиной (8,2 против 16,9 %), что компенсировалось большей долей белорусов, чем украинцев, называющих русский родным языком (10 против 5 %), и более значительной долей белорусско-русских билингвов (70 %), чем украинско-русских (66,5 %).

Схожесть этнолингвистической структуры населения Республики Беларусь и Украины на момент распада СССР даёт возможность сопоставления языковых процессов, развернувшихся в них в постсоветский период. Но сложность сравнения связана с тем, что на территории Украины перепись населения не проводилась на протяжении более чем двух последних десятилетий. Поэтому первоначально нами была дана оценка (на основе когортно-компонентного метода демографического прогнозирования) на 2011 и 2021 гг. численности жителей Украины, которые признают в качестве родного украинский или русский языки (рис. 93).

Данная оценка исходит из сохранения темпов языковой ассимиляции, которые стали результатом реализации национальной политики Украины в период между 1989 и 2001 гг. Согласно этой оценке, в 2021 г. на территории Украины (в границах на момент распада Советского Союза) доля тех, кто обозначил бы украинский язык как родной, достигла бы 72 %, а русский язык родным назвало бы около 24 % населения.

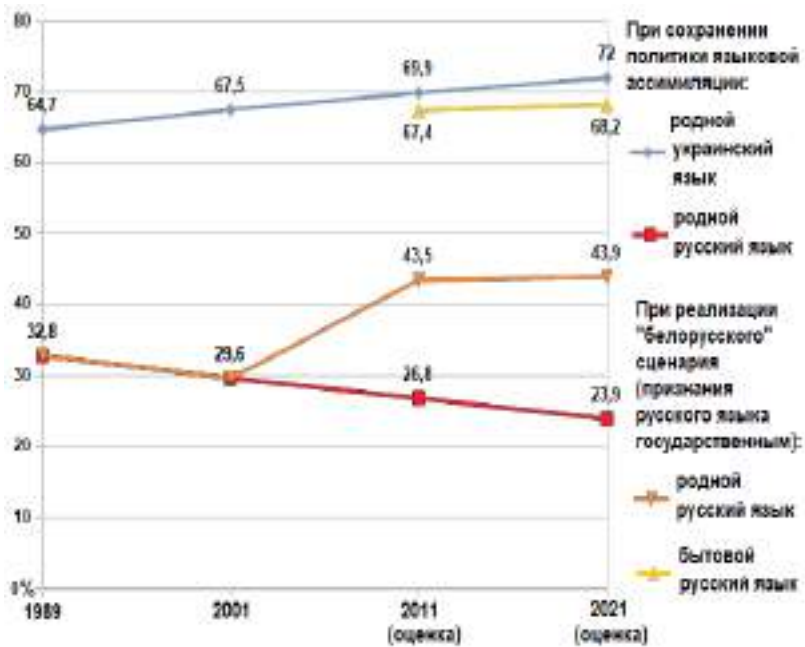

Рис. 93. Доля населения Украины с родными украинским и русским языками по итогам переписей 1989 и 2001 гг., а также оценка на 2011 и 2021 гг. доли русскоязычного населения в случае реализации «белорусского» сценария (признания русского языка государственным) или сохранения государственной политики языковой ассимиляции

Вторым шагом стала оценка численности лингвогрупп Украины на 2011 и 2021 гг. как по родному русскому языку, так и по использованию русского языка в быту, в случае, если бы Украина пошла по «белорусскому» сценарию развития языковых процессов, т. е. при гипотетической ситуации признания русского вторым государственным языком страны (табл. 17).

При осуществлении оценки, как и в случае с этногруппами, применялся когортно-компонентный метод демографического прогнозирования, но за основу были взяты лингвогруппы, включая разные категории билингвов. Предварительно была

изучена языковая структура населения Республики Беларусь по итогам переписей 1999, 2009 и 2019 гг., и выявлена реакция разных лингвогрупп на придание русскому языку статуса государственного. Именно эта реакция разных лингвогрупп была принята для населения Украины в качестве «белорусского» сценария.

Таблица 17

Оценка на 2011 и 2021 гг. численности и доли населения Украины, которые могли бы называть русский язык родным или бытовым в случае придания ему статуса государственного (по «белорусскому» сценарию)

		2011 г.		2021 г. (в границах до 2014 г.)		2021 г. (в границах после 2014 г.)	
		Тыс. чел.	% от этно-группы	Тыс. чел.	% от этно-группы	Тыс. чел.	% от этно-группы
Родной русский язык	Украинцы	11 890,8	33,1	11 920,7	34,1	11 733,4	34,1
	Русские	7 206,9	96,5	6 522,8	96,9	5 386,2	96,9
	Другие	726,1	33,1	746,6	36,2	579,9	36,2
	Итого	19 823,8	43,5	19 190,1	43,9	17 699,5	42,6
Бытовой русский язык	Украинцы	22 427,3	62,4	22 197,9	63,5	21 849,1	63,5
	Русские	7 221,1	96,6	6 552	97,3	5 410,3	97,3
	Другие	1 065	48,6	1 057,8	51,3	821,7	51,3
	Итого	30 713,4	67,4	29 807,7	68,1	28 081,1	67,6

Результаты оценки на 2011 и 2021 гг. по «белорусскому» сценарию отражены нами на рисунке 3, рядом с оценкой по основному сценарию развития лингвистических процессов на территории Украины. По сравнению с Республикой Беларусь (см. рис. 2), на Украине потенциально немного меньше тех людей, кто смог бы заявить об использовании русского языка в быту (68,2 % в 2021 г. против 71,4 % по итогам переписи 2019 г. в Республике Беларусь). Но, с другой стороны, благодаря более высокой доле собственно русского населения, на Украине чуть выше, чем в Республике Беларусь, на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. могла бы быть доля тех, кто признаёт русский язык родным (44 против 42 %).

Таким образом, на территории Украины в постсоветский период не произошло принципиальных изменений в этнолингви-

стической структуре населения, если не считать собственно демографической динамики в конкретных этнических и лингвистических группах. Основные подвижки происходили внутри изменяющих свою идентичность в зависимости от политической обстановки групп билингов (или биэтнофоров). Об этом свидетельствует сравнение по данным характеристикам структуры населения Украины и Республики Беларусь.

Соответственно, на наблюдаемые в постсоветской Украине изменения в доле русских и русскоязычных реально оказывает влияние проводимая в стране политика, нацеленная на «титулизацию» и языковую ассимиляцию неукраинского населения. Но при высоком удельном весе в населении Украины билингов (и биэтнофоров) эти процессы могут принять обратный характер. В случае изменения национальной политики достаточно быстро могли бы произойти подвижки, аналогичные тем, которые наблюдались в Республике Беларусь после референдума 1995 г., предоставившего русскому языку статус государственного.

Выводы. Республика Беларусь и Украина являются ярким примером влияния на этнолингвистические процессы политического фактора, но с противоположным знаком. С одной стороны, в Республике Беларусь в начале XXI в. наблюдался взрывной рост населения, называющего русский язык родным и языком бытового общения. Такие изменения стали результатом референдума, проведённого в 1995 г., который узаконил в республике билингвизм благодаря предоставлению русскому языку статуса государственного. С другой стороны, в постсоветской Украине шло неуклонное уменьшение доли русского и русскоязычного населения, отмечая успехи политики в «титулизации» и языковой ассимиляции неукраинского населения.

Сложность сравнения хода этнолингвистических процессов в Республике Беларусь и Украине связана с тем, что на Украине в постсоветский период была проведена всего одна перепись населения — в 2001 г. По этой причине появилась потребность в оценке изменения численности основных этнических сообществ и лингвогрупп Украины в период с 2001 по 2021 гг. Данная оценка, опирающаяся на когортно-компонент-

ный метод демографического прогнозирования, была осуществлена нами в зависимости от сценария этнолингвистической динамики — собственно «украинского» и «белорусского».

Как в Республике Беларусь, так и на Украине пока ещё принципиально не изменилась этнолингвистическая структура населения, сложившаяся в советский период. В населении этих стран основные подвижки происходили внутри изменяющих свою идентичность в зависимости от политической обстановки групп билингов (или биэтнофоров). По этой причине в случае реализации на Украине «белорусского» сценария, благодаря высокой доле в населении билингов, происходящие в постсоветский период процессы могут принять обратный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе реализации проекта «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ, его участниками были рассмотрены историко-географические предпосылки, демографические, языковые, геополитические и социально-экономические аспекты трансформации этнокультурного пространства постсоветских государств. Этнический и демографический факторы играют всё более значимую роль в современной геополитике. Не в меньшей степени это касается постсоветского пространства, испытывающего масштабное перераспределение населения между своими основными макрорегионами.

В ходе серии исследований были выявлены следующие основные тренды этнической трансформации постсоветского пространства: увеличение доли титульных народов молодых государств; нарастание концентрации («стягивание») титульных народов в пределах своих государств и национальных образований; сокращение удельного веса нетитульных народов, в частности, русского населения. В целом же происходящие в постсоветское время процессы идут в направлении моноэтнизации населения новообразованных государств и «сжатии» русского языкового пространства, вызванном уменьшением в странах ближнего зарубежья числа и удельного веса людей, свободно владеющих русским языком и использующих его в различных сферах деятельности.

Участниками проекта были разработаны и апробированы на уровне всего постсоветского пространства две оригинальные методики, опирающиеся на разработанные в отечественной культурной географии концепции геокультурного пространства и геотнокультурных систем. Первой является методика выделения основных компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран. Вторая методика касается оценки этнической трансформации постсоветского пространства на региональном уровне. Оценка учитывает разно-

направленную динамику доли двух главных компонентов этнической структуры населения большинства регионов — русского населения и титульных народов государств, а также республик и национальных автономий России.

Кроме того, участниками проекта была разработана методика моделирования этнодемографических процессов на среднюю и дальнюю перспективу. Для этого использовался модифицированный когортно-компонентный метод, основой которого является передвижка возрастов. Суть метода состоит в том, что обобщённые демографические показатели, относящиеся ко всему населению, распределяются на показатели по возрастам и полу когорт, сформировавшихся в различные календарные периоды. Важно отметить, что в методике, разработанной в ходе реализации проекта, внешние миграции представителей этнических групп учитываются лишь косвенно. Это сделано, чтобы иметь возможность оценки собственно этнических процессов — ассимиляции, образования смешанных семей и заимствования этнической идентичности детьми, рождёнными в смешанных семьях.

Методика моделирования этнодемографических процессов была апробирована на уровне европейских стран ближнего зарубежья — Эстонии, Латвии, Литвы, Республики Беларусь и Украины. По этим странам был подготовлен прогноз динамики численности основных этнических сообществ вплоть до 60-х гг. XXI в., за исключением Украины, по которой, из-за давности проведения в ней единственной переписи населения (2001 г.) была дана оценка численности и удельного веса этнических и языковых групп на 2021 г.

Участники проекта пришли к выводу, что происходящие после распада Советского Союза этнические, языковые и демографические процессы, к сожалению, ведут ко всё большему отдалению в этнокультурном плане новообразованных государств, что заметно осложняет осуществление политической и экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Абдуллаев Е. В.* Об идентичности русских Средней Азии // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 2. С. 7–10.
2. *Абдуллаев Е. В.* Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // *Диаспоры*. 2006. № 2. С. 6–35.
3. *Абухава А. М.* Этнічныя супольнасці Беларусі ў канцы ХХ — пачатку ХХІ ст.: дынаміка колькасці і рассялення // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2018. Том 10. № 1. С. 31–39.
4. *Айдарбаева Р. К.* Демографические последствия освоения целины в Казахстане // *Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х – 90-х гг. XX века*. Материалы Всероссийской научной конференции. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2019. С. 84–93.
5. *Алейников М. В., Боровиков И. Е.* Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е г. XX века) // *Мир Евразии*. 2013. № 2 (21). С. 2–7.
6. *Алексеев Р. А., Федорченко С. Н.* Государственная политика Российской Федерации в области популяризации русского языка на территории стран СНГ и Балтии // *Социальная политика и социальное партнёрство*. 2014. № 8. С. 67–71.
7. *Алексеенко А. Н., Аубакирова Ж. С.* Население Казахстана в 50–80-е годы XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. С. 127–142.
8. *Алибек С. Н.* «Вторая революция в Средней Азии»: присоединение Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей к Казахской АССР // *Вестник Российского универ-*

- ситета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 106–108.
9. *Алимардонов М. У.* Средняя Азия и образование Таджикской АССР: национально-территориальное размежевание и автономия // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 28–35.
  10. *Антипова Е. А.* Демографическое развитие Республики Беларусь в XXI веке: тенденции, региональные различия, проблемы // Народонаселение. 2016. № 1-1 (71-1). С. 5–15.
  11. *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.
  12. *Арефьев А. Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf>.
  13. *Арутюнова М. А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.
  14. *Ата-Мирзаев О., Гентике В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. 252 с.
  15. *Атамурзаева Б. М.* Трансформации кыргызского этноса в советский период истории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 163–168.
  16. *Аубакирова Ж. С., Кабыкаев Е.* Казахи и русские в Казахстане: демографические изменения за 50 лет // Ползуновский альманах. 2017. № 3–2. С. 32–36.
  17. *Балич Н. Л., Харитонов И. Н.* Этническое самосознание и практики национальных общностей Беларуси // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 132–149.
  18. *Бальбеков Р. Ю., Чурилов Э. В.* Функционирование русского языка в странах бывшего СССР (на примере рес-

- публик Закавказья) // Мир в языке и культуре. Доклады XXVIII Осенней школы и XXVIII Международной научной конференции. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры», 2017. С. 124–133.
19. *Батырбаева Ш. Д.* Демографические потери киргизского населения в годы голода в начале 30-х годов XX в. (источники и методы их изучения) // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 6. С. 172–174.
  20. *Белащенко Д. А., Толкачев В. В., Шоджонов И. Ф.* Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 543–559. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559.
  21. *Белозеров В. С., Полян П. М., Белозерова Л. П.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе // Проблемы региональной экологии. 2008. № 5. С. 8–14.
  22. *Белозеров В.* Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2010. № 10. С. 54–73.
  23. *Бирюкова С. Н.* Проблемы функционирования русского языка на Украине // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 3. С. 27–31.
  24. *Богоявленский Д. Д.* Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8 (256). С. 55–61.
  25. *Богоявленский Д. Д.* Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. 2012. № 531–532. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/s_mar.php#1. (дата обращения: 11.01.2020).
  26. *Боженкова Н. А., Пантелеева А. П.* Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 6–15.

27. *Болтовский С. О.* Сохранение и развитие русского языка в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный областной университет. М., 2012. 28 с.
28. *Бондарцова Т. М., Гуменчук О. Н.* О тенденциях в численном и национальном составе населения республики Казахстан // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 1. С. 408.
29. *Борисенко В. К.* Етнічний склад населення України // *Українська етнологія* / За ред. В. К. Борисенко. К.: Либідь, 2007. С. 60–69.
30. *Бочкарёва И. Б.* Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. № 2 (106). С. 22–26.
31. *Бувев А. Л., Буховец О. Г.* Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь // *Современная Европа*. 2018. № 3 (82). С. 71–82. DOI: 10.15211/soveurope320187182.
32. *Вардомский Л. Б.* Евразийская интеграция и большое евразийское партнёрство // *Россия и новые государства Евразии*. 2019. № 3 (44). С. 9–26. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-9-26.
33. *Васильева Т. В., Саакян Л. Н., Ускова О. А.* Русский язык как фактор, организующий русское культурное пространство в странах СНГ // *Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*. 2011. № 2. С. 103–109.
34. *Венецкий И. Г.* Вероятностные методы в демографии. М.: Финансы и статистика, 1981. 223 с.
35. *Венецкий И. Г.* Математические методы в демографии. 1971. М.: Статистика. 296 с.

36. *Волков А. Г.* Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–26.
37. *Габдулина А. Ж.* Вопросы демографии и миграции в Казахстане: история и современность // European Scientific Conference. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. С. 13–16.
38. *Ганиев К.* Некоторые суждения о национальном составе населения Узбекистана (на основе Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг.) // Ученый XXI века. 2017. № 1–1 (26). С. 44–47.
39. *Гарбузарова Е. Г.* Геополитические подходы к исследованию понятия «Центральная Азия» // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (4). С. 550–558. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-550-558.
40. *Гарипов Я. З.* Языковая ситуация в республиках России в контексте устойчивого демографического развития полиэтничного населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 190–195.
41. *Герасименко Т. И., Родоман Б. Б.* Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 51–59.
42. *Герасименко Т. И.* Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2. С. 152–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161.
43. *Гнято Р.* Региональный аспект изменений в этнической структуре населения Республики Сербской после 1991 года // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 2. С. 21–42. DOI: 10.37490/S221979310019448-5.
44. *Говорухина Г. В., Благовская Е. В.* Институты этнической идентификации в Республике Алтай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2 (53). С. 102–110.

45. *Городяненко В. Г.* Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 89–96.
46. *Грачёв М. А., Рябой Е. С.* Изменения статуса русского языка в Республике Молдова: внутренние наблюдения и со стороны // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Т. 16. № 2 (48). С. 55–63.
47. *Дементьев В. С.* Региональные различия в динамике населения постсоветского пространства в 1989–2018 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 29–41. DOI: 10.37490/S221979310009584-5.
48. *Джаман В. А., Джаман Я. В., Мручковский П. В.* Этническая структура населения Украины и её динамика в период становления государственной независимости // География в школе. 2014. № 8. С. 26–35.
49. *Дирин Д. А.* Геокультурное пространство: понятие, структура, основные свойства и факторы дифференциации // География и природопользование Сибири. 2015. № 19. С. 45–56.
50. *Дирин Д. А.* Концепт «геокультурное пространство» в общественной географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. №7. С. 146–160.
51. *Дружинин А. Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа): монография; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 2020. 268 с.
52. *Дружинин А. Г.* Классики «евразийства» о русско-тюркском взаимодействии (взгляд на прошлое, обращенный в будущее) // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 3–15. DOI: 10.37490/S221979310010263-2.
53. *Дружинин А. Г.* «Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 42–54. DOI: 10.37490/S221979310008579-9.

54. Дружинин А. Г. Северокавказская составляющая трансформации этнической структуры регионов России (аналитика и комментарии к итогам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2 (7). С. 9–20.
55. Дугарова Т. Ц., Боргояков С. А., Ермошкина Е. М., Цыбаева Л. А., Ооржак А. А., Дамдинов Б. А. Сохранение и развитие языков народов России: проблемы и перспективы // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3 (137). С. 76–87.
56. Евдокимов А. Н., Давыдова Т. А., Савкин Д. А. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 3. С. 373–388. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388.
57. Ерохина Е. А. Проблема цивилизационной идентичности и векторы социокультурной ориентации народов России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. № 2. С. 71–76.
58. Ефимов С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
59. Ефремов И. Кто нарушил этническое равновесие в России? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 94–113.
60. Житин Д. В., Иванова А. А. Демографическое развитие стран Балтии. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 112 с.
61. Житин Д. В. Изменение в расселении русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI в. // Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 3. С. 67–82.
62. Злотников А. Г., Маньшин Р. В. Диаспоры кавказских народов в Республике Беларусь // Демографический и миграционный портрет Кавказа. Сер. Демография.

- Социология. Экономика / Под ред. С. В. Рязанцева, Г. И. Гаджимурадовой. М.: Экон-Информ, 2019. С. 115–124.
63. *Золотухин С. А.* Особенности адаптации русских в Казахстане // Социологические исследования. 2012. № 2 (334). С. 99–103.
  64. *Золян С. Т.* Русский язык и культурно-цивилизационное пространство СНГ // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 2. С. 23–29.
  65. *Иванченко В. С., Чимирис Е. С.* Русский язык на постсоветском пространстве как фактор политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60). С. 2473–2486. DOI: 10.35775/PSI.2020.60.8.012.
  66. *Игнатьева Л. Н.* Формирование населения Казахстана в конце 40-х – 50-е годы XX в. // Востоковедные исследования на Алтае. 2014. № 8. С. 145–158.
  67. *Изергина Н. И., Изергина В. П.* Участие Республики Мордовия в финно-угорском движении как фактор формирования российской идентичности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 3 (51). С. 288–301.
  68. *Икликян С. Г.* Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 3 (195). С. 14–18.
  69. *Ирхин А. А., Москаленко О. А.* «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.
  70. *Исмаилов А. И.* Из истории спорных территорий при национально-государственном размежевании в Средней Азии в 1924–1925 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 109–111.

71. *Казанцев А. А., Гусев Л. Ю.* Возможные сценарии развития миграционных процессов в контексте евразийской интеграции // *Международная аналитика*. 2019. № 4 (30). С. 18–27.
72. *Казанцев А. А.* Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего // *Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 2015. № 3 (13). С. 34–56.
73. *Казанцев А.* Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего // *Россия и мусульманский мир*. 2016. № 7 (289). С. 51–66.
74. *Караетян Е. А.* Роль русского языка в межкультурном диалоге на постсоветском пространстве // *Диалогическая этика. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю. П. Ветров*. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2016. С. 49–52.
75. *Караетян Е. А.* Русский язык в системе межкультурных связей на постсоветском пространстве // *Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения. Материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Армавирский механико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», кафедра гуманитарных дисциплин*. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2016. С. 59–63.
76. *Касперович Г. И.* Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // *Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета*. 2016. С. 10–13.

- ческого университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111.
77. *Козлов В. И.* Этническая демография. М.: Статистика, 1977. 240 с.
78. *Кондрашкина Е. А.* Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 2. С. 262–271. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-262-271.
79. *Коровникова Н. А.* ЕАЭС как интеграционный проект современного евразийства: принципы, особенности, сценарии // Русская политология. 2019. № 2 (11). С. 17–23.
80. *Краснов Л. Н.* Трансформация политико-правового статуса русского языка в Республике Молдова в контексте приднестровского конфликта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 1 (19). С. 40–45.
81. *Крисаченко В. С.* Динаміка населення: популяційні, етнічні та глобальні виміри. К.: НІСД, 2005. 368 с.
82. *Крылов А. Б., Малышева Д. Б.* Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год // Россия и новые государства Евразии. 2011. № 1 (10). С. 44–58.
83. *Кабузан В. М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М., 2009. 152 с.
84. *Казьмина О. Е.* Динамика численности национальных групп Эстонии в XX в. // Расы и народы. Вып. 21. М.: Наука, 1991. С. 79–99.
85. *Казьмина О. Е.* Динамика этнической структуры населения Латвии в XX веке // Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1991. С. 187–216.
86. *Кузнецова Т. Ю.* Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе: региональный анализ // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 50–57.

87. Кузнецова Т. Ю. Территориальная дифференциация демографического развития в регионах Балтийского моря // Региональные исследования. 2008. № 3 (18) С. 58–62.
88. Кушубеков А. Т. Основные тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов Кыргызстана в советский и постсоветский периоды // Наука и новые технологии. 2008. № 7–8. С. 75–78.
89. Ластовский А. Л. Этнокультурная идентичность поляков в Беларуси // Социология. 2011. № 1. С. 121–129.
90. Лебедева М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 47–55.
91. Летняков Д. Э. Языковая политика и языковая идентичность на постсоветском пространстве: случай русского языка // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир). Материалы IV международной научной конференции. Белгород: Издательство: Издательский дом «Белгород», 2016. С. 68–76.
92. Лобарёв Д. С., Калыкова Ч. И. Современные тенденции образовательной миграции в государствах Центральной Азии // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 92–102. DOI: 10.37490/S221979310016612-6.
93. Логинова Н. Н., Кильдишова Н. А., Семина И. А., Фоломейкина Л. Н. Изменения в динамике современных демографических процессов у финно-угорских народов России // Наука и мир. 2013. № 4 (4). С. 271–273.
94. Логинова Н. Н., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов России // Финно-угорский мир. 2013. № 3 (16). С. 89–97.
95. Логинова Н. Н. Финно-угорские регионы России: проблемы демографической ситуации // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 134–141.

96. *Лозинський Р. М.* Мовна ситуація в Україні (суспільно-географічний погляд). Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2008. 503 с.
97. *Майемер А. М.* Динамика населения и национальный состав Западно-Казахстанской области республики Казахстан // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № Т20. С. 1301–1305.
98. *Максимова С. Г., Шерматова С. Н., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е.* Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах — участниках Содружества независимых государств // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 151–171.
99. *Манаев А. С.* Русский язык и законодательство стран Балтии // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2012. № 9 (272). С. 52–60.
100. *Манаков А. Г.* Владение русским языком титульными народами республик России и стран ближнего зарубежья // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 72–91. DOI: 10.37490/S221979310015994-6.
101. *Манаков А. Г.* Географический анализ динамики русского населения в республиках Прибалтики, Белоруссии, Украине и Молдавии во второй половине XX в. // Псковский регионологический журнал. 2019. № 2 (38). С. 3–14.
102. *Манаков А. Г., Данилкина Н. В.* Основные тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве // Псковский регионологический журнал. 2021. № 1 (45). С. 21–36. DOI: 10.37490/S221979310013355-3.
103. *Манаков А. Г., Данилкина Н. В.* Русское языковое пространство как отражение процессов этнокультурного преобразования территорий в составе единого государства // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S086960712006004X.

104. *Манаков А. Г.* Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран // Географический вестник. 2021. № 2 (57). С. 22–35. DOI: 10.17072/2079-7877-2021-2-22-35.
105. *Манаков А. Г., Муравьев А. Д.* Картографический анализ динамики численности белорусов и украинцев в России с 1959 по 2010 г. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 108–119.
106. *Манаков А. Г.* Национально-государственное размежевание Центральной Азии в 1920-е гг.: современный взгляд с позиции концепции этнокультурного пространства // Известия Русского географического общества. 2020. Том 152. № 2. С. 3–16. DOI: 10.31857/S0869607120020044.
107. *Манаков А. Г.* Основные тренды в трансформации этнического пространства Центрально-Азиатского макро-региона с 1897 по 2017 г. // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 53–64. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-1-5.
108. *Манаков А. Г.* Особенности территориальной структуры этнического пространства Средней Азии на рубеже XIX и XX столетий // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 42–57. DOI: 10.37490/S221979310008989-0.
109. *Манаков А. Г.* Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 2. С. 117–128.
110. *Манаков А. Г.* Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // Известия РАН. Серия географическая. 2021. Том 85. № 5. С. 687–698. DOI: 10.31857/S2587556621050058.
111. *Манаков А. Г., Петрова А. А.* Картографирование расселения и динамики численности татар в советское и постсоветское время // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 41–52.

112. *Манаков А. Г.* Пространственные закономерности в трансформации этнической структуры населения России в период между переписями 1959 и 2010 годов // *География и природные ресурсы*. 2019. № 2. С. 13–21.
113. *Манаков А. Г.* Русский язык как родной на постсоветском пространстве в сравнении с итогами переписи 1989 г. // *Псковский регионологический журнал*. 2021. № 2 (46). С. 79–98. DOI: 10.37490/S221979310013894-6.
114. *Манаков А. Г.* Сдвиги в территориальной структуре этнокультурного пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона в период с 1939 по 1959 гг. // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. 2020. № 16. С. 55–71.
115. *Манаков А. Г., Соколов А. С.* Динамика этнических групп Эстонии, Латвии и Литвы с 1959 г. и прогноз до 2061 г. // *Псковский регионологический журнал*. 2022. Т. 18. № 3. С. 37–55. DOI: 10.37490/S221979310020972-2.
116. *Манаков А. Г., Соколов А. С., Суворков П. Э.* Формирование этнической и языковой структуры населения Республики Беларусь и этнодемографический прогноз до 2069 года // *Псковский регионологический журнал*. 2022. Т. 18. № 1. С. 35–55. DOI: 10.37490/S221979310018073-3.
117. *Манаков А. Г., Соснина К. В.* Динамика численности в постсоветское время и география расселения в России титульных народов стран Центральной Азии // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. 2021. № 17. С. 35–49.
118. *Манаков А. Г., Суворков П. Э., Ермолин И. В.* Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии // *Современная Европа*. 2021. № 7. С. 27–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>.
119. *Манаков А., Суворков П., Станайтис С.* Имитационное моделирование миграций и прогноз численности насе-

- ния в странах Балтии до 2096 года // *Geografija ir edukacija: mokslo almanachas* (5) / Lietuvos edukologijos universitetas, Geografijos edukacinių tyrimų centras; [sudarytojai Regina Venckienė, Zigmąs Kairaitis]. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2017. С. 19–39.
120. *Манаков А. Г., Теренина Н. К., Хохрин А. Г.* Оценка перспектив этнодемографической трансформации Центральной Азии в соответствии с геополитическими сценариями развития // *Известия Русского географического общества*. 2022. Т. 154. № 1. С. 17–27. DOI: 10.31857/S0869607122010062.
121. *Манаков А. Г.* Территориальная структура этнокультурного пространства Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // *Псковский регионологический журнал*. 2019. № 1 (37). С. 84–98.
122. *Манаков А. Г.* Территориальная структура этнокультурного пространства Казахстана и Средней Азии по итогам переписей населения 1959 и 1970 гг. // *Псковский регионологический журнал*. 2020. № 1 (41). С. 51–66. DOI: 10.37490/S221979310008534-0.
123. *Манаков А. Г.* Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года // *Псковский регионологический журнал*. 2022. Т. 18. № 2. С. 43–64. DOI: 10.37490/S221979310019231-7.
124. *Манаков А. Г.* Трансформация этнического пространства в странах Центральной Азии в постсоветский период // *География и природные ресурсы*. 2021. № 2. С. 167–177. DOI: 10.15372/GIPR20210218.
125. *Манаков А. Г.* Трансформация этнической структуры населения регионов Советского Союза между переписями 1939 и 1989 гг. // *Псковский регионологический журнал*. 2021. Т. 17. № 4. С. 26–46. DOI: 10.37490/S221979310016678-8.
126. *Манаков А. Г., Хохрин А. Г.* Владение русским языком в странах постсоветского пространства: динамика с 1989 по 2010 гг. // *Известия Русского географического обще-*

- ства. 2021. Том 153. № 2. С. 3–17. DOI: 10.31857/S086960712102004X.
127. *Манаков А. Г., Хохрин А. Г.* Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 55–70. DOI: 0.37490/S221979310008580-1.
128. *Манаков А. Г., Чученкова О. А.* Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии в постсоветский период // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2017. № 11. 2017. С. 86–102.
129. *Манаков А. Г., Чученкова О. А.* Изменение национального состава населения Эстонии и Латвии в советский период // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2017. № 10. С. 44–60.
130. *Манаков А. Г., Чученкова О. А.* Этнический состав населения на территории Эстонии и Латвии по результатам дореволюционных переписей (1881 и 1897 гг.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2016. № 9. С. 84–99.
131. *Манаков А. Г.* Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.
132. *Маслова В. А.* Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 255–259.
133. *Митрофанова И. В., Суций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050.

134. *Михалев А. В.* Новая Большая игра как неоколониальный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 10–25. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10301.
135. *Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б.* Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4.
136. *Молодов О. Б.* Интеграция России и государств Центральной Азии: лингвистический аспект // Дневник АШПИ. 2015. № 31. С. 139–143.
137. *Молодов О. Б.* Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 95–102.
138. *Молодов О. Б.* Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 93–100.
139. *Молодов О. Б.* Русский язык как средство коммуникации в странах Великого шёлкового пути (на примере Центральной Азии) // International symposium on “Culture dialogue of the silk road countries”. Atatürk Üniversitesi, 2016. С. 397–400.
140. *Молодов О. Б.* Трансформация этнолингвистического пространства современного Таджикистана // Этнос. Общество. Цивилизация. Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 82–85.
141. *Молодов О. Б.* Формирование идентичности населения современного Кыргызстана // The Newman in Foreign Policy. 2017. № 38 (82). С. 71–73.
142. *Молодов О. Б.* Формирование нового этнолингвистического пространства стран Центральной Азии // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Материалы международной научной конференции посвящённой 20-летию Бурятского государственного университета / Науч. ред. В. В. Башкеева, М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени

- Доржи Банзарова, 2015. С. 47–50. DOI: 10.18101/978-5-9793-0814-2-47-50.
143. *Мукаш уулу Т.* Интеграция русского языка в Кыргызстане // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2019. № 1 (38). С. 70–72.
  144. *Муртазаева Р. Х.* Миграционные процессы в условиях глобализации и их влияние на национальный состав населения Республики Узбекистан // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 5–1 (36). С. 73–75.
  145. *Николаенко Д. В.* Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. Диссертация на соиск. уч. степени доктора геогр. наук. Харьков, 1999. 343 с.
  146. *Новосёлов Д. А., Кротов А. В.* Переход Казахстана на латиницу как опасность для «мягкой силы» России // Псковский регионологический журнал. 2018. № 1 (33). С. 3–9.
  147. *Обыграйкин А. В., Симагин Ю. А.* Изменение этнического состава и численности населения регионов России в начале XXI века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2012. № 2 (10). С. 94–101.
  148. *Орлов А. Ю.* Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования. 2013. № 2(40). С. 120–124.
  149. *Очирова Н. Г.* Трансформация этнической идентичности в первом десятилетии XXI в. (на материалах Республики Калмыкия) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4 (92). С. 78–85. DOI: 10.23683/2072-0181-2017-92-4-78-85.
  150. *Парникова Г. М., Андросова Ф. С., Аницупова С. Г.* Сохранение идентичности коренных народов Республики Саха (Якутия) в условиях промышленного освоения Арктики и Крайнего Севера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 82–83.

151. *Перемышлин С. Н.* Современные тенденции и направления развития миграции в евразийском пространстве: политологический анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 6. С. 92–102. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-6-92-102.
152. *Покишишевский В. В.* Методы изучения этнической смешанности городского населения // Советская этнография. 1983. № 1. С. 16–23.
153. *Прохода В. А., Рязанцев В. В.* Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 111–126.
154. *Раина О. В., Хмелевский М. С.* Языковая ситуация в современной Украине: официальная политика и действительность // Актуальные проблемы современной науки. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-методической конференции. Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр» 2019. С. 245–251.
155. Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах / Остапенко Л. В., Савоскул С. С., Субботина И. А. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996. 199 с.
156. Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / Под ред. С. С. Савоскул. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 1997. 363 с.
157. Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк / Гинзбург А. И., Остапенко Л. В., Савоскул С. С., Субботина И. А. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. 101 с.
158. Русскоязычные в Центральной Азии: социальный портрет / Ред. Затулин К. Ф. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. 288 с.

159. *Рыбаковский Л. Л.* Депопуляция и её этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 18–28.
160. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Храмова М. Н.* Формирование миграционного потенциала соотечественников в странах Центральной Азии // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 58–67.
161. *Савин И. С., Космарская Н. П.* Судьба русского языка в Казахстане: возможности и барьеры использования российской «мягкой силы» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. № 5. С. 119–130.
162. *Савин И. С.* Русские в современном Казахстане // Социологические исследования. 2010. № 8 (316). С. 81–88.
163. *Самсонов Н. Г.* Русский язык в странах СНГ и Балтии // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 2. С. 67–73.
164. *Сарсембаева Г. А.* Этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1897, 1926 и 1939 гг. // Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы всероссийской конференции. Институт проблем освоения Севера СО РАН. 2012. С. 279–283.
165. *Сафин Ф. Г., Абрамова С. Р., Ишемгулов М. Н.* Этнодемография башкир в регионах России (1970–2010) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 397–415. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-397-415.
166. *Сафин Ф. Г., Сиразетдинов К. О.* Марийцы Башкортостана в 1970–2010 годы: демографические и лингвистические аспекты этнического развития // Научный диалог. 2020. № 6. С. 434–452. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-434-452.
167. *Сафронов С. Г.* Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 443–460.
168. *Сафронов С. Г.* Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский

- регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-9.
169. *Сафронов С. Г.* Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // Региональные исследования. 2013. №4 (42). С. 87–100.
170. *Ситнянский Г. Ю., Бушков В. И.* Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИЭА РАН, 2016. 340 с.
171. *Скляр В.* «Поліетнічність» населення України і результати переписів 1989 та 2001 років // Українознавство. 2016. № 1 (58). С. 136–154.
172. *Соколов А. С.* Региональные аспекты динамики использования русского языка населением Белоруссии в 2009–2019 годах // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 127–149. DOI: 10.17323/demreview.v8i1.12396.
173. *Соколов А. С.* Современная языковая ситуация в Белоруссии и её динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 4. С. 66–82.
174. *Сороко Е. Л.* Моделирования третьего демографического перехода // Материалы XIX Апрельской конференции. Сессия Р-11. Демографические процессы и развитие, 2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://conf.hse.ru/2018/program/> (дата обращения: 02.10.2021).
175. *Сороко Е. Л.* Показатели для описания этно-демографических процессов. Тезисы неопубликованного выступления. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2015. 13 с.
176. *Сороко Е. Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Том 1. № 4. С. 96–123.
177. *Старичёнок В. Д.* Русский язык в Беларуси: состояние, перспективы // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 2. С. 76–80.

178. *Стрелецкий В. Н.* Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX — начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-Российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72.
179. *Стрелецкий В. Н.* Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // Вестник исторической географии, №1. Смоленск: Изд. СГУ, 1999. С. 31–53.
180. *Стрельцова Я. Р.* Потенциал русского языка как средство интеграции на евразийском пространстве // Информационные войны. 2014. № 2 (30). С. 81–87.
181. *Субботина И. А.* Динамика миграционных настроений русской молодёжи Киргизии // Этносоциология вчера и сегодня. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016. С. 146–151.
182. *Субботина И. А.* Русские в Казахстане: миграционная ситуация накануне и после распада СССР // Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. С. 154–175.
183. *Султанов Ш. М.* Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 20–26. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-1-20-26.
184. *Сурма И. В.* Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 41–58. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17473.
185. *Суций С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
186. *Суций С. Я.* Русские в Прибалтике — геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 21–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02.

187. *Суций С. Я.* Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 22–37.
188. *Суций С. Я.* Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.
189. *Тагаев М. Д.* Билингвальное языковое сознание и типы языковых личностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–4 (64). С. 224–228.
190. *Тархов С. А.* Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвёртые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность (сборник докладов). М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
191. *Теренина Н. К.* Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–116. DOI: 10.37490/S221979310018427-2.
192. *Теренина Н. К., Красильникова И. Н., Калыкова Ч. И.* Образовательная миграция как фактор регионального демографического развития // Демография и этнокультурная география: тенденции развития в современном мире. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 1 октября 2021 г. Псков: Псковский государственный университет, 2021. С. 105–110.
193. *Тертри Д.* Русский вопрос в постсоветский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 1. С. 43–56. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.104.
194. *Тышков В. А.* Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 5. С. 415–422.

195. *Тодорова И. Д.* Специфика русского языка в постсоветских государствах // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование. Материалы V Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ / Сост. У. М. Бахтикиреева. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 148–152.
196. *Трифорова З. А.* Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.
197. *Федорко В. Н., Курбанов Ш. Б.* Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия Географического общества Узбекистана. 2018. Т. 54. С. 42–53.
198. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. М.: Наука, 2004. 224 с.
199. *Филимонов Г. Ю.* Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 67–82.
200. *Хентшель Г., Киттель Б.* Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране // Социология. 2011. № 4. С. 62–78.
201. *Хмелько В. Е.* Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15.
202. *Хрущёв С. А.* Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 91–102.
203. *Худоренко Е. А.* Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. № 2. С. 163–182.
204. *Цыряпкина Ю. Н.* Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификации (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал лингвисти-

- ческих и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 18–28.
205. *Цыряпкина Ю. Н.* Русскоязычное население Ташкентской области в условиях «национализирующегося государства» (на примере города Ангрена) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 98–103. DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-20.
206. *Черкасов А. А.* ГИС-мониторинг трансформации этнической структуры населения городской и сельской местности в России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2018. Т. 24. № 1. С. 99–108.
207. *Черкасов А. А., Чернова И. В.* Этническая карта Карачаево-Черкесской республики: вторая половина XX — начало XXI века // Наука. Инновации. Технологии. 2018. № 3. С. 165–180. DOI: 10.37495/23084758-2018-3-165-180.
208. *Шагбанова Х. С., Бобкова Е. А.* Русский язык как язык межнационального общения на пространстве СНГ: текущее состояние и перспективы развития // Образование и право. 2018. № 12. С. 278–285.
209. *Шульга Е. П.* Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 6 (34). С. 54–60.
210. *Шустов А. В.* Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии (1990-е — первое десятилетие 2000-х гг.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 5. С. 98–115.
211. *Эккель Б. М.* Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.
212. *Belozеров V. S., Cherkasov A. A.* Regional features of shaping the ethnic structure in the Russian population // Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 3. С. 97–108.

213. *Belozеров V., Polian P.* De-Russifizierung: Aktuelle Ethnodemographische Prozesse in Nordkaukasien // *Geographische Rundschau*. 2006. Vol. 58. No. 3. P. 18.
214. *Berzins A., Zvidrins P.* Depopulation in the Baltic States // *Lithuanian Journal of Statistics*. 2011. Vol. 50. No. 1. P. 39-48. DOI: 10.15388/LJS.2011.13931.
215. *Biaspamiatnykh M.* Language and Identity in Transforming Borderlands (Case of North-West Belarus) // *Santalka: Filosofija, Komunikacija*. 2007. Vol. 15. No. 1. P. 55–67. DOI: 10.3846/coactivity.2007.06.
216. *Cheskin A., Kachuyevski A.* The Russian-speaking populations in the post-soviet space: language, politics and identity // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 71. No. 1. P. 1–23. DOI: 10.1080/09668136.2018.1529467.
217. *Crowe D.* The Kazaks and Kazakstan: The struggle for ethnic identity and nationhood // *Focus on Kazakstan1): history, ethnicity and society* / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhunusova, S. Sabol / *Nationalities papers*. N. Y., 1998. Vol. 26, No. 3. P. 395–419.
218. *Davis S., Sabol S.* The importance of being ethnic: minorities in postSoviet states – The case of Russians in Kazakstan // *Focus on Kazakstan1): history, ethnicity and society* / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhunusova, S. Sabol / *Nationalities papers*. N. Y., 1998. Vol. 26, No. 3. P. 473–491.
219. *Eberhardt P.* Przemiany narodowościowo-językowe ludności Białorusi na przełomie XX i XXI wieku // *Sprawy Narodowościowe. Seria nowa*. 2015. No. 43. P. 75–85. DOI: 10.11649/sn.2013.019.
220. *Ediev D. M.* An approach to improve the consistency of mortality projections obtained by the Lee-Carter method // *Eurostat methodologies and working papers. Work session on demographic projections*. Bucharest, 10–12 October 2007. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P. 101–115.
221. *Ediev D. M.* Extrapolative projections of mortality: towards a more consistent method, part I: the central scenario. Working

- Paper 3. Vienna Institute of Demography, Austria. 2008. [Электронный ресурс]: URL: http://www.oew.ac.at/vid/download/WP2008_03.pdf.
222. *Esenova S.* Soviet nationality? Identity and ethnicity in Central Asia: historic narratives and Kazakh ethnic identity // J. of Muslim minority affairs. Abingdon. 2002. Vol. 22, No. 1. P. 11–38.
  223. *Fierman W.* Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100.
  224. *Fierman W.* Trends of language use in prestige domains in Post-Soviet Central Asia // Alatau Academic Studies. 2016. № 1. С. 35–42.
  225. *Flynn M.* Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 267–288.
  226. *Gracheva R., Kohler T., Meessen H., Stadelbauer J.* Population dynamics, changes in land management, and the future of mountain areas in Northern Caucasus: the example of North Ossetia // Erdkunde. 2012. Vol. 66. No. 3. P. 197–219. DOI: 10.3112/erdkunde.2012.03.02.
  227. *Heleniak T.* The End of an Empire: Migration and the Changing Nationality Composition of the Soviet Successor States // Diasporas and Ethnic Migrant: German, Israel, and Post-Soviet Successor States in Comparative Perspective / Ed. Rainer Ohliger and Rainer Munz. 2003. London: Frank Case Publications. P. 131–145.
  228. *Ivanchenko V. S., Chimiris E. S.* Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics // Political Science Issues. 2020. Vol. 10. No. 3 (42–44). P. 305–315. DOI: 10.35775/PSI.2020.42.3.005.
  229. *Jasilionis D., Stankūnienė V., Maslauskaitė A., Stumbrys D.* Lietuvos demografinių procesų diferenciacija. Vilnius, 2015. 200 p.

230. *Khmelevskij M. S., Raina O. V.* The Russian language in modern Central and Eastern Ukraine // Этнопедагогические ориентиры в поликультурной образовательной среде как основа формирования этнической толерантности. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 27–28 сентября 2019 г. / Отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Дмитриева. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический ун-т им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 47–52.
231. *Khokhrin A. G., Fedorko V. N.* The dynamics of the number of Russian-speaking title population in the states of Central Asia in the post-Soviet period // Pskov Journal of Regional Studies. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 3–20. DOI: 10.37490/S221979310018640-7.
232. *Kuru A.* Between the state and cultural zones: nation building in Turkmenistan // Centr. Asian survey. Oxford, 2002. Vol. 21, No. 1. P. 71–90.
233. *Manakov A. G., Danilkina N. V.* Formation of the State Territory of the Former USSR and Circulation of Russian Language Nowadays // Regional Research of Russia, 2021, Vol. 11, No. 2, pp. 215–222. DOI: 10.1134/S207997052102009X.
234. *Manakov A. G., Kliimask J.* Russian-Estonian Border In The Context Of Post-Soviet Ethnic Transformations // Geography, Environment, Sustainability. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 16–20.
235. *Manakov A. G.* Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. No. 4. P. 584–592. DOI: 10.1134/S2079970520040176.
236. *Manakov A. G.* Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses // Geography and Natural Resources. 2019. No. 2. P. 13–21.
237. *Manakov A. G., Suvorkov P. E.* Population projections for Russia and countries of Central and Eastern Asia in 21st cen-

- ture // *Geography and Natural Resources*. 2018. Vol. 39. No. 1. P. 16–22. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2018-1(22-30).
238. *Marcu S.* Geopolitics of border and immigration in Post-soviet Russia // *Anales de Geografia de la Universidad Complutense*. 2011. Vol. 31. No. 1. P. 83–106.
239. *Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Maximova M.* The Russian-speakers in the CIS countries: migration activity and preservation of the Russian language // *MATEC Web of Conferences*. 2018. Vol. 212. Art. no. 010005. 11 p. DOI: 10.1051/mateconf/201821210005.
240. *Michalski T.* The main demographic and health problems of the former Soviet part of Baltic Europe. J. Wendt (ed.), *Baltic Europe on the Eve of Third Millenium*, Gdańsk, 2001. P. 113–119.
241. *Michalski T.* Changes in the Demographic and Health Situation Among Post-Communist Members of the European Union. Pelplin: Bernardinum , 2005. 95 p.
242. *Milosavljević S., Medojević J.* Contemporary changes in the ethnic structure of the population in the Autonomous Province of Kosovo and Metohija // *Bulletin of Natural Sciences Research*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 23–27.
243. *Novotný L., Pregi L.* Changes in ethnic structure of population in the light of recent trends of migration and natural reproduction // *Geographica Pannonica*. 2015. Vol. 19. No. 4. P. 194–211.
244. *Raduški N.* Ethnic homogenization of Serbia in the period 1991–2002 // *Zbornik Radova: Geografski Institut “Jovan Cvijić”*. 2011. Vol. 61. No. 2. P. 37–51.
245. *Raduški N.* Ethnic Migrations in Vojvodina in the Second Half of the 20th Century // *Migracijske i Etničke Teme*. 2002. Vol. 18. No. 4. P. 339–348.
246. *Rywkin M.* Kazakstan and the rest of Central Asia: fifteen shades of difference // *Focus on Kazakstan1): history, ethnicity and society* / Ed. by D. Crowe, Zh. Dzhunusova,

- S. Sabol / Nationalities papers. N. Y., 1998. Vol. 26. No. 3. P. 573–579.
247. *Sokolova E. O.* The position of the Russian-speaking population and the status of Russian language in Baltic States // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018. T. 7. № 2 (23). C. 415–419.
248. *Streletskiy V.* Ethnic Settlement Shifts in Russia in 1989–2017: Main Trends and Cultural-Geographical Consequences // *Practical Geography and XXI Century Challenges*. International Geographical Union Thematic Conference dedicated to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2018. P. 532.
249. *Wilson T.* A multistate model for projecting regional populations by Indigenous status: an application to the Northern Territory, Australia // *Environment and Planning*. 2009. No. 41(1). P. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.1068/a402>.
250. *Wilson T., Barnes T.* Continuing Challenges in Attempting to Measure the Size, and Changing Size, of Australia's Indigenous Population // *People and Place*. 2007. Vol. 15. No. 3. P. 12–21. DOI: [10.1080/00049182.2014.986786](https://doi.org/10.1080/00049182.2014.986786).
251. *Wilson T.* The future of Australia's Indigenous Population, 2011–61 // *Population Studies*. 2016. No. 70(3). P. 311–326. DOI: [10.1080/00324728.2016.1224372](https://doi.org/10.1080/00324728.2016.1224372).
252. *Wilson T.* The sequential propensity household projection model // *Demographic Research*. 2013. No. 28 (24). P. 681–712. DOI: [10.4054/DemRes.2013.28.24](https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.28.24).
253. *Zabortseva Ye. N.* From the “Forgotten Region” to the “Great Game” Region: On the Development of Geopolitics in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 168–176. DOI: [10.1016/j.euras.2012.03.007](https://doi.org/10.1016/j.euras.2012.03.007).
254. *Zakirov A., Tashtemirov I.* Sociolinguistic processes in modern Kyrgyzstan: monitoring and dynamics of development of languages after gaining independence // *Alatoo Academic Studies*. 2020. No. 2 (2). P. 124–132. DOI: [10.17015/aas.2020.202.14](https://doi.org/10.17015/aas.2020.202.14).

Авторы коллективной монографии

Данилкина Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, аспирант кафедры географии, институт медицины и экспериментальной биологии, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия). E-mail: natalia.links@yandex.ru.

Ермолин Илья Васильевич, кандидат политических наук, доцент Департамента социологии, НИУ «Высшая школа экономики» (С.-Петербург, Россия). E-mail: iermolin@hse.ru.

Иванов Иван Андреевич, аспирант кафедры географии, институт медицины и экспериментальной биологии, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия). E-mail: ii60@bk.ru.

Кроток Роман Николаевич, аспирант кафедры географии, институт медицины и экспериментальной биологии, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия). E-mail: roma.krotok@yandex.ru.

Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, профессор кафедры географии, институт медицины и экспериментальной биологии, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия). E-mail: region-psk@yandex.ru.

Соколов Александр Сергеевич, старший преподаватель кафедры экологии, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь). E-mail: alsokol@tut.by.

Суворков Павел Эдуардович, Центр арктических и сибирских исследований (ЦАСИ), Социологический институт РАН, филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (С.-Петербург, Россия). E-mail: pavel_suvorkov@mail.ru.

Теренина Наталья Константиновна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, институт медицины и экспериментальной биологии, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия). E-mail: brazelon@yandex.ru.

Хохрин Александр Геннадьевич, аспирант кафедры географии, институт медицины и экспериментальной биологии, Псковский государственный университет (г. Псков, Россия). E-mail: morfius_neo@mail.ru.

Содержание

Предисловие.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ.....	11
Концептуальные положения структуризации этнокультурного пространства постсоветских государств.....	11
Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских государств.....	18
Оценка степени языковой трансформации постсоветского пространства под воздействием Русской геоэтнокультурной системы.....	31
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ.....	47
Трансформация этнокультурного пространства на уровне советских республик и их регионов с 1939 по 1989 годы.....	47
Основные тренды трансформации этнокультурного пространства в постсоветский период.....	68
Трансформация этнокультурного пространства на региональном уровне с 1989 по 2010 годы.....	84
Основные тренды динамики титульных народов республик Российской Федерации с 1939 по 2010 годы.....	98

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	122
Русский язык как родной на постсоветском пространстве.....	122
Владение русским языком на постсоветском пространстве.....	145
Владение русским языком титульными народами республик России и стран ближнего зарубежья.....	162
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО (КАЗАХСТАНСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКОГО) РЕГИОНА.....	184
Трансформация этнокультурного пространства Центрально-Азиатского региона в постсоветский период.....	184
Тренды этнической трансформации Казахстано- Среднеазиатского региона с 1897 года.....	204
Прогноз этнокультурных процессов в Централь- но-Азиатском регионе на среднесрочную и долгосрочную перспективу.....	222
ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП С 1959 ГОДА И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ.....	235
Методика этнодемографического прогноза: оценка воспроизводственного потенциала этнических групп.....	235

Динамика этнических групп с 1959 года и этнодемографический прогноз до 2061 года в Эстонии, Латвии и Литве.....	240
Динамика основных этнических и лингвистических групп с 1959 года и этнодемографический прогноз до 2061 года в Республике Беларусь.....	257
Динамика этнических и языковых групп Украины с 1959 года и оценка на 2021 год.....	281
Республика Беларусь и Украина: контрасты этнической и языковой идентичности.....	298
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	308
Литература.....	310
Авторы коллективной монографии.....	340

Научное издание

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ФАКТОРЫ, ТРЕНДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Монография

Технический редактор: Манаков А. Г.
Компьютерная вёрстка: Манаков А. Г.
Корректоры: Манаков А. Г., Шморага К. А.

Подписано в печать 20.09.2022. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 350 экз. Заказ № 6062.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4а, корп. 3а.
Псковский государственный университет